

Салават Галлямов

**Основы Башкордской
индо-германской философии**

Этика древних башкордов

Том III

Уфа 2002 г.

**Этика
древних башкордов
в эпоху создания
национального эпоса:
Урал-батыр**

Автор выражает свою признательность Эдуарду Ахнафовичу Хифуллину и Айсылу Нуретдиновне Шайбаковой за набор и правку текста на компьютере, а также сотрудникам отдела научной информатики Ильдару Салимовичу Кинзябаеву, Радику Ралифовичу Фазлетдинову, Альфии Ташбулатовне Жиянбаевой.

Настоящий третий том «Основ Башкордской индо-германской философии» башкордского учёного – историка, философа, языковеда Салавата Галлямова посвящен вопросам изучения древней этики башкордского народа. Сопоставляя национальный эпос Урал-батыр, с такими памятниками древнегреческой культуры как трагедии Эсхила и Софокла, автор сумел удивительным образом выявить и раскрыть суть юридических законов и этических норм, которых придерживались далекие предки современных башкордов. Выводы автора подтверждены многочисленными историческими свидетельствами о нравах и обычаях ирано-язычных скифов и сарматов – предков башкордов, почерпнутых у античных историков. Контрастивный исторический анализ эпоса Урал-батыр с древними индо-германскими литературными памятниками делают настоящую книгу важным источником в деле изучения истории зарождения, развития и становления современной башкордской этики.

Книга предназначена для ученых-историков, искусствоведов, студентов гуманитарных факультетов институтов и университетов Российской Федерации.

Авторское право охраняется законодательством. Перепечатка данного издания, а равно отдельных его текстов без указания на автора запрещена законом.

Введение

Рассмотрев в предыдущих двух томах – Онтологию и Гносеологию башкордской философии, мы теперь можем приступить к той ее части, которая называется – Этикой или моральной философией. Такой порядок изложения любой философской системы объясняется тем, что Онтология и Гносеология изучают сущность мирового процесса и его познание человеком, тогда как предметом Этики является учение о нормах человеческой деятельности. Поэтому этику как науку о человеческой деятельности мы можем рассматривать только после того, как уже рассмотрен мировой процесс, частью которого человек и является.

По сложившейся классификации этика относится к числу нормативных наук, которая рассматривает все явления человеческой деятельности с точки зрения их соответствия предустановленным ранее нормам социального общества.

Этика как наука условно делится на две части: на практическую и теоретическую. Практическая этика занимается наблюдением того, как исторически сложившиеся нравственные принципы народа или общества применяются в жизни. Теоретическая этика занимается обоснованием нравственных принципов и идеалов того или иного народа, общества или государства, объяснением истоков возникновения морального закона.

Этика как моральная философия устанавливает критерии для нравственной оценки человеческих действий в обществе. Именно нравственная оценка позволяет человеку подразделять свои действия на хорошие или дурные и применять по отношению к себе и другим соответствующие санкции.

Таким образом, этика служит критерием для оценки человеческой деятельности. В практической жизни нравственные принципы определяют поведение людей в обществе.

Исходя из понятия общественного блага этика регулирует поведение людей всевозможными санкциями. Санкции этики всегда основаны либо на – социальном принципе, либо их основу составляют – религиозные заповеди.

Из истории человечества мы знаем, что всеобщих, абсолютных этических критериев оценки человеческой деятельности не

существует. Представления людей о добре и зле изменяются соответственно историческому времени, от поколения к поколению.

Предметом исследования современной этики является поиск тех нравственных критериев человеческого поведения, которые имеют обязательный характер и не зависят от материальных условий и не меняются под воздействием исторического времени. Сущность этики, как науки заключается в утверждении ценности и необходимости признания человеческим обществом неких нравственных идеалов, которые имеют неизменный, абсолютный характер.

Наше исследование башкордской этики ограничивается эпическим литературным памятником “Урал-батыр”, когда древние башкорды еще не отделяли этику от юридического права, данного им как кровнородственный Закон предков. Инстинкты древнее чем мораль или философия, поскольку для создания последней необходимо наличие у человека сильно развитого чувства личности. В древности у человека этого не было, так как всю его субъективную сторону личности поглощала коллективная форма жизни рода и племени. Вследствие этого древние башкорды этические принципы своего рода понимали и обосновывали метафизическими принципами. В эпоху родового строя предки башкордов считали все свои действия как-бы уже предопределенными свыше, заданные всеобъемлющим Роком. Широко распространенное у древних башкордов, как и у всех ведических ариев, учение о космическом порядке – Рите (рә т, башк.) привело их к пониманию морального принципа и к необходимости человеку приводить все свои действия в соответствие с некими космическими целями окружающей их природы. Этот принцип и являлся метафизическим основанием древнебашкордской этики. Именно кровнородственный Закон, поставленный в связь с метафизикой – как считали башкорды в древности – дает возможность признать этику как науку о моральном долге.

Для того чтобы понять исключительно верную мысль древних башкордов о метафизических истоках этики, как науки о нравственных критериях оценки человеческой деятельности, необходимо помнить, что башкорды в древности, как и все ведические арии Южного Урала, - развитие мировой жизни представляли не как диалектику, а как циклическое действие космического закона Риты, позднее

переродившегося в учение о Карме, а вера в переселение душ – метемпсихоз заменял башкордам современные законы науки об эволюции видов. Для современной науки основным законом, по которому совершается развитие мировой жизни, является закон эволюции, по которому развитие характеризуется переходом от простейшего к сложному, от однородного к дифференциальному.

Человек помимо того, что он личность, прежде всего он еще – биологический организм. Всякий организм, будь-то простейший, либо очень сложный стремится приспособиться к окружающей его среде. Это стремление организма приспособиться к внешней среде и называется поведением у людей. Любой думающий человек, если он конечно не круглый дурак, понимает, что это стремление организма к приспособлению во внешней среде уже имманентно присуще и метафизически вложено, дано организму еще до его рождения. Жизнь есть не что иное, как постоянное приспособление внутренних отношений индивида к внешним и в этом отношении этим метафизически – внутренним принципом организма для современного ученого являются невидимые, бесплотные законы эволюции, тогда как для древних башкордов этим внутренним метафизическим принципом жизни человека считался Космический Закон – Рита.

Следующее существенное различие заключается в том, что – древние башкорды никогда не отделяли идею от материи, наподобие того, как современные ученые фиксируют законы природы в математических формулах. Для древних башкордов идея была слита с материей, то есть с природой и все духовно-нравственные законы имели пластические, телесные формы. Почти как по Гегелю, – древние башкорды, – понимали циклическое развитие природы как самоосуществление Вселенского Духа, с той разницей от немецкого мыслителя, что этот мировой дух был разлит у них по всей природе и пронизывал собой каждую песчинку материи, являясь тем самым основой фетишизма, оборотничества и верой античного человека в бесконечно-циклический метемпсихоз.

Нравственный долг понимался древними башкордами как служение человека интересам своего рода и племени. Считалось, что моральный закон дан людям как заветы предков, нарушать которые не смел никто из членов рода. Исходя из того, что Шульген нарушивший

закон предков потерял свой человеческий облик и превратился в змея живущего в темноте, в пучинах мировых вод, тогда как его законопослушный брат Урал за почтение к заветам предков вознесся на небо и вступил в брак с Хомай дочерью Солнца мы можем судить о том, что для древних башкордов этика представляла собой не спекулятивную науку о нравственных ценностях, а являлась метафизической основой мирового процесса.

Этика у древних башкордов отождествлялась с порядком вещей в мире, наподобие того как Бог отождествляется с миром в пантеизме. Этот философский принцип получил свое дальнейшее развитие в учении башкордской мифологии о космогонии. Этика, которая является основой мира, как считали древние башкорды, не может не содержаться в следствии, то есть в повседневной жизни, и, чтобы обосновать этот “идеалистический принцип” в башкордском мифе “Урал-батыр” постулируется и взят за основу тезис о возникновении Вселенной из-за нарушения этического закона одним из братьев-прародителей Шульгеном.

По сути дела – нарушения этического закона предков Шульгеном и затем, последующее его исправление Уралом явилось по башкордскому мифу толчком к началу всего последующего процесса Космогенеза.

Урал-батыр, по башкордскому мифу, является живым воплощением светлого этического начала в человеке. Борясь с темными силами Хаоса, Урал-батыр погибает и порождает из своего тела землю. Тем самым, с точки зрения древнебашкордской мифологии вся земля, вся физическая материя оказалась пропитана изнутри духовно нравственным законом. Фундаментом этики у древних башкордов являлась земля, поскольку Урал-батыр, пожертвовав своей собственной жизнью для посторонних людей, сотворил физическую материю из своего мертвого космического тела. Для башкордов в древности казалось очевидным, что каждая песчинка земли пропитана и наделена положительными нравственными качествами их первопредка-прародителя Урал-батыра.

Солнечный свет, ниспадавший на землю, почитается в башкордской мифологии богиней Хомай, которая вступив в священный брак с Уралом помогает ему в битве с темными силами

хаоса. Следовательно физический свет, потоки солнечных лучей башкорды в древности одушевляли и наделяли этическими качествами. Исходя из эпоса Урал-батыр мы видим, что для древних башкордов вся циклическая жизнь природы от своего зарождения – весной, рассвета – летом, угасания – осенью и, временной смертью – зимой, представляла собой живую арену непрерывной борьбы светлого этического начала в космосе с темными “аморальными” силами зла.

Светлые этические начала и темные силы зла фигурировали в мышлении древних башкордов как физические законы природы, по которым: добро стремиться упорядочить и просветить мир, тогда как зло постоянно разрушает гармонию космоса и желает потопить весь мир во вселенской тьме.

В эпоху фетишизма и оборотничества древние башкорды представляли себе этические нормы и нравственные законы в образе богов своей мифологии и, никогда не рассматривали мораль человека изолировано от самой природы.

Позднее в истории, после того, как люди целые тысячелетия прожили по указаниям биологических инстинктов, вследствие зарождения в умах людей наиболее ранних форм абстрактного, отвлеченного мышления, фетишизм как идеология древнего человека вымирает, что приводит в конечном счете к гибели старинной хтонической мифологии.

Биологические инстинкты человека уступают место социальной политике и в среде ведических ариев Южного Урала во II тыс. до н.э. возникают знаменитые “Законы Ману”. Северное географическое происхождение “Законов Ману” подтверждается многими историческими фактами. В частности, не только у ведических ариев, но также и у башкордов Урала и немцев мифический Манн (Мануш) считается – прародителем человечества. У древних германцев Манн почитался прародителем рода: ингвеонов, истевонов, герминионов. Тогда как у башкордов Мануш (Ману) и его брат Ямаш почитаются прародителями рода Бурзян.

Именно на Южном Урале обитали древние индо-германские племена ведических ариев Куру (Курды – башкурды), Бхараты и, именно с Южного Урала, с севера они двинулись во II тыс. до н.э. в свой длительный военный поход на завоевание Северной Индии и

Иранского нагорья. Подтверждение этому нам дают как сами “Законы” Ману, так и археология и индо-иранская мифология. Имя прародителя человечества – Ману встречается в гимнах Риг-Веды, которые ведические индо-арии воспевали своим богам еще в эпоху завоевания Северной Индии и Передней Азии в 18 веке до н.э. Предки современных курдов – ведические индоарии основали свое княжество Митанни в Передней Азии уже в 18 в. до н.э.

По ведическим преданиям Ману разделит все древнее общество индо-ариев на 4 класса: 1) брахманы; 2) раджанья; 3) вайшья; 4) шудра. Именно это социально-теократическое деление общества на 4 класса встречается у курдов-езидов потомков митаннийских ариев в Передней Азии. У курдов 1-й класс пир “священник” соответствует брахманам в Индии, затем 2-й класс – шейх соответствует раджанье, 3-й класс – мьрид соответствует классу вайшья – народ у индусов и 4-й класс – мьртаба совпадает с классом – шудр в Древней Индии.

Исходя из того, что с этнической стороны ведические и митаннийские арии пришедшие в 18 в. до н.э. в Северную Индию и Переднюю Азию, с севера представляли собой, один единый народ, логически следует, что социально-теократическое деление своего общества на 4 класса ведические арии уже имели на своей исторической прародине – Южном Урале.

Этнически близкие ведическим и митаннийским ариям индогерманские племена древних иранцев считали Йиму родного брата ведического Ману мифическим законодателем разделившим их общество на 4 священных сословия: 1) царей-священников, 2) воинов, 3) земледельцев, 4) ремесленников отделив их одно от другого.

Эти два индо-иранских предания о мифических братьях – законодателях Яме и Ману находят свое полное подтверждение в этнологических преданиях башкордов Урала из рода Бурзян о двух братьях Монаше (потомок Ману, санскр.) и Ямаше (“потомок Ямы”, санскр.).

До настоящего времени башкорды рода Бурзян условно подразделяются на две этнические группы – Ямашей и Монашей, что является по сути дела историческим воспоминанием о разделении всего древнего общества ведических ариев Урала на 4 социальных класса. Другим подтверждением ведийско-арийского происхождения

башкордских имен Ямаш и Монаш является то, что они являются по генеалогии рода потомками Бурзяна, что в переводе с древнеперсидского языка означает – Огонь. В мифологии “Риг-Веды” и “АВЕСТЫ” Ману и его брат Яма являются сыновьями Вивасванта, имя которого в переводе с индоарийского означает “сияющий”. Имя Бурзян (Берези) в среднеперсидском языке являлось синонимом ведийского слова – Вивасвант.

Замена в башкордской генеалогии более древнего имени Вивасванта отца Ману и Ямы на более позднее имя Бурзян (Берсизава, авест.) связано по всей видимости с историей Парфянского царства (250 г. до н.э. – 226 г.), когда священный огонь зороастрийцев Борзен-Михрбан стал почитаться родовым огнем самих парфянских царей.

И сейчас по прошествии многих веков две деревни Ямаш и Монаш в Башкордистане, в Баймакском районе, на Южном Урале на территории обитания рода Бурзян напоминают башкордам об их ведийско-арийских предках Яме и Ману почитаемых индо-иранцами первыми основоположниками юридических законов в истории человечества.

В священной книге зороастрийцев “АВЕСТЕ” имеются упоминания о горной вершине Хара Березаити расположенной на древней прародине иранцев на севере в Арьянам Вэджа, возле священной реки Вахви Датийя (Яик).

Переселение индо-иранских племен ведических ариев Куру-Бхаратов во II тыс. до н.э. с Южного Урала на юг в Северную Индию и Иранское нагорье носило четко организованный, а не хаотичный характер.

Ведические индоарии завоевывали новые земли следуя требованиям своего священного ритуала Ашвамедхи. Подчиняя при этом местные автохтонные, отсталые в культурном отношении племена, ведические арии Куру распространяли и на аборигенов свои древние индо-иранские юридические “Законы” Ману. Как датские викинги завоевав Восточную Англию в 9 веке создали на ней область “датского права”, так и ведические арии создали область “ведического права Законов Ману” на территории завоеванной ими Сев. Индии и Передней Азии в середине II тыс. до н.э. Ведические арии Куру в ту древнюю эпоху прекрасно знали свою обязанность просвещать братьев

наших меньших. Очень точно этот созидательный дух древних индо-иранских ариев выразил великий английский поэт – колонизатор и просветитель Редьярд Киплинг в своем знаменитом стихотворении “Бремя белого человека”.

Неси это гордое Бремя –
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли –
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей
Наполовину бесов,
Наполовину людей.
Неси гордо белое Бремя
Воюй за чужой покой
Заставь Болезнь отступить
И Голоду рот закрой;
Но чем ты к успеху ближе,
Тем лучше распознаешь
Языческую Нерадивость
Предательскую Ложь.
Неси гордо белое Бремя –
Ты будешь вознагражден
Придирками командиров
И криками диких племен:
“Чего ты хочешь проклятый [ариец]
Зачем смущаешь умы?
Не выводите нас к свету
Из милой Египетской Тьмы!”

В настоящее время после удивительных археологических открытий на Южном Урале древних поселений – городов ведических ариев Куру весь башкордский народ стремится узнать как можно больше о своих индо-германских предках. Искренне надеюсь, что моя книга поможет им в этом.

25 апреля 2002 года. Салават Галлямов

Часть I
Этика древних Башкордов Урала
Намыз-Кэрэк

(Две основные этические категории древних Башкордов.)

Намыз-Nomos

Этимология: Слово – “Намыз”, в башкордском языке, имеет исконно индогерманское происхождение. Так, в кордском индоарийском языке слово того же корня – Намус означает: 1) “честь”, “доброе имя”, “репутация”; 2) “стыд”, “целомудрие”. В древнегреческом индоевропейском языке идентичное курдскому слово – Номос со значением “Закон”. Как писал В. Ярхо: “Древнегреческое слово *nomos*, соответствующее русскому слову “закон”, содержит в себе вполне определенную сумму представлений. Прежде всего это некая нравственная категория, неизвестно кем и когда установленная, но сохраняющая свое абсолютное значение с незапамятных времен для бесконечной вереницы поколений. В признании авторитета таких вечных законов сходились в Афинах в середине V века до н.э. самые разные люди вплоть до столь скептически настроенных, как Гиппий или Сократ”.

(См. указ. автор “Драматургия Эсхила...”. М.1978, стр.169)

Если вспомнить тот исторический факт, что древние греки пришли на Балканы в 18-12 веках до нашей эры с Севера, в эпоху экспансии ведийско-арийских племен на Юг, то нет никаких сомнений в том, что все три слова: в курдском – Намус, в древнегреческом – *Nomos* и в башкордском – Намыз имеют свой единый индогерманский источник возникновения, а не являются заимствованием из каких-либо языков другого типологического строя.

Кэрэк-kerugma

Этимология:

Понятие – Кэрэк в башкордском языке означает некое “должное во времени” в отличие от понятия Намыз – Совесть – Закон, мыслимые как данные изначально “до начала времен” и свойственных природе человека.

Башкордское слово – Кэрэк “надо, необходимо” (сделать, исполнить) точно соответствует курдскому слову – гэрэк “должен, обязан”. Вместе с этим и башкордское, и курдское слово: гэрэк – Кэрэк, полностью этимологически совпадает и семасиологически соответствует древнегреческому (индоевропейскому) слову – *kerugma* со значением “указ, распоряжение”, изданного по какому-либо кратковременному, частному событию или поводу.

Идеологической основой понятия – Намыз (Номос) у башкордов, курдов и древних греков являлось так называемое “семейное начало” или – кровнородственные связи между членами семьи, которые и составляли основу “государственности” первобытно-общинной формации.

Идеологической основой понятия – Кэрэк (*kerugma*) у башкордов, курдов и древних греков, напротив, составляло требование повседневной жизни отказаться от комплекса древних кровнородственных норм, попросту связей, и перейти к новым законам, которые диктовало экономическое развитие общества. Два этих индоевропейских термина, Намыз и Кэрэк, демонстрируют нам налицо конфликт между старой идеологией и новыми, прогрессивными нормами и требованиями зарождающегося рабовладельческого государства.

Религиозные верования и нормы, уходящие своими корнями в глубь веков, предписывали человеку родовой общины свято чтить кровно-родственные связи, требовали соблюдать все необходимые обряды в отношении кровных родственников, причем не только самых близких, но и дальних.

Святость и незыблемость кровнородственного закона – Намыз у башкордов, курдов и древних греков зыжделась на том, что – Намыз

понимался вечным, непреходящим законом Богов, которые почитались древними прародителями людей.

Именно с нарушения Шульгеном этого Вечного Космического Закона – Предписания Намыз начинаются изложения основного сюжета в башкордском эпосе “Урал-батыр”.

40. Пиявку кровь сосать
То ли издавна было так,
То ли от Янбирде повелось
И с годами на той земле
В обычай вошло
Если изловят дикого зверя,
И зверь окажется самцом,
Муж и жена вдвоем
Голову съедают его
.....
53. А если изловят дикого зверя,
И зверь самкой окажется,
Муж и жена
Сердце берут себе.
Если травоядное животное изловят,
На него черную пиявку посадят,
Чтоб пиявка кровь сосала.
60. Из крови той питье готовят,
Пока не подросли их дети,
Пока на зверей не стали охотиться
сами,
Сыновьям они запрещали
Есть голову и сердце зверя,
Пить его кровь, ...
“Не разрешается!” – говорили.

Из этих строк эпоса видно, что главными характеристиками Закона – Намыза была его Изначальность, Неписанность и Обязательность исполнения, что являлось в свою очередь уже одной из

форм сплочения кровнородственной семьи в эпоху общинно-родовой формации.

Намыз – это продолжение земных родственных отношений на небе, перенос их действий на жизнь всего Космоса. В эпоху фетишизма все предметы и явления, и родственные отношения в том числе, мыслились древними людьми живыми и одушевленными разумными существами, поскольку, например, для башкордов весь Космос представлял из себя не что иное, как Универсальную Космическую общину, во главе с отцом – Самрау, его двумя женами Кояш – Ай, их дочерьми Хомай – Айхылыу, вышедшими замуж за Урала и Шульгана, от брака которого и произошли их дети – Башкорды, то есть первые люди на Земле.

Мифология является идеологией общинно-родовой формации, и, следовательно, этническое понятие индогерманских народов – Намыз возникло в древности как отражение на уровне сознания кровнородственных отношений в семье, являвшейся базовой ячейкой родового строя.

Дальнейший рост производительных сил предполагает в истории развитие частной инициативы человека, что в свою очередь было возможно только при условии освобождения рядовых членов общины от родовой опеки и кровнородственных форм мышления, то есть Мифологии. Вслед за этим отдельные представители общинно-родовой формации начинают, как Шульген в башкордском эпосе, преступать и нарушать предвечный Закон – Намыз.

90. “Жажда одолеет в игре –
Чистую воду пейте,
В ракушку налитую кровь
Пробовать не смейте!”
Вот так своих сыновей
Снова наставлял Янбирде
Пить кровь детям своим
Еще раз запретил, говорят.
И вот однажды
Старик со старухой вдвоем
100. Охотиться ушли,

- А Шульген и Урал
 В жилище остались одни.
 С тех пор как родители ушли,
 Немало времени прошло.
 Разговорились двое детей,
 О еде речь зашла.
 Приздумался Шульген,
 Он знал: пить кровь отец
 Им не разрешил.
110. “Не смейте пить!” – говорил.
 Шульген стал Урала подстрекать
 И так ему сказал, говорят:
 “Если бы на охоте живность губить
 Было не приятно,
 А жажду кровью утолять
 Не было бы сладко,
 Тогда отец и мать, позабыв о сне,
 Не щадя своих сил, день за днем,
 Изнемогая от усталости,
120. Дома бросая нас [одних],
 Не стали бы на охоту ходить.
 Урал, если это так, давай
 Ракушки откроем
 И из каждой понемногу,
 По капле отопьем –
 Вкус крови узнаем.”

Удивительным в башкордском эпосе является то, что Шульген, подстрекая Урала испить кровь и нарушить родовое предписание – Намыз, идеологически опирается на хорошо известный в Античной Греции классического периода базовый принцип Протагора (491-V в. до н.э.), который гласит, что “человек есть мера всех вещей”.

- Шульген: “Смерть, что человека сильнеей,
 Сюда не придет,
 140. Не явиться, нас не найдет.

Отец уже нам о том сказал:
 “Мы сами – всему живому смерть.”
 Ведь он нас однажды предупредил,
 Что ж ты опасаясь теперь?”

Как видно из этих слов Шульгена, древним предкам башкордов уральским Дахо Массаетам был хорошо известен задолго до античных греков эпохи Перикла сам принцип – magna charta, ставший позднее краеугольным камнем западного релятивизма. В экономической жизни предков башкордов Дахо-Массаетов коневодство, по сообщению античных историков, было одной из ведущих отраслей хозяйства.

Занятие коневодством, укрощение диких лошадей, умение объездить жеребца требует от человека максимального развития его индивидуальных качеств, которые, раз сформировавшись, предполагают сложение личности нового типа и ее последующий выход за рамки громоздкой, и самое главное малоподвижной, статическо-циклической, общинно-родовой идеологии.

Проблема самостоятельности и ответственности человека при принятии им самим своих решений составляет одну из базовых мировоззренческих основ башкордского эпоса “Урал-батыр”, которая наиболее четко и ясно раскрывается в монологе Янбирде к своим подрастающим детям:

240. Янбирде: “Каждой живности, чей срок настал,
 Мы становимся смертью;
 Куда бы не бежали [звери],
 В каких бы скалах и чащобах ни таились,
 Мы все же отыщем их,
Нож в горло вонзим.
 Чтобы поймать и съест человека,
 [Чтобы] нож вонзить в него –
 Такой души здесь еще не родилось.
 Смерть, способная погубить нас,
 250. Здесь еще не появлялась.”

По сути уже Янбирде, отец Урала и Шульгена, является представителем нового типа личности, которая уже вышла далеко за узкие рамки общинно-родовой идеологии. И в этом отношении обряд испития взрослыми членами семьи крови, есть не более чем пережиток старины, но понимаемый древними башкордами как – Моральный Закон – Намыз, завещанный им предками.

Именно поэтому, даже не смотря на то, что само по себе желание Шульгена испить кровь с целью познания является по своей сути положительным, как например желание Адама и Евы вкусить плодов от Древа Познания, это желание познания в эпосе “Урал-батыр” признается отрицательным поскольку для своего осуществления требует от человека нарушить древний принцип – Намыз, данный людям свыше, в начале времен. Несмотря на увещания своего брата Урала, Шульген выпивает запретную кровь:

Призадумался Шульген,
Однако слова [брата]
Во внимание не принял.
220. Из ракушек понемногу,
Крови он отпил, говорят,
И, что Урал отцу не скажет,
Слово с него взял, говорят.

Идейное значение и содержание образа Шульгена в эпосе “Урал-батыр” свидетельствует прежде всего об окончательном преодолении в коллективном мировоззрении древних башкордов архаичной идеологии запретов и табу кровнородственной семьи эпохи общинно-родовой формации.

По всей видимости первоначальные попытки отдельных личностей обойти по необходимости древние законы и предписания – Намыз кровнородственной семьи воспринимались отрицательно всеми другими членами рода или племени. Поэтому образ Шульгена в башкордском эпосе показан в виде – обманщика, этакого фольклорного трикстера, который своими действиями против небесной воли богов провоцирует людей на ответные действия на Земле, которые ведут к духовному просветлению и прогрессу. Таким образом, люди, в данном

случае башкорды, нарушая своим прогрессом волю и древние предписания богов перекалывают всю ответственность за это на фольклорного обманщика – трикстера, называя свои прогрессивные действия по переустройству законов в кровнородственной семье всего лишь ответными мерами.

Отсутствие положительных красок при описании ниспровергателя ненужных кровнородственных законов и обычаев – Шульгена и, наоборот, возвеличивание Урал-батыра, верного хранителя старых (реакционных) запретов и традиций, является блестящим историческим доказательством необычайной древности башкордского эпоса по сравнению с таким литературным произведением античной Греции, как трагедия Эсхила “Прикованный Прометей”. Сопоставление эпоса “Урал-батыр” с некоторыми трагедиями античной Греции помогут нам лучше понять структуру и неимоверно архаичный характер происхождения башкордского мифа.

Образ Прометея, представленный в античной поэзии и драматургии Гемодом и Эсхилом достаточно хорошо изучен в европейском литературоведении.

Многие западные и отечественные ученые-философы и литературоведы давно подметили существенное различие в изображении и идейном содержании образа Прометея у Гесиода, у которого греческий миф получил первую известную нам в истории культуры литературную обработку, и, по хронологии, затем у Эсхила. При этом никто из зарубежных или отечественных исследователей удивительным образом не обратили никакого внимания на такой существенный факт, как биография каждого из античных поэтов.

Биография:

Гесиод поэт конца VIII в. до н.э., земледелец из местечка Аскры в Беотии (Средняя Греция) и является представителем дидактического эпоса. Гесиод является младшим современником гомеровского эпоса. Отец Гесиода покинул Малую Азию, где жил его род и поселился около “горы Муз” – Геликона.

Беотия относилась в эпоху Гесиода к числу отсталых земледельческих областей Греции. Сам Гесиод был мелким землевладельцем, который проиграл судебную тяжбу со своим братом Персом из-за раздела земли после смерти их отца. Гесиод считал (и по

всей видимости это было именно так), что проиграл процесс в суде из-за того, что судьями были представители родовой знати. И если Гомер описывает Грецию эпохи родового строя, то Гесиод уже отражает ориентацию человека в пределах классового общества.

Именно с этой точки зрения выглядит наиболее интересным и примечательным тот факт, что у Гесиода вопреки “классовым” фактам из биографии поэта образ мифического Прометея, восставшего против родовых законов богов (от которых по существу и пострадал во время тяжбы сам Гесиод), носит отрицательный характер – плута и обрисован в крайне негативном виде как человек, недостойный погребения в земле.

Зевс и Прометей

535. Ибо в то время как боги с людьми препирались в Меконе,
Тушу большого быка Прометей многохитрый разрезал
И разложил на земле, обмануть домагаясь Кронида.
Жирную в кучу одну потроха отложил он и мясо,
Шкурою все обернув и покрывши бычьим железком,
540. Белые ж кости собрал он злокозненно в кучу другую
И, разместившись искусно, покрыл ослепительным жиром.
550. ...Но Кронид, многосвядующий в знаниях вечных,
Сразу узнал, догадался о хитрости. Злое замыслил
Против людей он, и замысел этот исполнить решился.
Правой и левой рукою блистающий жир приподнял
он, –
И рассердился душою, и гнев взошел ему в сердце,
555. Как увидел он искусно прикрытые кости бычачьи
.....
558. В гневе сказал Прометею Кронид, облаков собиратель:
“Сын Иапета, меж всех наиболее на выдумки хитрый!”
“Козней коварных своих, мой любезный, еще не забыл ты!”
Так говорил ему Зевс в знаниях вечных

В сердце великом навеки обман совершенный
запомнив,

- Силы огня неустанной решил ни за что не давать он
Людям ничтожным, которые здесь на земле обитают.
565. Но обманул его вновь благороднейший сын Иапета;
Неутомимый огонь он украл, издалеко заметный,
Спрятавши в нарфексе [род тростника] полом.
И Зевсу, гремящему в высях,
Дух уязвил тем глубоко. Разгневался милым он
сердцем,
Как увидел у людей свой огонь, издалеко заметный.
570. Чтоб отплатить за него, избрел для людей он
несчастье.

Образ мыслей Гесиода, как это особенно заметно по выше приведенному тексту, очень консервативен и патриархален, а часто просто реакционен. Несмотря на то, что поэт сам являлся мелким землевладельцем и пострадал по суду от произвола родовой знати, Гесиод и не помышлял изобразить Прометея, выступившего как и Шульген в башкордском эпосе, против архаичных законов родового строя – положительным, прогрессивным героем.

Ученые, изучавшие этот вопрос, объясняют консерватизм мышления Гесиода тем, что он жил в тот исторический период, когда классовое общество еще только зарождалось в Древней Греции, и поэтому идеалом поэта оставался – Родовой строй. Именно по этой причине Прометей у Гесиода изображен обманщиком, которого как и Шульгена в эпосе “Урал-батыр” общественное мнение осуждает за самостоятельность мышления, ведущее в конечном итоге к противопоставлению человека воле богов (силам природы и устоям кровнородственной семьи) и развалу родовой общины.

Новая личность, которая выделилась из первобытной общины, овладела стихийной силой рода и научилась внутренне понимать и различать производительные, творческие силы природы от естества человека, впервые в истории античного мышления и искусства была выведена в трагедиях Эсхила, жившего три века спустя после Гесиода.

Биография:

Эсхил родился в 525 г. до н.э. в Элевсине в Аттике и в отличие от Гесиода, происходил из весьма знатной семьи. Первая половина V в. до н.э. – это эпоха греко-персидских войн, в которых новая Греция воевала и неоднократно побеждала, старый авторитарный, деспотический Восток. Эсхил простым воином – гоплитом (тяжело вооруженный пехотинец) участвовал во всех главнейших сражениях греко-персидских войн: победа при Марафоне (490), у Саламина (480) и при Платее (479). По неизвестной причине Эсхил дважды уезжал из Афин к тирану Гиероклу в Сицилию, где и умер в 456 году до нашей эры.

Эсхил в отличие от Гесиода в своих постановках (он создал около 90 драм) стремился реально показать мучительный, полный кровавых ужасов переход древних людей от кровно-родственного закона: *Nomos* – Намыз к разумному управлению социальной жизнью общества с помощью человеческих указов: *kerugma* – Кэрэк. В известной мере с Эсхила человеческие указы начинают противопоставляться божественному Року в древнегреческих трагедиях.

Эсхил несомненно находился под влиянием и впечатлением мучительного осознания огромного исторического процесса распада общинно-родового строя и рождения античного государства, где место родовых авторитетов заняли аристократы-граждане полиса, которые воюют и борются с дикостью и варварством старых времен в защиту интересов личности, не связанной с ними никакими узами кровного родства.

Для выражения абсолютно новой идеи для зарождающегося античного общества, опутанного старой идеологией родового строя, Эсхил выбирает хорошо известного древним грекам Прометея и выводит его в своей трагедии “Скованный Прометей” в образе двоюродного брата Зевса Вседержителя, а не как плута у Гесиода или фольклорного трикстера вопреки широко известному народному поверью.

Эсхил сильно интерпретирует древний миф и не упоминает вообще, что началом распри между Зевсом и Прометеем послужила туша жертвенного быка. Этим литературным приемом Эсхил лишает

Зевса юридического права в обосновании его гнева на Прометея перед античным зрителем.

В двух мифах – башкордском и греческом – и Шульген, и Прометей нарушают родовой запрет: один из них пьет кровь, другой берет себе мясо от жертвенного быка, являвшейся долей другого “старшего” члена родовой общины. За этот немыслимый поступок Янбирде-отец наказывает Шульгена, а Зевс Вседержитель воспылал праведным гневом на Прометея.

С точки зрения идеологии и норм родового строя Янбирде из башкордского эпоса и Зевс из греческого мифа юридически правы. Но хитрый Эсхил лишает их законного права вершить суд над своими детьми и родственниками путем умалчивания сути истории зарождения самого конфликта.

Эсхил в своей трагедии вообще не упоминает о дележе жертвенной туши, и, посредством этого приема, Прометей из преступника, нарушившего родовые запреты – *Nomos* и подлежащего за это изгнанию из своей общины, превращается в героя новой эпохи, открыто противопоставляющий свою волю земного человека небесной воле Богов. Эсхил в лице Прометея выводит на сцену сторонника просвещенной аристократии, которая борется с дикостью и варварством кровнородственных законов в защиту индивидуальных личностей, объединенных в единое греческой государство – полис, такими новыми юридическими законами как указ – *kerugma* (Кэрэк – необходимость, башк.). Иными словами – у античного грека после победы над персами в длинной череде войн начало складываться абсолютно новое, неизвестное прежде родовому строю людей прогрессивное Представление о том, что в случае необходимости “*ananke*” человек может, опираясь на свою собственную волю, нарушить древний Закон Богов – Предков: *Nomos*.

Оставляя в стороне вопрос, поднятый впервые Вильгельмом Шмидтом в 1919 году о неэсхилловском авторстве “Скованного Прометея”, вызванного полным несоответствием классического мировоззрения грека Эсхила с явно выраженным софистическо-антропоцентрическим характером речей самого Прометея, которые указывают на относительно позднее, послезэсхилловское время формирования его образа как героя-богоборца и просветителя людей,

нам представляется необходимым рассмотреть с исторической точки зрения вопрос: “Почему, несмотря на свой прогрессивный поступок и передовой образ мышления, старший брат Шульген изображен в башкордском эпосе плутом и мошенником, тогда как, напротив – защитник древнего реакционного кровнородственного права – Номоса его младший брат Урал стал почитаться у башкордов героем?” Для этого нам надо выяснить, в какую историческую эпоху был создан башкордский эпос “Урал-батыр”.

Историческая эпоха создания эпоса “Урал-батыр”. Материнский род

По дошедшим до нас благодаря эпосу “Урал-батыр” историческим фактам можно с уверенностью говорить, что действия в нем разворачиваются в архаическую эпоху перехода от группового брака к индивидуальному. Основная идейная направленность башкордского эпоса состоит в проповеди идеи добровольного брака на основе свободного выбора, а не родового принуждения.

Этнографы установили, что в древности сложение материнской родовой общины привело к ликвидации первобытнообщинного стада, но не покончило с зоологическим индивидуализмом. Как писал П.И. Борисковский: “Переход от древнего палеолита к позднему, от первобытного стада к материнской родовой общине явился скачком в философском смысле слова.”

(См. указ. автор, “Древнейшее прошлое человечества”. М. Издат. Наука, 1980г., стр. 204)

О сохраняющихся рудиментах материнского рода в социальной структуре современного патриархального курдского общества мы можем узнать из разных источников. Так, например, О.Л. Вильчевский в середине 20 в. об этом оставил следующее сообщение: “По выходе замуж женщина фактически становится хозяйкой дома. Правда, если молодые живут в большой семье, оба они подчиняются родителям мужа и его старшим братьям. Однако с того момента, как супруги образуют отдельную семью, и в особенности после того, как молодая становится матерью, значение ее в семье чрезвычайно возрастает. При посторонних жена оказывает мужу различные знаки

почтения, он же относится к ней несколько пренебрежительно. Но это лишь показная сторона. В действительности ни одно сколько-нибудь серьезное семейное дело не решается без участия жены и почти всегда так, как она находит нужным. В отсутствии мужа жена самостоятельно решает все вопросы, принимает гостей и т.п. Авторитет матери и формально, и по существу выше авторитета отца. Ее слово – Закон для детей.

При широко распространенном институте побратимства у мукринских курдов, как и среди других курдских племен, названным братом становится тот, кто символически становится сыном общей матери. Для этого по обычаю надо либо прикоснуться к соскам матери побратима, либо пролезть через ворот ее рубахи, имитируя рождение. Как пишет В.Ф. Минорский, “если мать отличается умом или красотой, имя ее прибавляется к имени сына, и какой-нибудь Бапири-Шашан (т.е. Бапир, сын Шашаны) разносит всюду известность своей матери” ”.

(См. О.Л.Вильчевский. “Мукринские курды”. ПЭС, 1959 г.)

Материнский род являлся основой социальной жизни на протяжении всей первобытной истории человека. Необходимо здесь указать его наиболее важные характеристики: материнский род есть группа людей, связанных между собой общностью происхождения, исчисляемого узами родства по материнской линии. Материнский род предполагает групповой брак, когда отец неизвестен, а родство и происхождение велось только по женской, материнской, а не мужской-отцовской линии. В башкордском эпосе об этом говорится так. Старик сказал Шульгену:

1670(7-10). “Хорошо запомни это, егет
Так заведено в нашей стране,
И молодые, и старики
1680. Все словно родные здесь,
Будто одной матерью рождены.”

Брак был матриликальным: мужья переходили жить в род своих жен.

Этот последний обычай, характерный для группового брака в эпоху материнского рода, достаточно подробно и неоднократно описан

в башкордском эпосе “Урал-батыр”. Покинув свой дом, Урал прибыл в другую страну, где увидел толпы людей и:

730. К стоящим людям [Урал] подошел.
Окинул взглядом майдан .
Поодаль от этой толпы
Шагах в пятнадцати в стороне
.....
Стояли матери и отцы
И к ним Урал подошел.
740. Спросил, что же произошло,
О своем намерении рассказал
.....
Из толпы один старик
Так ему рассказал:
“Егет , по виду твоему
По удивленному взгляду твоему
По тому, что на льве сидишь верхом,
Похоже ты из чужой страны.
750. В нашей стране падишах есть
.....
- 770(7-8). Дочь падишаха каждый год
Себе выбирает одного
.....
800. Урал тоже строй не нарушал
Вместе с другими стоял
Дочь падишаха, проходя по рядам,
Всех егетов перебрала,
Но среди них по душе
Ни одного егета не нашла.
Наконец она к Уралу
Приблизилась, говорят,
Остановилась возле него,
На Урала взглянула, говорят,
Взяла в руку яблоко она,
810. Подарила ему, говорят.

- На майдане дочь падишаха
Никого больше не стала выбирать,
Урала отвести к себе
Жестом приказала слуге.
.....
“Дочь падишаха полюбила его,
Он зятем падишаха стал!” –
820. Закричали так, зашумели все,
Приближенные засуетились,
Стали народ в сторону теснить.
Сказали: “Пойдем во дворец, егет,
Дочь падишаха ждет тебя”.
Что делать Уралу, пояснили они,
А из приближенных один
Взялся повести его, говорят.
“Ты нашим зятем стал”,– сказал
По плечу его похлопал, говорят .
.....
1160. Самый старый среди людей
Так сказал, говорят:
“Ты – егет из егетов, оказывается,
Ты бесстрашный батыр, оказывается!
Надеясь лишь на самого себя
.....
Ты пришел сюда, батыр оказывается.
.....
Егет, на дочери падишаха женись,
Здесь останься, егет!”
Услышав эти слова,
Узнав, что все того хотят,
Урал решил жениться, говорят,
1180. Девушку в жены взять, свадьбу
сыграть,
Пожить там немного решил, говорят.
Прошло несколько дней
После свадьбы своей

Урал снова отправился в путь,
 говорят.
 Много вод перешел, говорят, ...

Затем Урал встречает Заркума, сына Белого двенадцати
 голового дракона Кахкахи (Млечный Путь), спускается с ним в
 подземное царство, где освобождает захваченных в плен людей от
 власти чудовищного Змея и добывает себе волшебный посох – хукмар.
 После чего все люди обступили и предложили Урал-батыру совершить
 брак с девушкой из их рода.

Урал еще тогда встретил ее во дворце.
 Девушку эту сосватали ему
 Решили за Урала замуж отдать.

 Самый старший из собравшихся,
 1630. Много повидавший в жизни, сказал:
 “.....
 Эта девушка тебе подстать,
 1650. Сыну твоему будет матерью она”.
 К сказанному прислушался Урал,
 Взял себе в жены Гулистан, говорят,
 Свадьбу устроил большую, говорят,
 Вместе с гостями он был, говорят.

Совершая очередной брак, Урал проводил определенный
 период времени со своей новой, супругой, а затем покидал ее.

Эпос “Урал-батыр” удивительным образом сохранил и донес
 до нас описания наиболее характерной для материнского рода формы
 парной семьи, – легко расторгимого брачного союза, пришедшего на
 смену групповому браку. При такой форме парной семьи – основные
 орудия производства, а также охотничьи и рыболовные угодья и
 пастбища для скота находились в родовой собственности, а хозяйство
 велось коллективно. Все члены рода жили сообща в больших
 общинных домах или в группах маленькими жилищами типа юрт и

шалашей. Важнейшим и определяющим признаком рода являлась –
 Экзогамия, то есть запрет браков внутри рода. Домашний труд женщин
 носил ярко выраженный общественный характер. Первичность
 материнского рода и первичность счета родства по женской линии
 связаны с тем, что отец при групповом браке неизвестен. Первичность
 материнского рода зафиксирована этнографами в пережитках его,
 сохранившиеся у ряда народов и племен уже в рамках самого
 отцовского рода.

В башкордском эпосе этот древний рудимент материнского
 рода, когда при групповом браке отец ребенка остается неизвестным,
 сохраняется в описании того, как дети Урала уже довольно поздно,
 только став взрослыми членами рода и племени, проявив свою
 собственную личную инициативу, узнают – кто же на самом деле
 является каждому из них отцом.

Яик – первый сын Урала от дочери царя Катилы, узнает имя
 своего отца не напрямую от своей матери, как должно было бы быть на
 самом деле, а послушив ее разговор сама с собой, - факт, который
 подтвердила незасыхающая кровь четырех батыров, убитых во время
 поединка с Уралом:

Первый: “Я – сын твой [Урал],
 3310. Дочерью Катила рожден,
 В восемь лет я сел верхом на коня,
 Много объездил стран.
 В одном месте я видел кровь,
 Земля не впитывала ее,
 Ворон ее не пил;

 3320. Спросил, какая тайна скрыта здесь.
 Мать ни слова не произнесла,
 Горько заплакала тогда.
 Удивился, растерялся я –
 Не мог тайную причину понять.
 Долго я странствовал по разным краям,
 Многих людей повидал,
 Старых встречал и молодых (...)

3330. Никто ясного ответа не дал,
А лишь так один говорил:
.....
3340. Без согласия матери твоей
Не раскроем тайну ребенку ее
.....
Иди, дитя, возвращайся домой,
Попытайся мать расспросить,
Если откроет свою тайну мать,
.....
3350. Снова обратился к матери я.
Ничего не сказала мать,
Тайну не выдала мне. (...)
.....
Спать уложила меня,
Баюкала, чтоб я заснул,
Я послушался ее,
Сделал вид, что уснул,
Думал, может она заговорит.
То ли решила она, что заснул,
3360. То ли позабыла обо мне –
Горько заплакала мать,
Задумалась, голову склонив,
И заговорила сама с собой так:
“Уехал мой Урал, исчез,
Не возвращается домой.
Сын его вырос, сел на коня,
А отец и не знает о том (...)”
.....

Из подслушанного разговора своей матери сама с собой Яик узнает имя своего отца Урала, и, поднявшись на ранней заре, отправился к луже незасыхающей крови убитых четырех батыров и произнес там такую речь:

- 3380.(5-8) “Вот ты, оказывается, какая кровь!
Тебя, оказывается, пролил мой отец,
Отцу моему, по имени Урал,
Оказывается, объявили [вы] войну.”

После всех дальнейших происшествий Яик наконец находит своего отца и говорит ему:

- С мыслью: “Я – Яик – Урала сын,”
Мечтая твоим спутником стать,
3340. Пришел я издалека, тебя разыскал.

Таким образом, из самого рассказа Яика мы видим с какими трудностями пришлось столкнуться ему, прежде чем он как сын смог узнать имя своего отца.

Нугуш – второй сын Урала от его брака с Гулистан также в своем повествовании рассказывает, через какие испытания ему пришлось пройти, прежде чем он сумел узнать имя своего отца:

- “Моя мать – Гулистан –
Когда мне было шесть лет,
.....
3450. ... моя мать в думах о тебе
От горя увяла совсем.
Когда она не могла уже на ноги встать,
Когда пластом лежала она,
[Женщина – жрица, стоящая во главе рода,
не более защищать древнюю идеологию]
Змеи напали на страну
.....
3460. А [я] сам [Нугуш] в битву вступил один.
Видя, что я страну отстоял от врага,
.....
- 3470(10). Встала мать, подошла ко мне,
положила руку мне [на плечо]
3480. И со слезами на глазах

Так сказала мне:
Отец твой – Урал-батыр,
Ты, мой Нугуш, от него рожден.”

Третий сын Идель от брака Урала с Хомай также иносказательно подтверждает, что у башкордов существовал древний обычай материнского рода – утаивать от ребенка имя его прямого отца.

3490(4-7). Третий: “Моя мать – Хомай –
В небо взлетает каждый день.
К чему-то прислушивается она.
“Ах, мой Урал, что с тобой?
Я горюю, но не знаешь ты

.....
3500(5-10). Горевала в одиночестве своем,
Потом пристально посмотрела на меня
И сказала, вздохнув:
“Ах, если бы пораньше родился
Стал бы опорой отцу

3510. Уставшему от долголетних битв”
.....
Плачет, всхлипывает она,
Верно ребенком считая меня,
Тайны не открывает своей.”

Как видим, Идель как и два других сына – Яик и Нугуш – узнает имя своего отца Урала, которое хранилось в тайне, от своей матери через определенный срок, а до этого пребывал в неведении относительно своего прародителя.

Но более всего удивительным из всех рассказов сыновей о раскрытии ими тайны и постижении истинного имени своего отца выглядит рассказ Хакмара, где повествуется, что несмотря на то, что он приходится лишь племянником Урала, его мать Айхылыу, супруга Шульгена, говорит своему сыну признать своим отцом Урала.

3590(3-10). Не выдержала мать,

Позвала меня к себе
И так сказала:
“Я дитя, рожденное Луной

.....
3610. Когда Шульген стал мужем мне,
Мать моя скрыла лик
Дам рыжего тулпара

.....
Дитя мое, садись на коня,
Вместе с Иделем отправляйся
Вслед за Уралом – отцом твоим.

Несмотря на то, что в мифе говорится о том, что отцом Хакмара является Шульген, вместе с этим здесь описана почти в деталях форма брака в эпоху материнского рода, когда отцом ребенка мог признаваться ближайший родственник реального супруга – партнера женщины при групповом браке, о чем хорошо известно ученым-этнографам.

Домашний труд женщины носил общественный характер, а долговременные жилища башкордов, как город-поселение Аркаим, по форме и планировке предполагает, что его обитатели еще в эпоху бронзового века жили общиной, а архитектурный план наиболее соответствовал проживанию в нем обитателей с групповой формой семьи.

Безусловно, вследствие борьбы с зоологическим индивидуализмом в материнском роде древних башкордов установилась экзогамия, которая сохраняется в деревнях Башкортостана и поныне. Вместе с экзогамией, то есть запрет браков между родственниками из своего рода, сложились и первые формы социальных отношений.

Проблема перехода от группового брака к парной семье, от материнского рода к отцовскому поднимается и в трагедиях древнегреческих драматургов, живших и творивших далеко от Урала на Балканском полуострове. Это означает, что с исторической точки зрения смена материнского рода отцовским наблюдается в древности по всей зоне обитания индо-германских, арийских племен.

У Эсхила проблеме перехода от группового брака к индивидуальному специально посвящена целая трагедия “Просительницы”, также часто именуемая “Умолящие”. Как писал о духе этой трагедии Эсхила русский философ А.Ф. Лосев: “Подобная форма коллективного брака была незапамятной стариной даже для Эсхила. ... Ясно, что он при этом был воодушевлен некоторыми современными ему идеями, а древний миф понадобился ему только лишь как художественное средство и поэтическое обрамление для его идеи”.

(См. Античная литература. Под ред. проф. А.А. Тахо-Годи. М.1963, глава VIII, стр. 78)

Трагедия Эсхила “Просительницы” с точки зрения этнографии была также проанализирована американским историком-этнографом Л.Г. Морганом (1818-1881) в его классическом труде “Первобытное общество”.

Эсхил в своей трагедии “Просительницы” сохранил описания традиционных для античных греков древних обычаев, построенных на социальных законах, восходящих в своем историческом генезисе к эпохе материнского рода.

Как и в башкордском эпосе основным институтом, выступающим против древних законов материнского рода, у греков выступает – Народное собрание, символизирующее собой некий свободный, светлый, демократический строй, противопоставляющий себе миру темной архаики.

Интересно и важно отметить, как древние башкорды, так и античные греки понимали, что любое новое есть всегда, хотя бы телесно порождением старого; на чем в принципе и основана психология фетишизма.

Поэтому Эсхил в своей трагедии “Просительницы” выступает защитником брака и устами хора воспекает в конце спектакля власть богини любви Афродиты, которая является в данном случае идейной защитницей притязаний на брак пятидесяти сынов царя Египта, которым по дошедшему до нас народному мифу античных греков удалось добиться своего и взять себе в жены дочерей – Данаид.

В башкордском эпосе этот конфликт между свободой личности в выборе и родовой обязанности, также как и в мифах

античных греков, разрешается браком Урала первоначально на дочери Катилы, в битве с которой он сам чуть не погиб, и браку с которой он сам воспротивился; затем вступлением Урала в брак с Гулистан и богиней лучистого света и живой воды Хомай.

Для историков этнографии башкордского народа брак Урала с Гулистан интересен прежде всего тем, что герой вступает в него только после того, как выслушал на это пожелание всего народного собрания, возглавляемого Алгыром, играющего роль старейшины, главы отцовского рода. Нельзя не признать здесь наличия идеи народовластия, пронизывающей собой весь текст повествования башкордского эпоса.

Надо отметить и указать, что в трагедии Эсхила царь Пеласг принимает ответственное решение о дальнейшей судьбе Данаид только после того, как он как и башкордский Урал-батыр, выслушает и получит на это санкции от народного собрания.

Последний, третий священный брак Урал-батыра с богиней света и живительной влаги – Хомай символизирует идею мужского и женского союза на основе свободного выбора и обоюдного согласия, то есть парной семьи, создание которой неумолимо привело в истории к разрушению родового строя.

Именно здесь и наступает основное идеологическое различие башкордского эпоса “Урал-батыр” с трагедиями древнегреческого драматурга Эсхила, которого невозможно не заметить. В башкордском эпосе, говоря о способности и праве каждого человека (башкорда) вступать в брак по любви, свободно, без принуждения, как и их первопродок [первообраз] Урал-батыр, начинает проповедоваться новая, прогрессивная, абсолютно неизвестная античным грекам времен Эсхила идея о бессилии Рока перед волей человека.

Этот идейный принцип, зафиксированный в эпосе “Урал-батыр”, является подлинным историческим свидетельством наличия известного демократизма мышления у предков башкордов бронзового века на Урале Дахо-Массагетов и Сако-Массагетов. Сомневаться в наличии у Дахо-Массагетов и Саков демократизма как в институтах власти, так и в самом мышлении не приходится, поскольку именно в среде башкордов Сако-Массагетов родился Будда - Сакья Муни, “Мудрец из рода Саков”, который в период своей жизни с 625 по 544

гг. до н.э. указал в своих проповедях человеку духовный путь по преодолению невидимых колес Рока – Сансары.

В античной Греции, как мы знаем из истории, не только ни один драматург, но также ни один философ не смог даже вообразить и поставить волю человека выше всевластного Рока.

Из-за нерешенности этого вопроса на уровне философии все античные трагедии посвящены описаниям гибели личности или государства (“Персы”), не желавших считаться с родовыми предписаниями, от рук противников, порождаемых слепым Роком. Причем этот конфликт часто принимал облик континентальных масштабов. По Эсхилу, самим Роком было предначертано – Персам владычествовать в Азии, а Грекам в Европе. В его трагедии «Персы» описывающей драматическими средствами исторический момент последовавший после поражения персидских войск в битве при Саламине мысль о бессмысленности человека идти против воли богов раскрывает людям вызванная из могилы тень царя Дария отца Ксеркса. Тень царя объясняет поражение персов их чрезмерным желанием владычествовать над теми землями и народами над которыми им богами не предначертано обладать.

Наибольшего идейного напряжения концепция борьбы личности и воли человека с безжалостным роком достигает в творчестве другого античного драматурга – Софокла (496-406 гг. до н.э.), являвшегося младшим современником Эшила.

Софокл в своей драматической трагедии “Антигона”, поставленной на сцене афинского театра около 440 г. до н.э., главной положительной героиней изобразил девушку, сестру, которая гибнет, выполняя свой кровнородственный закон – Номос по отношению к погибшему брату и нарушает тем самым государственный указ – *kerugma*.

Суть трагического конфликта в драме Софокла состоит в следующем: Антигона, дочь давно умершего фиванского царя Эдипа, вопреки приказу Креонта, нового властителя Фив, совершила погребальный обряд над своим погибшем на братоубийственной войне братом Полиником, которого Креонт и запретил хоронить как изменника отечества. Этеокл и Полиник во время борьбы за отцовский престол в Фивах убили друг друга. Но Полиник привел против

отечества шесть аргивских вождей, за что и был объявлен изменником отечества и царским указом – *kerugma*, его тело было запрещено хоронить и отдали на растерзание птицам, тогда как его родной брат Этеокл пал, защищая свое отечество, и поэтому погребен как герой. Антигона, сестра погибших братьев, несмотря на письменный указ – *kerugma* царя Креонта, запрещающий хоронить предателя, пришла и тайно предала тело Полиника земле, тем самым исполнила свой долг перед своим мертвым братом, выполнив кровнородственный закон – Номос, повелевавший античным грекам по страхом загробного наказания всегда и везде придавать земле тела своих усопших родственников.

Мы сразу замечаем, что в трагедии Софокла как и в башкордском эпосе “Урал-батыр” суть действий начинает излагаться от начала конфликта, произошедшего между двумя братьями (Шульген : Урал – Полиник: Этеокл). Один из них, который не нарушает предустановленного закона – Номоса – Намыса, будь то Урал в башкордском мифе или Этеокл в греческом отнесены авторами изначально к положительным героям, когда как братья (Шульген – Полиник), нарушившие предписания богов-прародителей, изображаются как отрицательные персонажи.

В двух произведениях положительные герои Урал – Этеокл погибают, защищая родную землю от иноземных захватчиков, будь то подводные дивы или аргивские вожди; тогда как два других брата: Шульген – Полиник, становятся предателями отечества и рисуются людьми, не заслуживающими погребения на родной земле.

Дух генетического ведийско-арийского родства между башкордским эпосом “Урал-батыр” и трагедиями античных греков раскрывается не только в их единстве типологических структур, но и в наибольшей мере в самой идейной направленности народных воззрений, которые эти произведения донесли до нас. И башкордский эпос “Урал-батыр”, и древнегреческие трагедии (возможно за исключением эсхиловского Прикованного Прометея) защищают – Номос, то есть принцип соответствия Закона древним традициям своей страны. Основу социальной структуры страны в эпоху создания эпоса “Урал-батыр” у башкордов или позже у античных греков времен Эшила составляла кровнородственная семья, для которой

юридическим законом являлись родственные отношения и кровные узы внутри родовой общины. Пренебрежение или непочтение родовых связей каралось смертью виновника. Напротив, если человек погибал, защищая неписанные законы – Номос как Урал-батыр в башкордском мифе, то он после своей смерти почитался как герой.

При контрастивном сопоставлении эпоса “Урал-батыр” с созданной значительно позже, на другой ступени исторического развития ведийско-арийского сообщества – трагедии Софокла “Антигона” сразу обнаруживается чрезмерная архаика и вся тяжесть коллективного мышления, воплощенная в башкордском, уральском мифе. В эпосе “Урал-батыр” ни о какой жалости к преступившему кровный закон – Номос, Шулгену, родному брату положительного героя Урала, речь вообще не идет, тогда как у Софокла Антигона сама нарушает царский указ – керугта, пожалев своего погибшего неверного брата – Полиника. По этому сюжету сразу видно, что Софокла волнуют проблемы, связанные с судьбой индивидуальной личности, а не с судьбой рода.

Креонт (Антигоне)

А ты скажи в словах немногих, в кратце, мне,
Того не делать повеленье знала ли?

Антигона

Да, знала. Как же иначе? Смысл ясен был.

Креонт

И все-таки дерзнула преступить приказ – [kerigma]?

Антигона

450. Да, ибо то не Зевсом мне повелено,
Не преисподнем сопредельной Дикою [богиня Правды]
Такой был установлен для людей закон. – [Номос]
Не полагала, что твои всеильны так
Веленья – [kerigma], чтоб законы божьи устные [Номос]
Незыблемые все же – смертный мог попрасть.

(перевод: В.О. Нилендера, С.В. Шервинского)

Дике – Дейка означает «Мать» на языке курдов Месопотамии. В эпоху матриархата хранительницей родового закона – Номоса была женщина – Мать

Эти изменения в идеологических установках, которые мы наблюдаем в трагедиях Софокла по сравнению с башкордским мифом, свидетельствуют о значительном росте чувства личности у человека, живущего в античном государстве – полисе.

Однако, не стоит легкомысленно полагать, что в эпоху античной драмы у жителей Афин или, тем более, у спартанцев ослабло или исчезло чувство кровного долга. Наоборот, из истории мы знаем, что для античных греков их кровнородственные связи составляли основу полиса, то есть государственности. Более того, одним из наиболее ярко сохранившимся на протяжении многих веков античной истории Греции и Рима пережитков родового строя был обычай поклонения именно семейным божествам, которые стояли во главе родовых, а не государственных религиозных культов.

Античные греки, как и башкорды Урала, свято чтити обычаи и законы семьи, являвшейся для них не только моделью государства, но и всего Космоса. Даже намного позже эпохи создания мифа “Урал-батыр” у древних греков такой институт как кровнородственная семья продолжала пониматься как основа государства.

Как писал В. Ярхо: “Что же касается “семейного начала”, то в Афинах V века до н.э. оно отнюдь не противопоставлялась “началу государственному”. Если на высшую государственную должность стратега мог избираться афинянин с определенным достатком и к тому же имеющий детей от законной жены, то это условие предполагало, что разумно править государством может только человек, научившийся управлять своим домом”.

(См. В. Ярхо, указ. соч. стр. 171)

Консервативная во всех отношениях и особенно в религиозных вопросах, а также соблюдении долга исполнения всех обрядов божествам, особо чтимых в узком семейном кругу, олигархия афинского полиса всегда требовала от своих сограждан уважения к – “неписаным законам древности”, то есть – Номосу.

Для древних башкордов эпохи создания эпоса “Урал-батыр” все законы, регулирующие жизнь родовой общины и родов внутри племени между собой, представлялись сводом передаваемых из поколения в поколение юридических запретов и правил, необходимость и святость исполнения которых никто из башкордов ни

только не смел, но даже и не думал оспаривать, кроме родного брата главного героя – Шульгена. Именно свод неписаных правил, регулирующий отношения между людьми и передаваемый по наследству от старших членов семьи к младшим из поколения в поколение, и называется у башкордов – Намыз “Родовая, коллективная совесть, через призму которой индивидуальное сознание человека воспринимает, познает и оценивает окружающий мир явлений”.

Шульген нарушает свод неписаных правил – Намыз, по которым регулировалась вся социальная жизнь внутри древнего башкордского кровнородственного коллектива – полиса [Аркаим].

Чтобы понять всю тяжесть преступления Шульгена, необходимо вспомнить, что он нарушал предписания, регулирующие отношения между членами родовой общины при распределении пищи, то есть правила поведения человека перед – Домашним очагом. В эпоху не только медно-каменного века, но и значительно позже, в эпоху бронзы (II тыс. – 500 г. до н.э.), не только домашний очаг, но и огонь в любой своей форме почитался божеством у предков всех без исключения индо-германских народов.

У непосредственных предков башкордов и курдов – ведических ариев, божество огня почиталось под именем – Агни, у латинян – Ignis, у славян – Огонь. У современных курдов сохранился обычай при переходе сына в свой новый дом, ровно как и дочери в дом жениха – переносить с собой в новое жилище свой древний родовой огонь, взятый от горящего очага в доме родителей.

Именно божество семейного огня, при котором старейшины рода делили добычу и пищу на всех членов общины, и оскорбил своим непослушанием Шульген. О том, насколько серьезным было преступление Шульгена по канонам античного общества, мы можем узнать на примере Креонта – главного обвинителя Антигоны в одноименной трагедии Софокла.

Потеряв в гневе рассудок, Креонт угрожает Антигоне неумолимой расплатой за ослушание его приказа, даже если виновница будет сестрой самого Зевса-Геркия “Хранителя домашнего очага.”

Креонт (484-489)

И не был бы я мужем, но она была б,
Коль ей пройдут без кары посягательства.
И будь она хоть сестрин отпрыск, ближе будь
И самого мне даже Зевса Геркия
Все ж не избежен ныне, ни сестра ее
Участи злейшей;

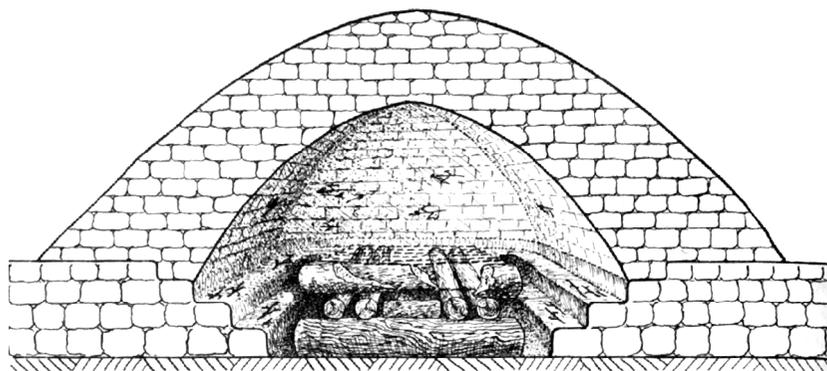
(перевод: В.О. Нилендера, С.В. Шервинского)

Култ Зевса-Геркия (Zens-herkeios) – “Хранителя домашнего очага” почитался древними греками столь высоко, что считалось – даже своего врага нельзя убивать, если он припал, умоляя о пощаде, к домашнему очагу. Это архаичное поверье об огне, как священной стихии, и очаге, как “священном месте” в доме человека, в полной мере продолжает сохраняться у современных курдов, то есть у “куретов, защитников Зевса в мифологии античных греков. как писала, касаясь именно этого вопроса Т.Ф.Аристов в своей книге «Материальная культура курдов...»(Москва.Наука , 1990 ., стр .107-108):"Говоря об очаге, нельзя не остановиться на той огромной роли, которую он всегда играл в духовной жизни курдского населения и продолжает быть “священным местом” в быту курдов. Для курдской семьи очаг никогда не являлся только источником тепла, элементарно необходимого для домашней жизни: для обогрева жилища, для варки пищи, для выпечки хлеба и т.д. Очаг в семье курдов прежде всего символ, конкретизирующий “высшую силу”. Отсюда, вероятно, и проистекает огромное значение очага в быту курдов, особенно езидов.

Очаг, по религиозно-бытовым традициям курдов символизирующий благополучие и постоянство семьи, никогда не должен быть сразу угасшим. Особенно нельзя гасить огонь при помощи воды, отнимающей тепло и выхолаживающей очаг. При необходимости курды гасят огонь пеплом, т.е., по их верованиям, веществом, “находящимся рядом с этим огнем”. Но, согласно обычаю, огонь лучше не гасить. Небольшие тлеющие угли постоянно находятся в скрытом состоянии, даже и в том случае, когда больше нет никакой необходимости в разжигании очага. Религиозное почитание курдами

негасимого огня выражается в том, что хозяйка помещает на особом фитиле пламя, взятое из очага, в особую посуду, предохраняющую его от воздуха.

Другим признаком “священности” огня до сих пор является вера курдов в магическую силу, содержащуюся, по их мнению, в золе некоторых, так называемых мистических очагов, особенно у представителей секты али-илахов, или “Людей Истины” (юго-запад Иранского Курдистана). Такая зола, согласно поверьям, является “наделенной счастливыми добродетелями”. Ею можно якобы излечивать укусы змей и скорпионов. Такого рода очаг у верующих курдов считается духовным очагом, а его хозяин в глазах своих близких и сельчан якобы обладает некоторыми божественными атрибутами.

Синташта Южный Урал II тыс. до н.э.

Большой погребальный курган вождя ведических ариев Куру на вершине которого во время проведения поминальных обрядов горел священный огонь

Вообще, надо сказать, на какой бы стадии религиозности ни находилось курдское население, очаг действительно играет огромную роль в жизни семьи, являясь символом благородства, благополучия. Так, по традиции отец оставляет завещание, чтобы после его смерти очаг (т.е. семья) не угасал, был постоянным, продолжался, чтобы в роду продолжалось благополучие. Самый многосемейный род считается счастливым преемником своих предков, т.е. их очага. Про человека, не имеющего детей, курды говорят, что его очаг потух. Единственный ребенок недостойн и не в состоянии ничего добавить к чести семьи и обеспечить ее счастье, так как он гасит семейный очаг. Таким образом, по народным традициям, пламя очага представляет собой символ продолжения рода, семьи, племени. Об огромном значении очага в быту курдов весьма образно писал в свое время известный этнограф С.А.Егиазаров: “Очаг служит синонимом семьи: сын, отделившись от отца и обзаведшись особым хозяйством, составляет очаг. Когда новорожденному дают имя (на седьмой или восьмой день после его рождения), тогда его обносят вокруг очага и зарывают в очаг обрезанную при рождении и сбереженную до этого дня пуповину в знак того, что новорожденный с этого момента делается настоящим членом семьи. Сын, после отделения от отца, обыкновенно берет огонь из того же очага и разводит свой собственный, причем огонь ему приносит мать и собственноручно prepares очаг... Дочь, выходя замуж и оставляя отчий дом, тоже обходит вокруг очага, как бы прощаясь с ним. Сын, послушный и уважающий своих родителей, называется у курдов “очахзада” (сын очага)... Напротив, “биочах” (без очага) называется человек бездомный, безродный, а также сын непослушный и расточительный”.

Следовательно, Прометей, похитивший огонь у своего родового – божественного, семейного очага в доме Зевса, который затем отдал людям, то есть посторонним, тем самым совершил тяжкое преступление не только по меркам античного законодательства греков, но также и курдов-куретов Малой Азии, равно как и ведических ариев, а затем и латинян.

Креонт в трагедии Софокла как раз и оскорбляет честь Зевса-Геркия “Хранителя домашнего очага”. Этот же закон – Номос

“Почтения духа и заветов предков у священного места перед домашним очагом” нарушает и Шульген в башкордском эпосе и, определив задолго до Протогора, что “человек – мерило всех вещей”, подстрекает своего младшего брата Урала начать вместе с ним разрушать родовые устои общества.

Следует заметить, что, только сопоставляя башкордский миф с юридическими законами и нормами античных государств (Афинская республика, Древний Рим), исследователь начинает понимать и видеть, что эпос “Урал-батыр” идейно нацелен на защиту родовой архаики и идеализацию кровнородственных связей, понимаемых как юридические законы или совесть, то есть – Намыз.

За свое святотатство Шульген в конце концов был изгнан из своей родовой общины своим братом Уралом, что было в древности равносильно смерти, когда в эпоху коллективной формы собственности на средства производства, охотничьи и рыбные угодья и пастбища жизнь личности напрямую зависела от благополучия всей родовой общины.

В. Ярхо для того, чтобы показать насколько высоко почитался культ Зевса-Геркия “Покровителя домашнего алтаря”, приводит пример из греческой мифологии с Неоптолем (сыном Ахилла), который был убит много позже Троянской войны во время своего паломничества в Дельфы за то, что давным-давно, ворвавшись в дворец троянских царей, убил Приама, припавшего к домашнему алтарю.

Культ огня существовал у всех индо-германских народов без исключения. Следовательно, Прометей, укравший родовой огонь, совершил с точки зрения родовой морали величайшее преступление, передав святыню людям, которые во всех отношениях не являются существами равными олимпийским богам.

Подобный сюжет о воровстве семейных родовых святынь мы встречаем и в Библии в Ветхом Завете, где говорится, как Рахиль, жена Иакова, украли терафимов из дома своего отца Лавана, который затем погнался за ними.

Бытие. Глава 31

19. И как Лаван пошел стричь скот свой, то Рахиль похитила идолов, которые были у отца ее.

22. На третий день сказали Лавану, что Иаков ушел.

25. И догнал Лаван Иакова; ...

26. И сказал Лаван Иакову, что ты сделал? (...)

30. Но пусть бы ты ушел, потому что нетерпеливо захотел быть в доме отца твоего: Зачем ты украд богов моих?

31. Иаков отвечал Лавану и сказал:

32. У кого найдешь богов твоих, тот не будет жить. (...)

Иаков не знал, что Рахиль украдала их.

33. И ходил Лаван в шатер Иакова, и в шатер Лии, и в шатер двух рабынь, но не нашел, вошел в шатер Рахили.

34. Рахиль же взяла идолов и положила их под верблюжье седло и села на него. И обыскал Лаван и не нашел.

Как видим на примере обычаев у различных народов Малой Азии (Лаван по Библии жил в Месопотамии на территории современного Курдистана), а также греков и латинян – кровнородственные связи по поверьям древних людей освящались культом семейного божества. В частности, у чеченов – древних хурритов, названным братом считается тот, кто произносит это, ухватившись руками за цепь, висящую над очагом. Любое нарушение культа семейного божества или похищение каких-либо сакральных предметов из надлежащего ему ритуала, будь-то выпитая кровь Шульгеном из башкордского мифа или украденный Прометеем огонь в поверьях греков, или, наконец, отцовские идолы-терафимы, увезенные Рахилью, рассматривались как преступления против устоев общества, за что виновника приговаривали к смерти.

С этой точки зрения выглядит абсолютно удивительным тот юридический факт, что Урал пожалел своего старшего брата Шульгена после того, как мы выяснили, что смертью наказывался любой человек, и даже член семьи, если он совершит осквернение семейного, родового очага.

Башкорды в древности как и ведические арии и современные курды-езиды почитали огонь – Божеством. Поэтому родовой

домашний очаг почитался местом пребывания Божественной стихии, наподобие алтаря в православных храмах.

О святости места, где в данный момент пребывает на земле Господь, говорится и в Библии, в Ветхом Завете:

Исход. Глава 3

1. Моисей пас овец у Иофора, тестя своего, священника Мадиямского.

Однажды провел он стадо далеко в пустыню и пришел к горе Хориву.

2. И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста.

И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает.

3. Моисей сказал: пойду и посмотрю сие великое явление, отчего куст не сгорает.

4. Господь увидел, что он идет посмотреть и воззвал к нему Бог из среды куста

и сказал: Моисей, Моисей!

Он сказал: вот я!

5. И сказал Бог: не подходи сюда;

сними обувь твою с ног твоих;

ибо место сие святая есть.

Если уже этот обычай почитания огня зафиксирован у народов Ближнего Востока, на которых на протяжении 4 веков с 18 по 14 вв. до н.э. оказали огромное подавляющее культурное влияние древние индоарии Митанийского княжества, прибывшие в Переднюю Азию с Урала и Средней Азии в эпоху Великой миграции индогерманских племен с севера на юг, то можно только представить, насколько сильно почиталась священным местом земля и вся территория вокруг домашнего очага у башкордов Урала, являющихся прямыми потомками ведических ариев. Доказательством этому факту служит единство терминологии, связанной с домашним очагом:

<u>башкордск. яз.</u>	<u>курдск. яз.</u>	<u>скандинавск. яз.</u>
узак – очаг	оццаг – очаг оццаг “домашний очаг”	
ут – огонь утын – дрова		Wooden – Один (бог Огня)
куз – уголек	к’узи – уголек	herd – очаг (нем.) жар, огонь
куруу – жарить,	к’урэ “костер”,	kerze – свеча (нем.)
көл – зола, пепел кэл – накипь,	кэлин – кипятить, варить	
казан – котел	казан	kessel – котел (нем.)

Несмотря на то, что древние башкорды как и все ведические арии поклонялись огню, возле которого Шульген нарушил запрет предков – Намыз и тем самым осквернил самое святое место, Урал-батыр не убивает его, как этого требовал обычай, а отпускает, дабы Шульген мог очиститься от греха, совершив какой-нибудь подвиг. Это место в башкордском эпосе является наиболее трудным для понимания историкам, исследователям-психологам законов мышления человека эпохи медно-каменного века, то есть эпохи создания эпоса “Урал-батыр”, когда идеологией человека являлась мифология, и составляющую ее основу – фетишизм и оборотничество.

Эпизод пощады и условия возвращения Шульгена к своему племени, которые выдвигает Урал-батыр, в башкордском эпосе занимает огромное место и описывается так:

- 3670(5-10). У Шульгена не хватило сил
Перед Уралом устоять,
Бился, но не выдержал он,
На землю Шульген упал.
Подскочил к Шульгену Хакмар,
Мечом замахнулся на него;
3680. Но Урал не позволил [нанести удар] –
Остановился, не ударил Хакмар.
Урал собрал [всех] людей,

- Шульген перед ними предстал.
 “С детства ты коварным был,
 Тайком крови испил,
 Не послушался отца,
 Ко злу склонился ты,
 Отвернулся от добра.
 С войском своим в крови потонул, (...)”
- 3690(6-8). Окаменело сердце у тебя,
 Отец стал тебе чужим,
 Материнское молоко в яд превратилось в тебе (...)
- 3730(5-10). И если клятву не дашь, землю поцеловав,
 Голову не склонишь перед людьми,
 Честное слово не дашь,
 Если ты слезы людей
 Не примешь на совесть свою
 И если при встрече с отцом
3740. Не скажешь: “Я виноват”,
 То голову твою швырну, как точильный круг.
 Сотру тебя в муку-толокно,
 Душу твою трепещущую, как мотылек,
 В ночной туман обращу,
 Окровавлю тело твое,
 Унесу и захороню на горе (...)
3750. На вершину ее не придет ни одна душа,
Никто не придет разузнать о тебе.
Не помянут тебя добром.”

**а. “Народное собрание” –
 Высший институт юридической власти**

Юридической основой царской власти Урал-батыра, который принял имя предводителя рода – Турэ является его наследственное право на отцовский титул и место в обществе, которое и пытался оспорить его брат Шульген. В вспыхнувшей братоубийственной войне народ в лице светлых сил поддержал Урала, младшего брата царя

Янбирде, а не старшего сына Шульгена. Заполучив после победы царскую власть, Урал-батыр поступает как мудрый правитель, который принимает все решения относительно дальнейшей участи Шульгена только посовещавшись с народным собранием, а не единолично, как какой-нибудь заговорщик или узурпатор. С этой целью Урал-батыр, как это сказано в башкордском эпосе, “собрал всех людей” и “Шульген перед ними предстал”. В этих строках эпос незримо зафиксировал юридические нормы древне-башкордского общества, когда каждый из семи башкордских родов понимался самими башкордами как большая кровно-родственная семья, а все семеро родов вместе составляли живой народ-государство. Ни один глава рода – Тархан – у древних башкордов не мог принимать частного решения по какому-либо общественному вопросу, не заручившись прежде – поддержкой народного собрания.

Урал-батыр рисуется в башкордском эпосе как – идеальный правитель, который для принятия окончательного решения о дальнейшей участи своего родного брата Шульгена, являющегося также как и он сам – сыном царя Янбирде, собрал весь народ-государство, как свою родную семью.

Весь народ прибыл по эпосу на собрание после битвы, то есть весь народ был военным ополчением, поскольку каждый член рода был Воином.

Необходимо отметить, что специфическим термином Кара “народ-войско” в Бехистунской надписи царя Дария I, датированной 521-520 гг. до н.э., называется войско предков современных курдов – Мидийцев. Эти Мидийцы эпохи империи Ахеменидов являются прямыми потомками более древних Митанийцев, пришедших как ответвление ведических ариев в Переднюю Азию и Иранское нагорье в 18 веке до нашей эры с Южного Урала – Ирандека. Из гимнов Ригведы мы знаем, что в составе ведических ариев, вторгнувшихся в 18 веке до н.э. с севера на территорию полуострова Индостан, передовым отрядом был род – Куру, от имени которых в конечном счете и происходят этнонимы Курдов Месопотамии и Башкурдов Урала. Этот исторический факт подтверждается данными лингвистики, а именно – ведийской индоязычностью курдских племен Чагана и Зангене, которую не удалось ученым обнаружить среди индо-германских

диалектов всех арийских языков в современной Индии, из чего следует неумолимый постулат о том, что курды пришли в Месопотамию за долго до того, как ведические арии проникли в начале II тысячелетия до нашей эры в Индию, где впоследствии и расселились.

Во главе древнего башкордского ополчения – Кара (древн. персид.) стояли родственники царя, в частности в эпосе Урал-батыр говорится о четырех военачальниках: Яик, Идель, Нугуш – трех сыновьях самого Урала и Хакмар – один сын Шульгена. Здесь нельзя не обратить внимание на то, что по данным ряда индо-германских, европейских языков таких как, например: латинский (*guarte*), французский (*guarte*) – “Четыре” (4) этимологически и семантически соответствует слову – защита, стража, дозор – *garde, avantgarde*.

Из всех четырех детей – военачальников именно Хакмар, родной сын Шульгена, осквернившего огонь родового, семейного очага, собирается убить своего отца. Но Урал по праву старшего в роду запрещает Хакмару привести казнь в исполнение. Этот маленький эпизод демонстрирует нам наличие в древнебашкордском обществе довольно развитых форм иерархии власти, построенной по принципу соответствия членов рода степени близости кровного родства к своему первопредку-прародителю.

Урал занимает царский престол своего отца по праву прямого наследования, тогда как Хакмар является всего лишь сыном Шульгена, то есть брата, и как племянник не имеет никакого права наследования, но обязан строго выполнять волю своего дяди-вождя, чья власть и образ – Защитника семейного алтаря казались древним башкордам – сакральными и незлыбимыми.

Урал-батыр, остановив Хакмара от убийства его отца, начинает как праведный царь какого-нибудь античного полиса греков, например, Пеласага в эсхилловской трагедии – излагать перед собравшимся народом, то есть перед членами высшего совета рода – все те обвинения в государственных преступлениях, которые по эпосу совершил Шульген.

Безусловно анализ исторических условий создания башкордского эпоса “Урал-батыр” говорит о полной невозможности применять к юридическим нормам тех далеких времен ведийско-арийской экспансии с севера на юг современных понятий закона или

государственности. Но вместе с тем никто из историков юридической науки никогда и нигде не будут оспаривать того положения, что Римское право, ставшее со временем основой европейского, а затем и международного законодательства, зародилось и вышло из недр латинского семейного права, которое своей целью напрямую ставило защиты именно кровнородственных связей латинян. Например, если бы у латинян отец убил своего сына, даже умышленно, то его никто бы не осудил за это; но если бы сын убил своего отца, пусть неумышленно, то его все равно бы казнили сограждане по закону кровного права.

Следовательно, исходя из этого мы будем употреблять термин и понятие – государственность, применительно к эпосу “Урал-батыр” именно и только в юридическом смысле этого слова.

6. “Непослушание отцу!”

Урал-батыр перечисляет перед собравшимся демосом все основные государственные преступления Шульгена, среди которых главными названы:

3680(6-7).	Тайком крови испил
Не послушался отца,
.....
3690(7-8).	Отец стал тебе чужим
Материнское молоко в яд превратилось в тебе.
.....
3710(7-10).	Ты же слова своего не сдержал,
От добрых дел отошел,
Не послушался отца,
Словам матери не внял.

Как видим, если отбросить все мифологические аллегории, типа: “Дивов выбрал в друзья”, то все обвинения против Шульгена, которые выдвинул его родной брат Урал, знавший как свидетель обвиняемого с самого детства – действительно имеют страшную юридическую силу.

Для любого древнего патриархального общества непослушание сына своему отцу, хранителя старых неписанных законов – Номоса, считалось тяжчайшим преступлением, заслуживающим смерти, ибо виновник как бы расшатывает своим небрежением сами основы общества.

Достаточно вспомнить по этому поводу практику древнего римского права или Законов Ману и, наконец, юридический свод законов Хаммурапи вместе с законами Ассирийской империи – где сын за непослушание своему отцу предавался смерти, как возмутитель общества.

Сын был собственностью, вещью отца и многие легенды, мифы и предания даже подтверждают наличие в древности у многих народов по необходимости из-за бессилия перед Роком приносить в жертву Божеству своих сыновей и дочерей, например: как Авраам своего сына Исаака в Библии; как Агамемнон свою дочь Ифигению в мифологии греков. Родовые семейные Божества почитались древними греками отцами-основателями городов, и поэтому из реальной истории Греции мы знаем, что философ Сократ был приговорен афинским ареопагом к смерти за непочтение к древним (старым) богам, непочтение к местным богам, в растлении этим афинской молодежи.

Исходя из того, что античные греки унаследовали свои законы смерти, защищающие устои патриархального общества от своих предков – ахейцев и дорийцев, являвшихся близким индоевропейским этносом к предкам башкордов и курдов – ведическим ариям, то нет никаких сомнений, что по законам того времени Шульген, послушавшийся заветов своего отца-первопредка, заслуживал смерти.

в Минорат у башкордов и праздник – Хабандтуй

Как заметил в свое время Дж.Фрэзер: “...значительная часть народов, соблюдающих минорат в настоящее время, живет главным образом земледелием” (см. Дж.Фрэзер. “Фольклор в Ветхом Завете”, стр. 223-224). Это определение вполне согласуется с той исторической эпохой, в которую создавался эпос Урал-батыр, то есть тогда, в тот исторический период социально-экономического развития, когда

башкорды переходили к ранним формам кочевой (подсечной) форме земледелия.

Прямым указанием на этот начальный процесс развития земледелия является сам древний башкордский эпос, где герой Урал-батыр поставил своей главной целью задачу по искоренению древних форм добывания себе пропитания (охоты) и переход к новым – не связанным при этом ни с каким пролитием крови живых существ.

Урал говорит собравшимся членам рода следующее:

350(9-10). Чтобы сильный слабого пожирал
Отвергнем обычай такой

.....
370(2-4). Ни один из тех, кто кровь сосет, мясо ест,
Другом не станет...
Покончим со злодейством (на земле).

В этих строках башкордского эпоса желание Урал-батыра заставить свой народ перейти от охоты к земледелию зафиксировано более чем убедительно. Земледелие у древних башкордов подтверждается и историческими фактами. Так, античные греки покупали в огромном количестве зерно у предков башкордов – ираноязычных скифов (саков) и сарматов (юрматов), а затем перевозили в Крым и экспортировали дальше – на материковую Элладу и островную Грецию.

Вместе с этим наличие минората у народов земледельческих и у народов пастушеских как привилегия младшего сына в наследование имущества и удела отца перед старшим сыном является обычным правом и предстает естественной необходимостью.

Это означает, что основой минората, причем как у народов, занимающихся земледелием, так и – скотоводством, является обилие земли, что позволяет старшему сыну по достижении совершеннолетия покинуть отчий дом, тогда как младший – достигает совершеннолетия чаще к тому периоду жизни, когда их общий с братьями отец уже умирает. Следовательно младший сын не просто наследует удел своего усопшего отца, а остается на уделе отца на паритетных правах

владения землей со своей родной матерью, о которой он должен заботиться до конца дней ее жизни.

Наличие земледелия у башкордов с древнейших времен подтверждает старинный национальный праздник зерна и успешного окончания весенних пахотных работ – Хабандтуй. Этот национальный весенний праздник башкордского народа интересен тем, что имеет ирано-курдскую этимологию: *хаб* “зерно”, *хабанд* “молиться богу” (курдск. яз.), это прямо указывает на то, что в древности в эпоху индо-германского единства сам башкордский язык относился к иранской группе языков и только много позже, уже в эпоху татаро-монгольского нашествия сильно подвергся тюркоязычной деформации. Этот факт со своей стороны доказывает полное отсутствие какого-либо праздника земледелия у тюрков и татаро-монгольских народов, которым вообще чисто этнически было чуждо какое-либо занятие сельским трудом.

Вместе с этим, еще одним доказательством того положения в этнографической науке, что – предками башкордов являлись индо-германские племена Южного Урала эпохи бронзы, служит теперь не только “английская” фонетика башкордского языка, но и наличие именно – Минората, то есть “*Bogough English*” именно у саксов, то есть пришедших в Британию германских племен.

Этническое родство ираноязычных Саков-Массагетов Урала и германоязычных сакских – саков Рейна, переселившихся в 8-9 веках в Британию с материка, давно установленный и никем не оспариваемый исторический факт.

г Правило поведения детей у семейного очага у древних башкордов и суть первого преступления Шульгена

В эпосе “Урал-батыр” сохранились весьма ценные с исторической точки зрения сведения о правилах поведения членов кровнородственной семьи у башкордов в древнюю эпоху материнского рода.

Во первых, сразу заметно, что трапезу начинали старшие члены рода, отдавая по их верованиям так называемые сакральные

части туш приготовленных к пище зверей. Только после того, как взрослые съедали – мозг (голова), сердце, печень и каким-то особым образом приготовленную кровь закланных и убитых на охоте животных, к еде во вторую очередь допускались уже их коллективные дети, которые все были равны между собой перед их единой матерью.

При структурном сопоставлении правил поведения в семье при приеме пищи у древних башкордов с близкими по духу обрядами, известными нам у других народов, раскрывается то подлинное историческое значение эпоса “Урал-батыр”, сумевший сохранить и донести до нас ценные сведения о нравах и обычаях индо-иранских Дахо-Массагетов, живших в середине I-ого тыс. до н.э. на Южном Урале. Так известный немецкий арабист и семитолог Бурхгард 19 века, которого процитировал Дж.Фрезер, по интересующему нас вопросу относительно бедуинов писал буквально следующее: “Как только молодой человек почувствовал свою силу, от спешит избавиться от отцовской власти. Пока он живет в отцовском шатре, он продолжает оказывать родителям некоторое почтение; но с тех пор, как он получил возможность устроить свой собственный шатер (конечная цель его стремлений), его уже не удержат от этого ничьи убеждения и никакая сила на земле.

Мальчик, еще не достигший половой зрелости, до того почителен к отцу, что никогда не решается есть из одной с ним посуды и даже вообще в его присутствии. Считается очень зазорным, если мальчик дал повод кому-нибудь сказать: “Смотрите, он ест у отца на глазах.” Только маленьких сыновей в возрасте до четырех или пяти лет часто сажают за стол рядом с родителями, и они едят из общей посуды.” (См. Дж.Фрезер. “Фольклор в Ветхом Завете”, стр. 225)

Святость клятвы, принятой при домашнем очаге, которую по мысли древних людей никогда нельзя осквернять непослушанием, прекрасно и достаточно подробно зафиксировано и описано также в Библии. Именно при вкушении пищи у очага библейский Исаак, благославив по ошибке не Исава, а его брата Иакова, не смог затем исправить своего промаха, сославшись при этом на явный, сознательный обман и ложь младшего сына, поскольку клятвы и благославления, даваемые при домашнем очаге по мысли древних людей считались священными по месту их произнесения.

Первоначально в Ветхом Завете говорится, как Исав, старший из сынов Исаака, лишился своего права первородства – права майората, в пользу своего младшего брата Иакова.

В Библии этот эпизод описан так:

Бытие: глава 25 (24-34)

24. И настало время (Ревекке) родить ей: и вот близнецы в утробе ее.
25. Первый вышел красный, весь как кожа, косматый; и нарекли ему имя: Исав.
26. Потом вышел брат его, держась рукою своею за пяту Исава; и наречено ему имя: Иаков. (...)
27. Дети выросли, и стал Исав человеком, искусным в звероловстве, человеком полей; а Иаков человеком кротким, живущим в шатрах.
28. Исаак любил Исава, потому что дичь его была по вкусу его; а Ревека любила Иакова.
29. И сварил Иаков кушанье; а Исав пришел с поля усталый.
30. И сказал Исав Иакову: дай мне поесть красного, красного этого; ибо я устал (...)
31. Но Иаков сказал: продай мне теперь свое первородство.
32. Исав сказал: вот я умираю; что мне в этом первородстве?
33. Иаков сказал: поклонись мне теперь же. Он поклонился ему и продал первородство свое Иакову.
34. И дал Иаков Исаву хлеба и кушанья и чечевицы; и он ели и пил, и встал и пошел; и пренебрег Исав первородство.

Исав, старший брат как и Шульген в башкордском мифе, таким образом вкусил и испробовал пищи в данном случае

“чечевичная похлебка”, которую до этого будучи охотником и звероловом не вкушал, а следовательно неизведанную – запретную для его клана или фратрии – скверную пищу, наподобии свинины у башкордов Урала.

Шульген, старший брат Урала, испивает запретную для него – кровь и тем самым в конечном итоге в повествовании теряет как и библейский Исав свое некогда законное право – Первородства.

И Ветхий Завет и башкордский миф “Урал-батыр” в своих повествованиях делают особый акцент на том, что оба поступка двух героев Шульгена и Исава, имевших затем столь значительные социальные и политические последствия в истории двух древних народов – башкордов и библейских евреев, были совершены непосредственно перед – очагом, в котором постоянно горел – неугасимый огонь.

Исследователи древних культов часто совершенно забывают, что по архаичным поверьям человека в эпоху библейских патриархов у многих народов под страхом смерти строжайше было запрещено – тушить огонь домашнего очага. Для ведических ариев, потомками которых являются курды Месопотамии и башкурды Урала, огонь являлся божеством – Агни.

Отказ Исава от первородства, равно как и преступление Шульгена, нарушившего запрет предков, совершенные двумя героями-братьями перед домашним очагом, повлекло за собой предпочтение родителями их младших братьев – Иакова и Урал-батыра, что с точки зрения данных этнографической науки привело к исторической смене Майората принципом Минората.

Кровь убитых животных, которую испивал Янбирде во время трапезы, как это зафиксировано в эпосе Урал-батыр, символизировала в древнебашкордском ритуале – святость договора между Богом, почитаемого родовым предком, и людьми племени, то есть всеми членами древнего материнского рода, связанных между собой кровно-родственными узами.

Испивая кровь мифического первопредка во время трапезы, как это зафиксировано в эпосе Урал-батыр, древние башкорды тем самым как бы сохраняли абстрактное родство со своими далекими

предками, в жилах которых также текла живая, горячая, красная – кровь.

Таким образом, путем постоянного исполнения ритуала испития теплой крови древние башкорды как бы постоянно возобновляли родство со своим кровным – Первопредком.

У древних греков, особенно по пифагорейско-платоновской системе Космоса, богиня домашнего очага – Гестия как мировой очаг находится в центре всех планетарных сфер. Само имя Гестия по канонам греческого языка этимологически связано со словами – *essia*, *oysia* “сущность”. Древнегреческое слово *essia* сопоставимо с латинским *essentia* “сущность” и башкордским – эзе “жар”, “тепло”, а также местоимениями – уэ е “сам”, в башкордском и – Аз “я” в курдском и – Азам “я” в авестийском языках.

Слово того же корня – Исын в башкордском языке означает: 1) “настоящий, подлинный, чистый”; 2) “действительный, натуральный”; 3) “правда, явь, искренность” и точно этимологически и семантически соответствует русскому, индоевропейскому слову – Истина (суть).

Именно огонь – Агни (санскр.), *ignis* (латин.), агър (курдск.), ут (башк.), *Wooden* “бог Огня” (нем., англ., норв.) – почитали самой священной, чистой стихией древние предки башкордов Дахо-Массагеты, возле которого перед домашним очагом и совершил свое кровнородственное преступление Шулген, осквернив тем самым местопребывание Божества в доме.

Предки башкордов Сако-Массагеты, из которых Саки были известны у древних греков под именем – Скифы, особо почитали огонь домашнего очага и как правило, клятвы у них (скифов) исполнялись как религиозный ритуал и приносились людьми торжественно, перед Царским очагом.

Геродот писал об этом обычае предков башкордов так (IV,68): “Когда царя скифов поражает недуг, он велит привести к себе троих наиболее уважаемых предсказателей. Они гадают вышеупомянутым способом. Обычно предсказание изрекают приблизительно в таком роде: такой-то и такой-то из жителей (называя его по имени) принес-де ложную клятву богами царского очага (если скифы желают принести особо священную клятву, то обычно торжественно клянутся богами царского очага). Обвиненного в ложной клятве тотчас хватают и

приводят к царю. Предсказатели уличают его в том, что он, как это явствует после вопрошения богов, ложно поклялся богами царского очага и что из-за этого-де царь занемог.”

В этом тексте Геродот показал, насколько сильно предки башкордов Сако-Массагеты верили в святость огня домашнего очага. Пламя огня символизировало для предков башкордов духовную телесность богини Табиты, которая обитала в домашнем очаге.

Как писал Геродот (IV,59): “... На скифском языке Гестия (богиня домашнего очага у древних греков) называется Табиты.” Это “скифское” имя переданное нам Геродотом показывает ученым-иранологам исконно индо-германское происхождение башкордского этноса и башкордской мифологии.

Во-первых, именно исконно своим национальным словом – Тап > Таб башкорды Урала называют – Щепу, Лучину – которой разжигают огонь в очаге, и которые заготавливают заранее, для удобства на всю зиму.

Во-вторых, башкордское слово Тап соответствует курдскому – т’эф “жар-тепло”, что дает любая Щепа-Лучина, брошенная в огонь.

В-третьих, как пишет Я.В.Васильков: “Ж.Дюмезиль в одной из последних работ (*Dumezil G. Romans de Scythie et d’alentour. P., 1978, с. 125-145*) доказал генетическое тождество скифской Табиты и индийской Тапаты, дочери Солнца, фигурирующей в эпической легенде о “сакральном браке” с нею царя Самвартана (Мхб.І. 160-163) оба имени, являясь причастиями настоящего времени женского рода от – тар, означает “согревающая”.”

(См. Я.В.Васильков. “Древнеиндийский вариант сюжета о безобразной невесте и его ритуальные связи” в сборнике “Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках”. М.1988г., стр. 126)

Как известно, ведические арии, завоевавшие во II тыс. до н.э. Индию, пришли на свою новую родину с Севера, и, как показали раскопки Аркаима, с территории Южного Урала, Западной Сибири и Средней Азии, где обитали ранее. В составе войск ведических ариев, покинувших Урал, был знаменитый род Куру из племени Бхаратов. Все ведические Арии были огнепоклонниками и почитали костер как живого Бога.

В башкордском и затем и в курдском языках слово – Кур и означает “Костер”. О том, что башкорды и курды были ведическими ариями – огнепоклонниками, нам показывает такой важный факт, что само слово: Кур – Костер стало этнонимом, национальным именем двух братских народов. Именно от слова Кур – Костер произошли имена Курдов и Башкурдов. Именно поэтому-то этот факт подтверждается поклонением ведических ариев из рода Куру древнебашкордской богине домашнего очага – Тапати, даже значительно позже того исторического периода времени, когда ведические арии, покинув Южный Урал, завоевали и обосновались в Индии. Как пишет об этом, подтверждая наши слова – Я.В.Васильков: “В эпический период память о Тапати сохранялась только в генеалогическом предании рода Куру, (...)” (См. Я.В.Васильков, указ. соч. там-же)

Установив исконно башкордскую природу ведийско-арийской богини Тапати, почитаемой у прямых предков башкордов Урала Сако-Массагетов как – Табити, являвшейся в культе скифов – богиней домашнего очага, перед которым приносились клятвы, мы теперь можем понять всю меру преступления, совершенного Шульгеном, который нарушил заветы предков. Сако-Массагеты или Скифы по Геродоту свято чтят заветы и клятвы своих предков, а богиня Табити (Тапати, санскр.) выступала как бы свидетелем клятвы. На это нам указывают слова царя скифов Иданфирса, обращенные к Дарию. Как пишет Геродот (IV, 127), царь скифов Иданфирс сказал: “Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрубить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет (...). – Владыками же моими я признаю только Зевса (Папейя) и Гестию (Табити-Тапати), царицу скифов. (...) – А за то, что ты назвал себя моим владыкой, ты мне еще дорого заплатишь! Таков был ответ скифов.”

Как известно, в мифе Урал-батыр говорится и особо отмечается, что наиболее тяжким составом преступления Шульгена являлось именно его стремление, предав древние отеческие заветы, найти себе нового владыку, которым стал демон тьмы – Азрака. По законам предков башкордов уральских Сако-Массагетов это

преступление доказывалось смертью виновного, поскольку являлось прямым предательством своего родового строя, представлявшего всегда из себя большую кровнородственную семью.

Сердцем кровнородственной семьи у предков башкордов Сако-Массагетов являлся домашний-царский очаг, хранительницей которого выступала богиня – Табити. С этой точки зрения богиня – Табити являлась хранительницей всего родового строя древних башкордов и огонь выступал защитником от окружающих людей со всех сторон – Тьмы.

В этом мифологическом представлении древних башкордов на природу космического мироустройства особый интерес для филологов представляет следующий этимологический ряд, выводимый из имен и действий героев, встречаемых в эпосе Урал-батыр. Так, Шульген, нарушив перед родовым очагом заветы предков, избирает себе новым владыкой демона – Азраку, имя которого в свою очередь семантически подтверждает злодеяния своего героя-носителя. Так, башкорды Урала граничат на севере с рядом проживающих там финно-угорских народностей, и, в частности, в финском языке слово: *syrtä* “край”, “окраинные жители” совпадает с именем демона тьмы и обитателя окраины земли – Азраки.

Именно на темную окраину земли и космоса к Азраке – *syrtä* (финск.) и сбежал Шульген, нарушив все заветы предков в самом центре родовой общины перед Царским очагом, хранительницей которого у предков башкордов ираноязычных Скифов-Саков и Массагетов являлась богиня – Табити, ведийская Тапати.

Сами клятвы как считали предки башкордов охранялись богиней Аргимпасой, которая у скифов и Сако-Массагетов почиталась богиней Истины и Правды. Как установили ученые за именем скифской богини Аргимпасы скрывается древнеиранская, ведийско-арийская богиня Арта-Аша “Истина” (авест.), представление и культ которой восходит к эпохе индо-иранского единства. Древнеиранское божество справедливости – Арта находит свое соответствие с понятием РИТА-RTA в Риг-Ведах и точно воспроизводится в башкордском слове – Рэт “порядок”.

Как писал Геродот (IV, 59): “...На скифском языке Афродита небесная – Аргимпаса.” Таким образом мы четко выявили и

установили наличие культа древнеиранского божества Арты “Справедливости и Истины” у предков башкордов Саков-Массагетов. Именно богиня Арта-Аргимпаса и считалась у скифов-саков провозвестницей Истины. Сам культ гадания в поисках Истины этой богини Арты-Аргимпасы продолжал сохраняться у башкордов вплоть до начала 20 столетия. Чтобы понять и убедиться в этом, достаточно сравнить описание Геродота культа сако-скифской богини Истины Арты-Аргимпасы с описанием приемов гадания у башкордов Урала, сделанные С.И.Руденко в 1908 г.

Геродот в своей “Истории” (IV, 67) писал так: “У скифов есть много предсказаний. Гадают они с помощью множества ивовых прутьев следующим образом. Приносят огромные связки прутьев и кладут их на землю. Затем развязывают пучки и каждый прут один за другим раскладывают в ряд и затем изрекают предсказания. При этом гадатели вновь собирают прутья по одному и опять складывают. Этот способ гадания у них унаследован от предков (...).

... – говорят, что искусство гадания даровано им Афродитой (Арта-Аргимпаса). Гадают они при помощи липовой мочалы. Мочалу эту разрезают на три части и полоски наматывают вокруг пальцев, а затем вновь распускают и при этом произносят предсказания.”

Известно, что связки прутьев-барсом употреблялись в культовом ритуале служению огню – Борзен Михрбан магами-бхагаванами у парфян и у предков курдов – мидийцев, как это показано и зафиксировано на каменных барельефах эпохи царя Дария I.

Этот древний Скифо-Сарматский, Парфяно-иранский обычай использовать – Барсом “связку прутьев” во время исполнения магических обрядов вплоть до начала 20 века сохранялся у башкордов Урала. Как писал С.И.Руденко: “Мне самому пришлось записать рассказ одного башкира из рода бурзян (S.Roudenko, 1909г., стр. 135-136) о том, как он приглашал курэз эсе изгонять злого духа из своей больной жены. И в данном случае курэз эсе взял себе на подмогу трех человек, изгонял духа, ударяя по воздуху плеткой (камсы) и связкой из шести прутьев с колючками.” (С.И.Руденко. “Башкиры”. М.-Л. 1955 г., стр.322-323)

Таким образом Шульген по скифо-сарматским обычаям и юридическим нормам нарушил два закона. Первый, это когда Шульген нарушил перед домашним очагом законы предков и тем самым оскорбил богиню Табити. Второй скифо-сарматский закон, нарушенный Шульгеном, это клятвopеступление перед богиней Истины Артой-Аргимпасой.

Эти два поступка Шульгена являлись тягчайшими преступлениями перед богами у скифов-саков и поэтому неудивительно, что в башкордском эпосе и шире – в башкордской мифологии, Шульген изображен как самый отрицательный герой, через которого зло вошло в мир.

д. “Клятвopеступление”

Второе преступление, в совершении которого Урал обвиняет Шульгена, является – клятвopеступление, о чем говорится в стихе (3701,7) так: “Ты же слова своего не сдержал”.

В любом древнем обществе – Клятвopеступление, почиталось не менее тягчайшим преступлением, нежели слушание своего отца или своей матери, особенно если эта клятва совершена перед богом, с богом и при свидетелях. Достаточно вспомнить здесь клятву Господу Иеффая в Библии, чтобы понять, что означала клятва для древнего человека.

Книга Судей, глава XI, 30

30. И дал Иеффай обет Господу и сказал:
если ты предашь Аммонитян в руки мои,
31. То, по возвращении моем с миром от
Аммонитян, что выйдет из ворот дома моего
на встречу мне, будет Господу,
и вознесу сие на всеожжение.
32. И пришел Иеффай к Аммонитянам –
сразиться с ними, и предал их Господь в руки его.
33. И поразил их поражением весьма великим...

34. И пришел Иеффай в Массифу в дом свой,
и вот дочь его выходит на встречу ему с тимпанами
и ликами: она была у него только одна,
и не было у него еще ни сына, ни дочери.
35. Когда он увидел ее, разодрал одежду свою
и сказал: ах ты дочь моя! Ты сразила меня;
и ты в числе нарушителей покоя моего!
Я отверз о тебе уста мои пред Господом,
и не могу отречься.
36. Она сказала ему: отец мой!
ты отверз уста твои пред Господом,
и делай со мной то, что произнесли уста твои...
39. По прошествии двух месяцев,
она возвратилась к отцу своему,
и он совершил над нею обет свой, который дал
[Господу].

Иеффай принес свою единственную дочь в жертву богу, поскольку поклялся своему родовому-национальному богу, дабы не навлечь на себя наказания смертью за нарушения своего завета с божеством-прародителем народа.

То, что Иеффай дабы не нарушить своего слова, данного Богу, убил свою дочь, служило примером для других людей из народа, поскольку далее говорится:

40. “... И вошло в обычай у Израиля
Что ежегодно дочери Израилевы
Ходили оплакивать дочь Иеффая Галаадитянина,
Четыре дня в году.”

Подобный миф о готовности Агамемнона принести свою дочь в жертву богине Артемиде сохранился в народной памяти греков. Ни отец, ни дочь не противятся воле богини. В трагедии Еврипида (480-406 гг. до н.э.) “Ифигения в АВЛИДЕ” царь Агамемнон говорит своей дочери:

1270. Они убьют, меня убьют и вас,
Коль жертвы я не принесу богине,
Ослушных воли явленной ее.
Не думай, что в услугу Менелаю
Я так решил: Эллада так велит
Тебя убить ... ей смерть твоя угодна.
Хочу ли я или нет, ей все равно.
О, мы с тобой ничто...

Ифигения отвечает перед народом:

- 1390(5-7). ... если я угодна в жертву
Артемиде, разве спорить мне с богиней
подобает?
Что за бред! О я готова... Это тело – дар
отчизне

(перевод И.Ф. Анненского)

На первый взгляд может показаться, что жертвоприношение Агамемноном своей дочери Ифигении богине Артемиде не имеет ничего общего с клятвопреступлением. На самом же деле все обстоит именно таким образом, но только более сложное. В отношении Агамемнона в дело вступает жрец Калхас, который изрекает волю богини Артемиды о ее желании получить Ифигению в жертву за падение Трои.

Воля богов почиталась непререкаемой у всех индо-германских народов в древности, и поэтому даже сами люди, изрекающие пророчества, будь то – друиды у кельтов, брахманы – у ведических ариев, оракулы – у древних греков, именно потому и становились высшим классом – жрецами из-за своей сопричастности к воле высших потусторонних, иррациональных сил путем словесной вербализации. Жрец или оракул был человеком, изрекавший словом, которым клялись, волю богов. И поэтому, нарушение человеком услышанного им о своей судьбе пророчества было равносильно – клятвопреступлению.

е. Непослушание богам!

В башкордском мифе Урал обвиняет Шульгена в нарушении услышанного пророчества в следующем стихе (3710: 9-10) : “Не послушался отца, словам матери не внял”. При сопоставлении башкордского эпоса с трагедией Эврипида, а также с историей библейского Иеффая, мы сразу видим, что Урал-батыр обвиняет Шульгена в том, что он превознес свои личные интересы над интересами всего рода и племени, несмотря на то, что должен и обязан был поступить как Ифигения и дочь Иеффая, каждая из которых не посмела ослушаться воли своего отца, давших слово Богу.

Мы проанализировали с точки зрения древнего права, зафиксированного письменно у различных народов, те обвинения, которые выдвинул Урал-батыр против своего старшего брата и , как мы убедились, за все свои преступления Шульген по нормам того времени заслуживает смертной казни. Но Урал вместо предания смерти Шульгена останавливает Хакмара, уже занесшего мечь, дабы казнить своего кровного отца, о чем в стихе 3680 говорится так: “Но Урал не позволил нанести удар, остановился, не ударил Хакмар”.

Желание Хакмара, сына Шульгена, убить своего отца говорит об очень и очень древнем поверье и о наличии у древних башкордов особого юридического закона, абсолютно исчезнувшегося в настоящее время не только из европейского законодательства, но даже из исторической памяти народа – дабы не создавать юридического прецедента, ведущего к возникновению кровной мести за убитого родственника, внутри рода или племени у древних башкордов, - виновника в нарушении устоев кровно-родственного общества собственноручно убить был обязан его ближайший родственник, в данном случае – сын.

Поскольку мстить за убийство отца должны были ближайшие родственники убитого по крови, то сын, собственноручно убивая своего отца, тем самым сужал круг обвиняемых в убийстве до пределов всего на всего одной семьи.

ж. “Кровная месть”

Материнское право и патриархат.

Перенос вины за кровь убитого человека на его ближайшего родственника, зафиксированный в эпосе “Урал-батыр”, свидетельствуют о наличии у древних башкордов архаичного поверья о особых богах, карающих всех за убийство кровных родственников. Родственник, убивающий своего преступившего закон кровного родича, выступал согласно этому древнему башкордскому поверью слугой особого класса божеств, преследовавших людей, совершивших убийство родственников по крови.

Кровнородственная семья в эпоху фетишизма и оборотничества объединяла всех членов рода анимистическим представлением, что в жилах у всех соплеменников течет одна родная всем членам рода кровь, унаследованная от общего Первопредка. Таким образом кровнородственная семья для членов рода являла собой живой организм, уничтожение одного из органов-членов которого влекло или могло привести к гибели всего социального тела. Для того, чтобы не допустить своей гибели, существуют, как считали люди в древности, особый класс богов, которые преследуют людей за убийство родственников по крови.

У древних греков божествами, мстящими людям за убийство кровных родичей, выступали Эринии.

Этимология слова.

Древнегреческое имя Эринии происходит от архаичного индо-германского корня – *ig* со значением – ругаться, разъединяться, приходить в бешенство. Именно поэтому башкордское слово – Ириш, Иришеу “ругаться”, “сердиться”, “скандалить” точно соответствует и этимологически, и семасиологически древнегреческому слову – *egos*, характеризующее “неукротимый аффект”, “страсть”, “манию”: и русскому слову – ярость, и ведийско-арийскому – *age* “устремляться”, “изливаться”. Сам этимон – *ig* (эринии – ирешеу) как бы выражает два абсолютно разных, но связанных чисто внешней схожестью понятий, из которых первое понятие представляет из себя выражение неких природных сил – ураган, потоп, землетрясение, тогда как второе

понятие – гнев, любовь, мания, аффект – относится уже к психической, сугубо-субъективной духовной жизни человека. Отождествление психической жизни человека с феноменами природы и наоборот, как раз и составляет основу и сущность фетишизма и оборотничества. Неспроста имя ведийского певца гимнов – риши, также произошло от этого древнего индо-германского корня – *rs, are* “устремляться”.

Совпадение башкордского глагола *ирешеу* “ругаться” с именем древнегреческих богинь раздора – Эриниями свидетельствует о некоем едином изоморфизме мышления древних греков с башкордами Урала, что легче всего проследить при сопоставлении древнегреческих трагедий с башкордским трагическим эпосом “Урал-батыр”. У Эсхила, в трагедии “Эвмениды”, представляющую последнюю, заключительную часть в его трилогии “Орестейя”, главными действующими лицами драмы как раз и выводятся богини Эринии, воплощавшие для античного грека прежде всего – Родовой принцип кровной мести, которые неукоснительно требовали безусловного наказания в виде смерти виновного в пролитии крови своих сородичей.

Сюжет. В первой части трилогии в трагедии “Агамемнон” изображается как Клитеместра, супруга Агамемнона, за время отсутствия царя на войне при осаде Трои сошлась с его двоюродным братом Эгистом и ждет возвращения своего законного мужа только для того, чтобы его убить. Когда Агамемнон появляется на сцене и входит во дворец Клитеместра и Эгисф его убивают.

Во второй трагедии “Хозфоры” повествуется как Орест, сын убитого Агамемнона, царя Аргоса, возвращается на свою родину и мстит за смерть своего отца и убивает по велению Аполлона не только Эгисфа, но и свою мать Клитеместру. Однако в конце трагедии появляются Эринии, ужасные мстительницы за пролитую кровь родственников, которые начинают преследовать Ореста, от чего тот скрывается в храме Аполлона.

В третьей, заключительной части своей трилогии в трагедии “Эвмениды” Аполлон отправляет Ореста из своего храма в Дельфах для оправдания к Афине Палладе в Афины, а богини кровной мести Эринии преследуют его, стараясь поймать и уничтожить.

Для нашего исследования здесь прежде всего интересен исход драмы. Так, у Эсхила трилогия “Орестейя” заканчивается

торжественным судом – ареопагом, причем за Ореста – убийцу матери, как и за Эриний, защищающих кровь матери, судьи отдают равное количество голосов. Председательствующая на суде Афина-Паллада отдает свой голос за оправдание Ореста.

Весь ход трилогии Эсхила показывает нам, насколько тяжелым и мучительным для античного грека был вопрос о прощении человека, виновного в убийстве своего кровного родственника, даже в эпоху полиса-государства, то есть в эпоху распада общинно-родового строя. Исходя из этого можно хорошо представить, насколько тяжелым преступлением считалось убийство человека, своего кровного родственника в более древние времена, когда законы кровнородственной семьи являлись одновременно и законами социального мироустройства в родовой общине. Именно поэтому в башкордском эпосе “Урал-батыр” совершенно определенно говорится, на примере желания Хакмара убить своего отца-клятвпреступника Шульгена о том, что у древних башкордов существовал обычай, по которому дабы избежать родового проклятия убийство виновного сородича выполнял его ближайший сородич со стороны матери.

Установив этот факт, мы сразу видим то глубокое различие идейной направленности эпоса “Урал-батыр”, нацеленного на защиту старых общинно-родовых законов от трагедий Эсхила, составляющих его трилогию “Орестейя”.

Многие ученые, изучавшие трилогию “Орестейя”, пришли к выводу, что у Эсхила в этих трагедиях изображена борьба между принципами отцовского и материнского права. Основанием для такого вывода служат ставшие хрестоматийным примером слова Эриний, “божеств кровной мести”, о том, что они не преследуют Клитеместру, убийцу Агамемнона, а Ореста, на том основании, что Клитеместра: “С мужем, ею убитом, она в кровном родстве не была”.

Если сопоставить этот тезис, который защищают богини кровной мести Эринии с сюжетной линией повествования башкордского эпоса “Урал-батыр”, то мы видим, что Хакмар, стремящийся убить своего преступного отца Шульгена, защищает честь своей матери – Айхылыу, дочери царя света Самрау, отправившей его на войну со злом. Иными словами, Хакмар,

стремящийся убить своего отца, выполняет в башкордском мифе роль древнегреческих богинь кровной мести Эриний.

Хакмар в борьбе патриархата с матриархатом в башкордском мифе защищает право матери, то есть становится защитником матриархата и его роль в эпосе “Урал-батыр” тождественна роли Эриний в “Эвменидах”.

В башкордском эпосе несмотря на то, что Хакмар является сыном Шульгена, он встает на сторону своей матери Айхылыу, которая сама послала Хакмара на войну со своим супругом.

Хакмар оправдывает желание убить своего отца юридическими нормами материнского права. Так, Хакмар говорит:

- Моя мать – Айхылыу,
Отцом мне был Шульген,
Братом он приходится тебе [Уралу],
Он к дивам перешел,
Много крови пролил (...),
.....
3590. Мать, пойдя [за него замуж] обрекла себя на позор,
От горя пожелтело [ее лицо],
Не выдержала мать,
Позвала меня к себе
И так сказала она:
.....
3610. Дам рыжего тулпара тебе,
Его для жениха берегла.
Дитя мое, садись на коня,
Вместе с Иделем [сыном Урала от Хомай]
отправляйся в путь
Вслед за Уралом [как за отцом родным],
Скачи на битву, мое дитя,
Будь батыром, Хакмар,
Отца своего Шульгена разыщи.

Таким образом в тексте башкордского эпоса прямо говорится, что инициатором преследования своего отца у Хакмара является его

родная Мать-Прародительница. Эту же роль как в трагедии Эсхила “Эвмениды”, так и вообще в хтонической древнегреческой мифологии выполняют Эринии, которые считались рожденными Геей – богиней Земли, впитавшей кровь Урана, оскотленного своим сыном Зевсом, опять по научению своей матери – Геи (Гесиод, Теогония 184-186).

Если в башкордском мифе принцип доминирования древнего материнского права изложен в речах Айхылыу к своему сыну Хакмару, то у Эсхила в “Эвменидах” борьба между принципами отцовского и материнского права изображается в виде судебного спора Эриний с Орестом во время Ареопага под председательством Афины-Паллады. Предводительница Эриний – Хоровожатая говорит Оресту:

- На мертвых уповаешь? Умерла и мать.
Орест
Две скверны к ней прилипли, два проклятия.
Хоровожатая
Какие ж две? Все точно разъясни суду.
Орест
Убитый ею был ей муж, а мне – отец.
Хоровожатая
Освободилась мертвая; убийца – жив.
Орест
Почто же ты при жизни не гнала ее?
Хоровожатая
Чужим ей был по крови спящий в гробе муж.
Орест
А я по крови матери единый сын?
Хоровожатая
Разбойник богомерзкий! Отрицаешься
Тебя питавшей в милом лоне матери?
(перевод В.Иванова)

Этот диалог Ореста с обвинявшими его Эриниями показывает нам, что по понятиям древних греков – убийство человека, не состоявшего в кровном родстве, может быть искуплено, пусть он даже будет хоть самым мужем убиенной его жены и отцом ее кровных детей.

Этот же пережиток материнского права мы наблюдаем и в башкордском эпосе “Урал-батыр”, когда Айхылыу, мать Хакмара, подстрекает своего сына убить родного отца Шульгена, из чего напрямую следует, что в эпоху создания своего национального мифа башкорды признавали истинным и законным родство, идущим по материнской линии. Хранительницей законов рода в башкордском мифе выступает мать, а исполнителем закона выступает ее сын, готовый по приказу матери убить своего родного отца.

Здесь интересно будет указать на тот важный факт, что по представлениям древних греков Эринии преследовали человека лишь в случае убийства им своих единокровных соплеменников по линии матери, считая при этом, что мать стоит ближе к сыну, чем его отец.

Эринии стояли на страже материнского права и защищали главенство женщины в родовой структуре племени. Поэтому Эринии, как считали древние греки и как теперь становится ясным, и древние башкорды – преследовали только тех убийц, которые осмелились пролить кровь своих родственников по материнской линии.

Установив это, мы теперь понимаем – почему Урал-батыр, поймав Шульгена, не посмел убить своего единокровного брата. В противном случае защитницей Шульгена могла бы выступить их родная мать, глава материнского рода – Йанбикэ, которая по законам того времени была обязана отомстить за пролитую кровь своего убитого сына – Шульгена. Все главные герои башкордского мифа связаны между собой кровными узами, точно также как и главные герои из трилогии Эсхила “Орестейя”. Однако, как мы уже убедились, башкордский миф в образе Айхылыу, матери Хакмара, посланного сына на убийство отца, защищает богов древнего “материнского права”, тогда как у Эсхила в конце трагедии путем учреждения ареопага и отмены кровной мести, вследствие чего Орест избежал смерти как своего наказания, Материнское право было отвергнуто Патриархатом.

В башкордском мифе “Урал-батыр” и трилогии Эсхила “Орестейя” действия героев и течение событий как бы направлено в диаметрально противоположную сторону. Если у Эсхила Орест убивает мать за гибель своего отца, то в эпосе “Урал-батыр” Хакмар стремится убить своего отца, защищая честь и права своей матери.

Культ богинь Эриний, мстящих за пролитие крови сородичей, свидетельствует о наличии у древних греков как и у башкордов в древности материнского рода. Эринии представители старых хтонических богов древнегреческой мифологии в “Эвменидах” демонстративно сталкиваются Эсхилом с “младшими” олимпийскими “светлыми” богами – Аполлоном и Афиной, которые своим рождением обязаны богу Зевсу, убившему своего отца – Кронуса. Зевс, убив своего отца Кронуса, стал верховным божеством, но здесь необходимо отметить и такой факт, что даже встав во главе пантеона богов, Зевс, по представлениям древних греков, не имел права вершить суд крови, то есть выступать в роли мстителя за сородича. Это по-прежнему считалось уделом божеств старой мифологии – Эриний. Поэтому в “Эвменидах” у Эсхила Эринии вступают в спор с богами “младшего” поколения, дают им советы и подтверждают свое древнее право – вершить суд крови.

Эриния – Хоровожатая:

Совет мой судьям: (...)

Аполлон [Эриниям и Ареопагу]:

Мои от Зевса чтите прорицанья!

Плодоносить глаголу не препятствуйте!

Эриния – Хоровожатая:

Не твой удел – суд крови. Преступил ты власть,

И впредь нечисты все твои вещания.

В этом диалоге Эринии-Хоровожатой с Аполлоном хорошо показана сама суть, сама логика действия законов древнего материнского права у древних греков, который точно соответствовал законам эпохи материнского рода у древних башкордов Урала.

Эриния-Хоровожатая говорит Аполлону: “Не твой удел – суд крови”, то есть Аполлон как мужское божество чисто органически не имеет права вершить суд крови. Именно эти слова Эринии-Хоровожатой к Аполлону в трагедии Эсхила “Эвмениды” дают нам ключ к пониманию тех причин, почему в башкордском мифе “Урал-батыр” именно женщина-мать подстрекает своего сына Хакмара убить его отца – Шульгена. Теперь также становится понятным, почему Урал

заступился за своего брата Шульгена, как Аполлон за Ореста в трилогии Эсхила. По логике мышления человека эпохи материнского рода два брата, рожденные от единой женщины, наследуют общую для них кровь своей Матери Прародительницы и, именно поэтому у башкородов некогда счет родства велся по материнской линии. В случае убийства или пролития родственной крови, брат должен был заступиться и отомстить за сына своей матери.

Эпизод из эпоса “Урал-батыр”, где изображается как сын по наущению матери желает убить своего отца, а брат виновного заступает за него, имеет чрезвычайно важное значение для оценки и периодизации всей древнебашкородской мифологии. Безусловно, Айхылыу, подстрекающая своего сына на убийство отца, воплощает собой, как и Эринии у Эсхила, родовой принцип кровной мести, требующий от членов материнского рода безусловного отомщения за убийство. Урал-батыр, запрещающий сыну Айхылыу Хакмару убивать своего отца Шульгена – воплощает собой уже новый патриархальный принцип, по которому большее значение придается родству, идущему по отцовской линии. Путем сопоставления двух мифических образов, Хакмара – защитника старого материнского права, с Уралом – созвавшим народное собрание, решившее участь Шульгена, в башкородском мифе показан переход от кровавых ужасов старины к разумному устройению общественной жизни с помощью гуманно действующих учреждений, которые принимают справедливые судебные решения, основываясь не на инстинкте, а на разуме человека.

з. Народный Суд– Ареопаг

Урал по мифу защищая Шульгена становится первым учредителем народного суда, благодаря которому начинают изживаться древние законы кровной мести, характерные для предшествующей эпохи.

3680. Но Урал не позволил,
Остановился, не ударил Хакмар.
Урал собрал людей,
Шульген перед ними предстал.

На учрежденном им народном суде Урал-батыр в конце концов отпускает Шульгена на свободу и этим самым решением как бы нарушаются все вековые традиции предшествующего материнского рода. Такого исхода событий, когда сын-Хакмар из-за возражений своего дяди Урала вдруг посмел ослушаться требований своей матери – Айхылыу, просто не могло произойти в эпоху господства Матриархата. Даже сам Урал-батыр поддержал бы требования Айхылыу убить своего мужа, поскольку в эпоху материнского права закон кровной мести почитался священной обязанностью членов кровнородственной семьи.

Следовательно, отказ Урал-батыра от кровной мести над Шульгеном и отрицание им законных прав Хакмара совершить обряд кровной мести над обидчиком его матери – Айхылыу есть не что иное, как полный переворот и чистая революция человеческого мышления в эпоху господства у людей материнского права. Относительно своей матери Айхылыу для Хакмара его дядя является посторонним “враждебным” человеком, поскольку Урал-батыр приходится родным братом Шульгена обидчика матери. Даже тот факт, что Урал-батыр был женат на Хомай, сестре Айхылыу, несколько не увеличивает степень его родства к Хакмару, так как в эпоху материнского права родство отсчитывали по линии матери, допустим Айхылыу, для которой Урал-батыр был посторонним человеком, всего на всего муж ее сестры, не связанный никакими узами кровного родства человеком.

Урал-батыр возражая Айхылыу, являющейся символом кровавого материнского права и действующая своим сыном Хакмаром как орудием кровной мести, учреждает народное собрание как Высший арбитражный суд, точь-в-точь как Аполлон и Афина-Паллада с целью преодоления пережитков кровавого прошлого матриархата учреждают Ареопаг (судебную коллегия) в трагедии “Эвмениды” у Эсхила. Неспроста учреждение нового социального института Народного суда – Ареопага, возвышающегося над старыми законами эпохи матриархата, изображается в конце как в башкородском эпосе, так и в трилогии Эсхила.

Зарождение нового является закономерным итогом развития старого и учреждение Уралом-батыром Народного суда есть не что иное как изображение в башкородском эпосе мифологическими

средствами исторического процесса распада материнского рода и возникновения новых патриархальных институтов власти.

Предотвращение Уралом убийства сыном – Хакмаром своего отца Шульгена есть по существу прямая защита родства, идущего по отцовской линии. Эту же роль Урала, защитника родства по отцовской линии, в “Эвменидах” у Эсхила играет бог Аполлон, который говорит Эриниям следующее:

Аполлон к Эриниям

597. Вот мой ответ; увидишь, сколь он правилен.
Не мать дитяти, от нее рожденного,
Родительница; нет, она кормилица
600. Воспринятого семени. Посеявший [отец] –
Прямой родитель. Мать же, словно дар, в залог
От друга-гостя взятый на хранение, –
Зачатое взлелеет, коль не сгубит бог.

Аполлон, споря с Эриниями, приводит такое интересное доказательство в защиту своих суждений, как то, что богиня Афина: “Зевса дочь на свет, не из утробы матери исшедшая”, а родившаяся из головы своего божественного прародителя, тем самым создает юридический прецедент, благодаря которому Оресту удастся избежать наказания.

Однако Урал-батыр в башкордском мифе защищает Шульгена не из-за того, что он его брат, а ради сохранения и утверждения подлинной Справедливости. Наличие некой предустановленной надмировой Справедливости, живым воплощением которой для башкордов являлись порядки, установленные их предками и определяемые в семье отцом и матерью – никогда не отрицается в башкордском мифе. Именно поэтому, отпуская Шульгена на свободу, Урал-батыр говорит такие слова:

- Ради отца моего
3890. Помня о матери моей,
Испытая тебя еще раз, (...) .
Проводив Шульгена в путь
Урал созвал всех людей и [сказал].

Безусловно, Урал-батыр выступает в мифе как защитник нового отцовского рода и для борьбы нового мышления со старым – матриархальным, требующим кровавых жертв, устанавливает институт народного суда-собрания, в котором кровнородственные связи уже не могут влиять на принятие судебных решений.

Уралу в его борьбе с пережитками материнского права у башкордов незримо помогает Хомай точно также, как и у Эсхила помощницей Аполлона выступает Афина, родившаяся по древнегреческим мифам не от матери, а из головы Зевса-Вседержателя. Здесь башкордские предания о своей богине света – Хомай имеют интересные параллели и соответствия с древнегреческими мифами о богине Афине.

Хомай как богиня света почиталась у башкордов в древности как дочь бога Самрау, имя которого на санскрите означает “sam-raj” – “сам из себя горящий огнем”, “самовозгорающийся”, “самосветящийся”, поскольку на санскрите слова – sam местоимение I лица “Сам” и Raj “сверкать”. В этом же семасиологическом ряду стоит и значение имени древнегреческого бога Зевса, корень которого – Div означает – “сверкать”, “светиться”.

По представлениям древних греков богиня Афина рождалась из головы Диос – Зевса, то есть сверкающего Солнца, точно также как и Хомай в башкордской мифологии, которая, рождаясь от самогорящего, сверкающего Солнца, истекала из его мозга в виде блестящих лучей света.

Поддержка Хомай своему супругу Уралу, а не сестре Айхылу, то есть родственнице по материнской линии, находит свое продолжение и после смерти Урала, когда Хомай начинает ежегодно в облике белого лебедя посещать могилу своего покойного мужа.

В башкордском мифе Хомай как и древнегреческая Афина-Паллада в трагедии Эсхила, предстает покровительницей демократической государственности, а не сторонницей кровной мести.

По мифу Хомай раньше чем Урал-батыр обратилась к народному собранию для справедливого решения после того, как Шульген обратился к ней с просьбой выйти за него замуж. Для вынесения правильного решения по вопросу в споре-состязании – чьей

супругой, Шульгена или Урала ей быть? – Хомай собирает народное собрание.

Хумай: “Егет, я выслушала тебя,
Тайные помыслы твои
Правильно поняла я.
Я дочь падишаха,
Старшая из его дочерей!
2880. Егет, пусть исполняться помыслы
твои!
Я устрою большой майдан,
.....
2890(3-9). Если таким батыром окажешься ты,
.....
 Попрошу отца свадьбу сыграть,
Стану возлюбленной твоей.”
Так ответила Хомай, говорят,
Шульген согласился с ней, говорят,
Хомай созвала майдан, говорят.

Слово – майдан, в значении “собрание людей” продолжает сохраняться в башкордском языке с эпохи индо-иранского единства, поскольку ведические арии ушли на территорию Индии и в Переднюю Азию именно с Южного Урала, где обитали до II тыс. до н.э.

В ведийско-арийском языке – medha “жертвенная пища, напиток” (Т.Я. Елизаренкова). Во время своего ритуала – Ашвамедха (azvamedha) ведические арии приносили в жертву белого коня, мясо которого затем варили и вкушали как священную пищу. Неспроста в башкордском мифе наблюдается известное соответствие с культом ашвамедхи у ведических ариев. Так Хомай в том же тексте мифа говорит Шульгену, претендующему, вступив в брак с дочерью Солнца, захватить и присвоить царскую власть, такие слова:

Есть белый конь у меня вдалеке
Подарила мне его мать [Кояш – Каши “лучезарная”,
санскрит]

Прискачет он на майдан,
Если ты батыр – узнает тебя,
Если ты сумеешь на майдане коня
Схватить и сесть на него верхом,
2890. Снять с его седла
Булатный меч
Если таким батыром окажешься ты,
Тогда Буза тебе подарю,
Попрошу отца свадьбу сыграть, (...)

Белый конь всегда приносился ведическими ариями в жертву в процессе проведения ритуала Ашвамедхи, для чего коня выводили в центр – Майдана и привязывали к вкопанному жертвенному столбу, символизировавшему земную ось мира.

Исполнение ритуала Ашвамедхи и принесение в жертву белого коня – Ак Буза по верованиям ведических ариев давало вождю ведических ариев сакральную царскую власть над территорией земли, которую белый конь обошел в течение одного года. Считалось, что человек, исполнивший сто раз обряд Ашвамедхи, становился царем Вселенной. Именно поэтому все персонажи башкордского мифа “Урал-батыр” стремятся заполучить в свои руки Белого Коня, символа царской власти.

Шульген говорит Уралу:
На Самрау войной пойдем,
Акбузата отберем,
Один из нас пусть посох возьмет,
Акбуза оседлает другой,
Станем во главе всей страны
Заставим всех подчиниться себе,
Могучими падишахами станем мы.

О том, что овладевший белым конем – Ак бузатом, становится царем всей Вселенной в башкордском мифе знают и дивы. В эпосе хозяин дивов Азрака говорит:

Однажды Азрака
 Заркуму и Шульгену
 По порядку все объяснил:
 Как дочь Самрау – падишаха,
 Булатный меч и Акбузата
 Можно раздобыть.
 Сказал: “Муж, который на Акбуза сядет верхом,
 Муж, который в руки булатный меч возьмет,
 В целом мире
 Будет самым большим богатырем
 Всех склонить головы заставит он”

Интересно отметить, что в башкордском эпосе постулируется закон, по которому только человек, а не демон, див или какой-нибудь другой представитель темных сил может совершить ритуал приобретения царской власти – Ашвамедха. В эпосе “Урал-батыр” об этом говорится так:

1820. Какхаха [Млечный путь] вместе с Азраком [Царь тьмы]
 Размышляли об Урале,
 Между собой вели разговор
 В недоумении, в растерянности
 Они сидели, говорят.
 Дивы-сынчи [прорицатели] пришли.
 Один – старый, знающий больше других, сказал:

- 1840(4-10). Падишах мой, надо выход найти,
 Нельзя сложа руки сидеть,
 Давайте человека найдем,
Чтобы у птицы Самрау Акбуза коня
Этот человек смог достать,
 Или придется нам его самим украсть.
 Азрака: “Чтобы Акбузом-конем завладеть,
 1850. Седло на его спину положить
 Или – если не удастся –

- 1870(2-10). Со света его сжить,
 Семерых дивов я посылал,
 Место им указал,
 Где на небе этот белый конь укрыт.
 Дивы гонялись за ним,
 Но и лаской не могли подозвать:
 Конь к ним не подошел (...).
 Теперь вот что нужно нам:
 Из рода людей нам нужен муж
 Этот егет дочь Солнца – Хомай –
 Пусть приворожит.
 Пусть будет единственным на свете этот егет.
 Девушка, егета полюбив,
 Акбуза-коня и булатный меч
 Пусть в подарок ему приподнесет.
 1880. Если батыра найдем, что сможет Акбуза оседлать.

Таким образом в ритуале приобретения царской власти – Ашвамедхе у ведических ариев не менее важную роль чем Белый конь играл, судя по башкордскому мифу, и особым образом выбранный человек, с которым царица и хозяйка небесного коня должна была вступить в Священный брак.

Здесь мы наблюдаем некоторое отличие башкордского мифа от древнегреческой традиции. В мифе у древних греков Афина-Паллада, устроившая ареопаг и стоящая на стороне Ореста, совершившего преступление внутри рода, не является супругой Аполлона. Тогда как в башкордском мифе Хомай совершает с Урал-батыром обряд Священного Брак и становится его полноправной женой. В древнегреческой мифологии не Афина, а богиня Артемида является родственницей Аполлона, которому она приходится сестрой-близнецом. Артемида, равно как и Аполлон, пришли в древнегреческую мифологию из культов Малой Азии, куда в 18 веке до нашей эры пришли с Урала ведические-митанийские арии.

Если вспомнить теперь указание Геродота о том, что у ираноязычных скифов, являющихся предками башкордов Урала, древнегреческой богине Артемиде – врагу любого нарушения прав,

законов и устоев богов соответствует богиня Аргимпаса, то вполне имеются все предпосылки считать, что под именем Хомай в эпосе “Урал-батыр” скрывается древнеиранская богиня Арта (ведийское РТА), почитавшаяся иранцами хранительницей божественного Закона. Точнее будет сказать, что образ Хомай в башкордской мифологии с течением времени вобрал в себе черты, принадлежащие ранее древнеиранской богине Арте, а также, возможно и Ардвисуры – Анахиты, богини мировых вод и плодородия. Хомай в башкордском мифе в этой своей роли богини-хранительницы порядка и закона становится равной богине Афине-Палладе, помогающей Аполлону покончить раз и навсегда с кровавыми пережитками матриархата путем организации высшего судебного органа – Ареопага.

В башкордском мифе именно Народное собрание, а не столько Хомай и Урал-батыр, освобождают Шульгена от угрозы кровной мести. В “Эвменидах” Эсхила, как и в башкордском эпосе, не сами боги Аполлон и Афина-Паллада, а Ареопаг, учрежденный Афиной, освобождает Ореста от преследований Эриний.

Ученые, изучавшие трилогию Эсхила “Орестея”, единодушно пришли к мнению, что историческую основу “Орестей” составляет борьба патриархата в образе Аполлона и матриархата в облике Эриний. Несомненно, как это следует из его трагедий, сам Эсхил прекрасно видел и осознавал процесс разложения идеологии общинно-родового строя в Греции, что получило свое художественное отражение в его творчестве. Отлично понимая неизбежность исчезновения материнского рода, Эсхил в последней трагедии из трилогии “Орестея” превращает богинь кровной мести – Эриний в благосклонных богинь “Эвменид”. Считается, что эти актом Эсхил изобразил полную победу отцовского права над материнским родом. Вместе с этим в “Орестее” Эсхила конец родовому проклятию и кровной мести кладет не ритуальный обряд очищения, как того требует религия или изображает миф, а учреждение Ареопага, то есть постановление, вердикт суда.

Как видим, Эсхил в изображении причин прекращения родового проклятия Пелопидов и исчезновения института кровной мести в своих трагедиях очень далеко отошел как от норм дельфийской греческой религии, так и от традиционного изложения мифа.

Теперь с этих же научных позиций нам необходимо рассмотреть башкордский эпос “Урал-батыр”.

Историческую основу и идейный смысл эпоса “Урал-батыр” мы можем понять путем сопоставления этого башкордского предания с трилогией “Орестея” древнегреческого драматурга Эсхила. Эпос “Урал-батыр” имеет чрезвычайно важное значение и занимает центральное место для выяснения мировоззрения древних башкордов и юридических норм, которыми определялась жизнь древнебашкордского общества.

Историческую основу башкордского эпоса “Урал-батыр”, как и трагедиях Эсхила, составляет прежде всего борьба патриархата и матриархата. Однако в башкордском эпосе эта борьба старого мышления с новым переплетаются между собой настолько сильно, что не сразу можно понять те цели и задачи, которые решают, воюя друг с другом, герои мифа.

Идель, Нугуш, Яик, Хакмар являются детьми старших богов – Урала и Хомай, Гулистан, дочери Катилы и Шульгена с Айхылу, то есть героев-богов старшего поколения, и поэтому являются в мифе – богами младшего поколения. Однако в эпосе “Урал-батыр” эти боги “младшего поколения” – Идель, Нугуш, Яик, Хакмар идут на помощь Уралу по приказу своих матерей, то есть выполняют роль мстителей и вершителей архаичного материнского права, точно также ака и Эринии в трилогии Эсхила.

По сути дела “боги младшего поколения” – Идель, Нугуш, Яик, Хакмар как и Эринии у древних греков воплощают собой в башкордском мифе – родовый принцип кровной мести.

У Эсхила в “Эвменидах” все наоборот, так как именно “боги младшего поколения” – Аполлон и Афина-Паллада отменяют законы кровной мести и учреждают судебный орган – Ареопаг. Боги же “старшего поколения” – Эринии, стоят у Эсхила на защите родового строя, тогда как в башкордском мифе именно “боги старшего поколения” – Самрау, Урал, Хомай и даже Айхылы, учреждают народное собрание и отменяют законы кровной мести, характерные для предшествующей патриархату эпохе материнского права.

У Эсхила боги младшего поколения как и в башкордском мифе вынуждены считаться со старыми богами матриархата. Так в

“Орестее”, хотя Аполлон очистил в своем храме в Дельфах Ореста от скверны кровопролития, он все же не в силах полностью освободить его от преследований Эриний и посылает к Афине-Палладе. Однако и Афина-Паллада вынуждена считаться с богами “старшего поколения”, для чего собственно и был учрежден – Ареопаг, то есть построен судебный механизм для поиска справедливого решения, способного удовлетворить две враждующие стороны.

В башкордском мифе “Урал-батыр” красной нитью проходит идея, которой нет в трагедиях Эсхила, о том, что в основе учреждения народного собрания – Ареопага, лежит разбирательство спора, возникающего на спортивном состязании. Поединки борцов, ристалища на колесницах, скачки на лошадях занимали важное место на празднике Ашвамедха на майдане у предков башкордцев – ведических ариев.

Довольно часто два соперника-борца обладают равной силой и умением бороться, и порой только опытные судьи, посовещавшись друг с другом, могут вынести справедливое решение и присудить победу одному участнику поединка. То же самое и с лошадьми, среди которых далеко не каждый человек сможет определить по приметам именно скакуна-рысака, который мог бы стать в будущем победителем на конных состязаниях. Из этого следует, что институт судей, определяющих победителей на священных обрядовых играх и состязаниях существовали еще в эпоху Матриархата.

Не случайно Хомай собирает майдан, ведийское – medha, именно по случаю ритуальных состязаний задолго до народного собрания, организованного Урал-батыром, то есть по башкордскому мифу в эпоху материнского права.

Это положение в башкордском мифе об организации и учреждении института судей для разбора споров, возникающих между людьми во время соревнований, имеет весьма важное значение при изучении истории возникновения судебной власти у предков современных индо-германских народов.

Предками курдов Месопотамии и башкурдцев Урала являются, как это подтверждают независимо друг от друга археологические источники, ведические и митанийские индоарии. Хорошо известно, что победу ариям Урала в Индии принесли боевые колесницы,

запряженные конями, то есть такое военное снаряжение, о котором дравидам-дасью полуострова Хиндостан ничего ранее не было известно.

Некоторые факты из далекого прошлого ведических ариев, дошедшие до нас благодаря гимнам Риг-Веды, чей язык в свою очередь находит генетическое родство с курдскими диалектами Зангене и Чагана (А.П.Баранников, О.Вильчевский, 1962г., стр.99), подтверждают и доказывают правдивость сообщения башкордского эпоса “Урал-батыр” о том, что институт судей – Ареопаг, сложился на спортивных состязаниях, устраиваемых по случаю жертвоприношений богам. Вот что пишет относительно интересующего нас вопроса Т.Я.Елизаренкова: “Все то, что принято называть развлечением ариев, а именно: конные скачки на ристалище, игра в кости, музыка и танцы, так или иначе, непосредственно или исторически было связано с основной формой социальной жизни племени – жертвоприношением богам. В период Риг-Вед это отделение развлечений от ритуальной или магической основы произошло еще явно не полностью.

Конные состязания (aji) играли в жизни ариев важную роль. Из гимнов Риг-Вед можно понять, что финиш отмечался бороздой, устанавливались призы, а главное, что важна была не столько материальная сторона, сколько престиж, - победитель на скачках приобретал славу. Индру, бога войны, просят не только то военной победе, но и о том, чтобы колесница с его помощью вырвалась вперед на скачках (VIII, 80, 4-6, 8). (. . .). Терминология конных состязаний переносилась в другие области, например, в область словесных состязаний поэтов, когда мчатся на перегонки к богу молитвы, или же когда битва с врагами изображалась как спортивное состязание.

Пение непосредственно входило в состав жертвоприношения, так как жрецы исполняли гимны на определенные мелодии – саман (saman), которые затем были собраны в специальной веде – Самавед”.
(См. Т.Я.Елизаренкова – Риг-Веды, Мандалы I-IV, М. Наука, 1989, стр.456-457)

И далее автор пишет о некоем сакральном характере сообщества риши-певцов гимнов Риг-Веды и саман: “Представляется весьма вероятным, что риши-певцы составляли нечто вроде корпорации, а это отражено в знаменитом гимне о познании X, 71.

Члены этого “содружества” (sakhya), отличаясь неодинаковыми способностями, тем не менее едины; они поддерживают друг друга во время словесных состязаний, и победа одного из них является победой всех.”. (Т.Я.Елизаренкова, указ. соч. стр. 482)

Таким образом видно, что сообщество (sakhya) певцов гимнов риши своим возникновением прежде всего обязано – жертвенному обряду – medha, частью которого также являлись и конные скачки на ристалищах. Нет никаких сомнений, что и судьбы состязаний представляли из себя “нечто вроде корпорации”. Поэтому указание в стихах башкордского эпоса о желании богини Хомай вывести на майдан – medhu, белого коня Акбуза восходит как воспоминание к эпохе пребывания ведических ариев на Южном Урале. Следовательно, институт народного собрания у башкордцев, упоминаемый в эпосе “Урал-батыр”, своими корнями берет начало от сообщества – sakhya ведических риши, чьим уделом было не только воспевать гимны и саманы, но временами выступать судьями на конских ристалищах.

В Древней Греции культ Аполлона – защитника Ореста от Эриний, был тесным образом связан с поверьем греков о том, что каждые полгода он улетает на колеснице, влекомый лебедями, к гиперборейцам, живущим возле Рифейских гор. У древних греков Рифеями назывались Уральские горы, из чего выстраивается следующая культурно-историческая параллель.

Индо-германские предки греков – ахейцы и дорийцы, пришли на юг Балканского полуострова в период со II тыс. до н.э. по XII в. до н.э. с севера, где вели как и все индо-германские племена – кочевой образ жизни.

До вторжения ахейцев, а затем и дорийцев с севера Балканского полуострова Древняя Греция не знала ни лошадей, ни колесниц. Со времени учреждения пришельцами с севера Олимпийских игр, первые из которых состоялись в 776 г. до н.э. – конные состязания на колесницах по ипподрому стали у греков одним из самых любимых видов соревнований.

Здесь нет необходимости говорить, что условный объезд колесницы с запряженным конем всей территории – арены ипподрома по кругу, точно воспроизводит ведийско-арийский ритуал – завоевание

новых земель – Ашвамедха, детально описанный в башкордском мифе “Урал-батыр”.

Само современное название “ипподром” – связано с лошадей от древнегреческого – hippos “лошадь” + dromos “место для бега”.

То что ахейцы, а затем и дорийцы исторически являлись западной ветвью ведических ариев Урала, хорошо известно ученым – историкам и доказано на лексико-грамматическом материале этих двух языков.

Приведем некоторые, например:

<u>др. греч.</u>	<u>башкордск. яз</u>	<u>курдск. яз.</u>
фратрия “братство”	бире “ближний”	бьрати “братство”
филе “племя”	иль “родина”	ела “племя”
basileia “вождь”	баш “голова”	баш “глава”
филобасилей “вождь”	илбаши “глава”	страны”елбаши “глава рода”

У древних греков аристократический совет носил имя – булэ, что в кордском языке соответствует слову – биллан “знающий, сведущий” (человек), в башкордском – белеусе “знающий, сведущий”, в русском языке – болярин “знатный человек”, в сербо-хорватском – болярин – с тем же значением.

У древних греков, как писал В. Сергеев: “Первоначально булэ, подобно римскому сенату эпохи царей, была чисто родовым советом, в котором участвовали главы всех родов. В последствии же состав булэ сузился и аристократизировался. В булэ могли заседать лишь представители наиболее влиятельных и богатых родов, филобасилей и им подобные главы крупных родов или родовых союзов. Совет (булэ) обычно собирался во дворце главного басилей и за трапезой обсуждал поставленные царем вопросы”.(См. В.Сергеев. “История Древней Греции”, М. 1939г. , стр. 66)

Исходя из данных фактов, по истории ахейских и дорийских племен мы видим насколько социально-государственное устройство управления древнегреческого общества было близко по своей форме организации к древнебашкордскому. И у древних греков, и у древних башкордцев вождь племени – ильбаши (курдск.) – филобасилей (др.греч.) – при принятии какого-либо государственного решения

первоначально выслушивал советы (кәнәш “совет” – башк.) – старцев, после принимал присягу или давал клятвы богам, а затем по собственному совету проводил или не проводил в жизнь.

Интересно отметить, что у башкордов Урала не было царей, а все рода – фратрии управлялись родовыми вождями – Тарханами. Тем не менее в эпосе “Урал-батыр” есть указания, что у башкордов в древности были свои цари, например – Катила, Масим и ряд других. Ответ на вопрос, почему со временем в башкордском обществе исчезла должность царя, мы можем найти в древнегреческой истории.

Поэмы Гомера, как установили ученые, отражают тот исторический период Греции, когда древнегреческий род находился на стадии своего разложения. Первоначально военные вожди – бацилеи, выбирались в случае войны или военного похода из наиболее деятельных членов общины. Вожди – бацилеи, получали богатые наделы земли и таким путем зарождалась военно-земледельческая аристократия.

Именно таким царем – бацилевсом был вождь ахейцев Агамемнон, который возглавил военный поход своих соплеменников на Трои, управляемую таким же выборным царем – бацилеем Приамомом.

В историческом процессе классового образования и аристократизации греческого общества складывалось государство, которое должно было закрепить сложившиеся отношения и обеспечить господство родовой аристократии над массой своих свободных от несения постоянной военной службы соплеменников – ремесленников, ткачей, земледельцев, кузнецов, гончаров, которые являлись по сути дела основным классом эксплуататоров, захваченных на войнах чужеземцев – рабов.

Чем больше древнегреческое общество вследствие развития своей экономики становилось – классовым, военная и торговая аристократия богатела, отделялась от своего народа, племени и даже своего рода и превращалась в замкнутый класс, тем больше возрастало значение – аристократического совета – Булэ. По мере возрастания политической роли булэ в управлении древнегреческим обществом приходило в упадок власть военного царя – бацилея. Постепенно власть царя растворилась в Совете – булэ, а к VIII веку до н.э. царская

власть в большинстве древнегреческих общин уже совершенно исчезла. Теперь о древних ахейских царях Микен и Эллады мы можем узнать только по поэмах Гомера.

Сопоставляя “Илиаду” и “Одиссею”, можно видеть, как менялся и самый тип царя – бацилея. Герои “Илиады” – Ахил и Гектор – выступают в эпосе как военные вожди – богатыри, отличающиеся огромной физической силой, но вместе с тем жестокостью.

Совершенно другая картина в “Одиссее”. Здесь главным героем является хитрый, ловкий, скользкий Одиссей, одиноково искусный как в войне и подстрекательстве, так и в торговых сделках и даже в сельском хозяйстве.

Несмотря на то, что царская власть в Греции исчезла к 8 веку до н.э., мы можем восстановить картину власти ахейского царя – бацилея по поэмам Гомера, которые являются наиболее ценным источником по древней истории греков.

Возвращаясь к теме нашего исследования, следует сказать, что как историки восстанавливают и реконструируют социальный быт античной Греции по поэмам Гомера, точно также ученые-историки при необходимости могут изучать социальный строй и государственное устройство древнебашкордского государства эпохи Синташты и Аркаима, опираясь на национальный башкордский эпос “Урал-батыр”. Из народного эпоса мы знаем, что общество древних башкордов управлялось вождями – ильбаши (филобасилей), власть которых по всей видимости исчезла под влиянием тех же исторических причин, что и у древних греков. Вследствии наличия генетического родства башкордов Урала с индо-арийским родом ведических Куру и Курдов Месопотамии для нашего исследования древнего социально-государственного устройства древнебашкордского общества эпохи Синтаситы и Аркаима, особенное значение приобретает наличие ареальных изоглосс и мифологем между башкордским – индо-иранским и греческим миром.

Ахейцы, вплоть до своего вторжения на территорию Балканского полуострова с севера составляли часть индо-германского этноса, как и предки башкордов индо-ираноязычные арии. В связи с этим фактом, представляется необходимым привести слова

Е.Е.Кузьминой из ее книги “Откуда пришли индоарии?”, в которой ученый говорит буквально следующее:

Греческо-индоиранские связи

“Особое значение ареальных изоглосс мифологом между индоиранским и греческим мифом многократно подчеркивалось исследователями [Елизаренкова, 1989, с.438; Иванов, 1969 г., 1974; Иванов, Топоров, 1960, с.15-16]. Поскольку по данным письменных микенских источников известно, что греки-ахейцы уже находились в Элладе в XVI в. до н.э., то в культуре, претендующую на индоиранскую атрибуцию, должны археологически проследиваться микенские связи. Автором [1977, 1978, 1980а, 1981а, 1984б] уже подчеркивалось сходство некоторых типов изделий из петровских, раннеандроновских и раннесрубных памятников, в том числе – стрел (причем в греческом языке для лука и колчана используется иранский термин [Benveniste, 1966]), а, главное, распространение в Греции евразийской степной породы лошадей для колесничной запряжки, конских захоронений и псалиев, сопоставимых с андроновскими, что указывает на специфическое значение конных колесниц в обоих ареалах и на общность их происхождения. Эти факты особенно существенны в связи с тем, что именно мифологические сюжеты, связанные с конем, колесницей и быстроконным солнцем, относятся к числу ареальных греко-индоиранских сходжений. Отмечалось также появление в степях микенских орнаментов [Смирнов, Кузьмина, 1977, с.42-51]. Сейчас найдены новые образцы на срубных памятниках Подонья [Синюк, Погорелов, 1985] и Поволжья, подтверждающие наличие связей с Элладой”.(См. указ. соч. стр. 252)

И далее Е.Е.Кузьмина методом наложения на археологическую карту памятников андроновской культуры данных индоиранской, а в целом индоевропейской топонимии убедительно доказала – протоиранскую, индоарийскую принадлежность древних представителей андроновской и срубной культур. Е.Кузьмина пишет в своей книге: “Н.Л.Членова (1983а, 1984) составила карты топонимов и показала, что на срубной и на андроновской территории распространены иранские топонимы, но часть андроновской

топонимии может быть интерпретирована только из индоарийского, что дополнено для Алтая А.М.Малолетко [1986, с. 70-75]. Эти данные необычайно важны для окончательного решения проблемы культурной и этнической атрибуции создателей федоровского комплекса. Поскольку индоиранская топонимика доскифской эпохи выявлена на территории, где обитали только федоровские племена, выдвигавшаяся В.Н. Чернецовым гипотеза об угорской принадлежности федоровцев должна быть оставлена, а гипотеза индоарийской атрибуции андроновцев может быть подкреплена.” (См. Е.Е. Кузьмина “Откуда пришли индоарии?”. М. 1994г. стр. 253)

Индоарийское происхождение и принадлежность андроновской археологической культуры Южного Урала, Западной Сибири, Алтая и Средней Азии предполагает, что у современных потомков башкордов Урала и у курдов Месопотамии в языках должны сохраняться черты, свойственные как индоарийским языкам с одной стороны, так и греческому языку с другой, поскольку, как установили археологи – ахейские племена до своего исторического переселения с севера на юг материковой Греции (II тыс. до н.э.) представляли собой единый с индоариями народ.

Данные топонимии, несмотря на свою относительно долгую историческую устойчивость, не всегда помогают ученым совершить полную реконструкцию древнего состояния изучаемых языков. Тоже самое можно сказать и по отношению метода лексических сопоставлений, поскольку и этот метод не лишен своих недостатков. Например; ведийское слово – *hesp* “конь” в курдском языке в некоторых диалектах превратилось в – *asp*, в греческом – *hippos*, в английском – *horse*, в немецком – *pferd*, в башкордском – *at*, то есть в башкордском и даже германском языках ведийское наименование лошади – *hesp* к сегодняшнему дню исчезло.

Древнегреческое слово – *dromos* “площадка” (для бега) воспроизводится в курдском и иранском языках как – *dar* “пространство”, в башкордском – *тирэ* “пространство вокруг, окрестности” и словом – *ара*, которое более точно соответствует латинскому – *agea* “равнина” и английскому – *agea* “площадь”, “пространство”, в немецком – *gaum* “пространство”.

Однако, в курдском языке словосочетание h'əspdare не означает как в древнегреческом – hippodromos “место для конских скачек”. И точно также, в английском языке нет такого синтаксического построения – horse area, которое бы несло в себе семантическое значение “место скачек” подобно древнегреческому – hippodromos. Более того, к настоящему времени слово hippodromos стало интернациональным термином, который употребляют даже те народы, которые в своем этническом и языковом отношении не имеют никакого отношения к древним носителям индоарийского языка, то есть к современным потомкам андроновской культуры.

Родная лексика и даже язык могут исчезнуть у народа под влиянием внешних причин. Историческим примером здесь могут служить древние иранцы-башкорды [Сигинны у Геродота], которые, проживая в Западной Сарматии, после нашествия венгров-гуннов в IV веке к настоящему времени не только полностью утратили свой ирано-башкордский язык и говорят на венгерском, но даже утратили свое этническое самосознание до такой степени, что их ирано-сарматское происхождение можно восстановить и проследить только по античным и ранним средневековым литературным источникам и археологии.

Все изложенные факты свидетельствуют о том, что наиболее надежным доказательством установления генетического родства изучаемых языков является их – Фонетический Строй.

Иными словами у каждого из трех народов – греков (через ахейцев), курдов и башкордов Урала (Сарматы, Дахо-Массагеты), как представителей некогда единой индоарийской культуры, в языке независимо должны сохраниться реликты и субстраты их протоарийского языка. При этом приходится учитывать, что как раз в древнем состоянии индоарийского протоязыка отсутствовала современная лексика, из чего с необходимостью следует, что путеводной нитью для исследователя остается – фонетика.

Как установили ученые-языковеды (С.Н.Трубецкой) на примере Балканского языкового союза, куда принято включать языки славянских, романских, албанского, греческого групп индоевропейской семьи языков: болгарский, македонский, восточно-романский и частично сербохорватский – фонетика языка одного этноса, даже находясь длительный исторический период времени в

языковом союзе – меньше всего подвержена подвержена искажению и конвергенции, тогда как синтаксис и морфология наоборот являются как раз теми частями речи и соответственно грамматики, которые наиболее всего стремятся к сближению, а затем и типологическому сходству и совпадению. С этой точки зрения особый интерес у ученых-языковедов вызывает “иранская” фонетика башкордского языка. Из этого с неумолимой логикой следует, что башкорды Урала в древности были ираноязычным этносом. В башкордском языке сохранился ряд архаичных интердентальных спирантов – 3 [ə] и 3 [p], характерные для фонетического строя древнеиранских языков. Именно по этим древнеиранским фонетическим признакам своего строя башкордский язык отличается от всех других финно-угорских, тюркских языков Уральского и Волжско-Камского регионов. С другой стороны, именно по этим своим фонетическим признакам башкордский язык сближается с древнеиранским языком “АВЕСТЫ”, а также с греческим языком, который имеет в свою очередь непосредственно родство с индоиранскими языками. Так в современном греческом языке звук - Δ, δ - произносится близко к английскому звонкому th [p башкир.] в словах “this”, “they” и точно соответствует башкордскому интердентальному спиранту – 3, например: аз ым “пространство”. Другой греческий звук – Θ, θ произносится близко к английскому глухому th [θ] в словах “thick”, “thin” и точно соответствует башкордскому интердентальному спиранту – 3, например: зазык “вонючий”.

В греческом языке звуки присутствуют генетически, с древнейших времен и, допусти слово – театр произносится – театр, а слово – демократия звучит как – themократия.

Сарматы и их предки Дахо-Массагеты говорили на древнеиранских языках и поскольку башкорды Урала их современные потомки, то поэтому является закономерностью, что древнеиранские интердентальные спиранты – 3 и 3 сохранились в башкордском языке. Дахо-Массагеты Южного Урала являлись в свою очередь представителями более древнего индоарийского этноса, часть которого и были ахейские племена древних греков, ворвавшихся на территорию материковой Греции с севера Балкан около II тыс. до н.э. Следовательно, есть все основания считать интердентальные спиранты

З и ʒ [θ – р башк.] в башкордском и греческом языках общим наследием от индоарийского языка.

В курдском языке наблюдается несколько иная картина. Так два курдских диалекта Зангене и Чагана, как выявил академик А.П.Баранников, в более древние времена говорили не на иранском, а на индоарийском языке. Из этого следует, что курды Месопотамии в своем этногенезе напрямую восходят к ведическим ариям, покинувшим Южный Урал во II тыс. до н. э. и пришедшие с севера в Индию. Тогда как вторая часть, отколовшись от основной массы ведических ариев, перешла через Иранское нагорье, проникла в Переднюю Азию, где создала свое индогерманское княжествогосударство Митанни. Потомками этих митаннийских ариев и являются современные курды.

Ахейские племена, пришедшие с севера на юг материковой Греции, основали Микенское царство. Социальный строй Ахейцев в их Микенском государстве хорошо описан в поэмах Гомера, и ученым известно, что власть принадлежала аристократическим военным родам, из которых особо выделялся род Атридов. Так военный вождь ахейцев в их походе на Трои назван Гомером в “Илиаде” – царем царей.

Ведические арии, которые пришли в Переднюю Азию и Месопотамию, также организовали свое княжество – Митанни, одним из первых царей которого был – царь по имени Парраттарна, внук которого Сауссадаттар был вне всякого сомнения наиболее выдающимся из всех митаннийских царей. Сауссадаттар захватил и разграбил Ашшур, столицу Ассирийской державы около 1500 г. до н.э.

По сути дела, грандиозные военные успехи ахейских царей Микен в их походе на Трои, Митанийских ариев в войне с Ассирией, ведических ариев, захвативших со временем весь полуостров Хиндостан, объясняется военной организацией социально-экономического строя, который был ими унаследован от своих предков – индоариев Аркаима и Синташиты. Генетическое родство ведических ариев Индии и митаннийских ариев с ариями Южного Урала (II тыс. до н.э.) подтверждает археологическая карта – андроновской культуры, тогда как генетическое родство микенских ахейцев с ариями Урала и Поволжья доказывает археологическая срубная культура. Другим доказательством генетического родства, а не просто общего

индоевропейского типологического сходства ахейцев Микен с индоариями Южного Урала и Митаннийцами Передней Азии является единая терминология военно-социального устройства общества, напрямую восходящая к архаичному, догосударственному родоплеменному обществу ариев. При этом, как установили ученые, на западе индоарийской культурной общности в II-I тыс. до н.э. доминировал древнеиранский элемент.

Как пишет Е.Е.Кузьмина: “В.Миллер [1887] определил иранскую этимологию ряда географических названий в Северном Причерноморье, пополненную позднее В.И.Абаевым [1949]. Большое число иранских гидронимов выявлено в Поднепровье по Днепру, Десне, Сейму, Северскому Донцу и на Полтавщине [Топоров, Трубачев, 1962; Стрижак, 1965]. Предложенное в ряде работ О.Н.Трубачевым [1975; 1976] и поддержанное Л.А.Лелековым [1980] индоиранское прочтение ряда топонимов Северного Причерноморья оспорено Э.А.Грантовским и Д.С.Раевским [1984, с. 47-62], признавшими, что иранский элемент является “единственно бесспорным в Северном Причерноморье”. С.С.Березанская [1982, с. 206-209], наложив гидронимы верхнего и среднего Поднепровья на археологическую карту, показала, что ареал иранских названий не совпадает с границами распространения скифской культуры, а полностью совмещается с территорией срубной культуры, что служит веским аргументом в пользу признания протоиранской принадлежности срубников.” [См. Е.Е.Кузьмина. “Откуда пришли индоарии?”. стр.253].

Преобладание древнеиранского элемента над индоарийской уже в срубной культуре II - начало I тыс. до н.э. распространенной в степной и лесостепной части Восточной Европы и Северного Причерноморья, то есть на той территории, ставшей позднее, в эпоху Римской империи известной под именем – Сарматия, объясняет нам теперь – почему у башкордов – потомков Дахо-Массогетов, курдов – потомков митаннийских ариев и греков – потомков ахейцев, в языке сохранилось древнее соответствие в наименованиях родоплеменной, кровнородственной структуры общества.

Действительно, с научной точки зрения полное совпадение ахейского – филе “племя” с курдско-башкордским ела “племя” – иль

“страна”; фратрия “братство” с курдским – бьрати “братство” с башкордским – бире “ближний” – фатир “квартира”, “место совместного жительства”; ахейского – базилей “вождь”, курдского и башкордского – баш “глава-предводитель”; ахейского – филобасилей “глава рода” с курдским – елабаши “глава рода” и башкордским – ильбаши “глава страны” можно объяснить только единой генетической общностью этнического происхождения древних ахейцев, курдов Месопотамии и башкурдов Урала.

Немаловажно в этом плане указать на полное соответствие английского family: fam-ily, где первое слово – fam соответствует ведийскому – dam, русскому – дом, поместье, древнегреческому – домус; тогда как вторая часть слова – iу соответствует башкордскому – иль “страна”, курдскому – ела “род”, древнегреческому – филе “род”. По сути дела английское family тождественно курдскому – зома ела “земля, местность летней кочевки рода”.

К этому следует добавить, что как раз в английском языке сохранились как и в башкордском языке те интердентальные спиранты З и Ӷ [θ – р башк.], которые имелись в наличии в древнеиранских языках. К этому же этимону – иль-ела восходит и латинское domicilium “местопребывание”, тем более, если мы вспомним, что все общество древних латинян подразделялось по родам – Genus, члены которых считали себя – кровными родственниками. Латинское наименование рода – Genus этимологически тождественно слову – jana “род” – “племя” в санскрите.

В латинском языке не было звуков – З и Ӷ [θ – р], как в английском, греческом, башкордском, испанском языках. По этому поводу следует сказать, что эти специфические звуки З и Ӷ [θ – р башк.] имелись в языке Сарматов, говоривших на одном из диалектов древнеиранского языка.

Фонетика языка передается ребенку вместе с молоком матери, поскольку фонетику языка невозможно заимствовать как лексику из другого языка. Из этого следует, что фонетика башкордского языка продолжает непрерывно сохраняться с эпохи древних иранцев, представителей андроновской – срубной культуры Урала и Поволжья (II-I тыс. до н.э.).

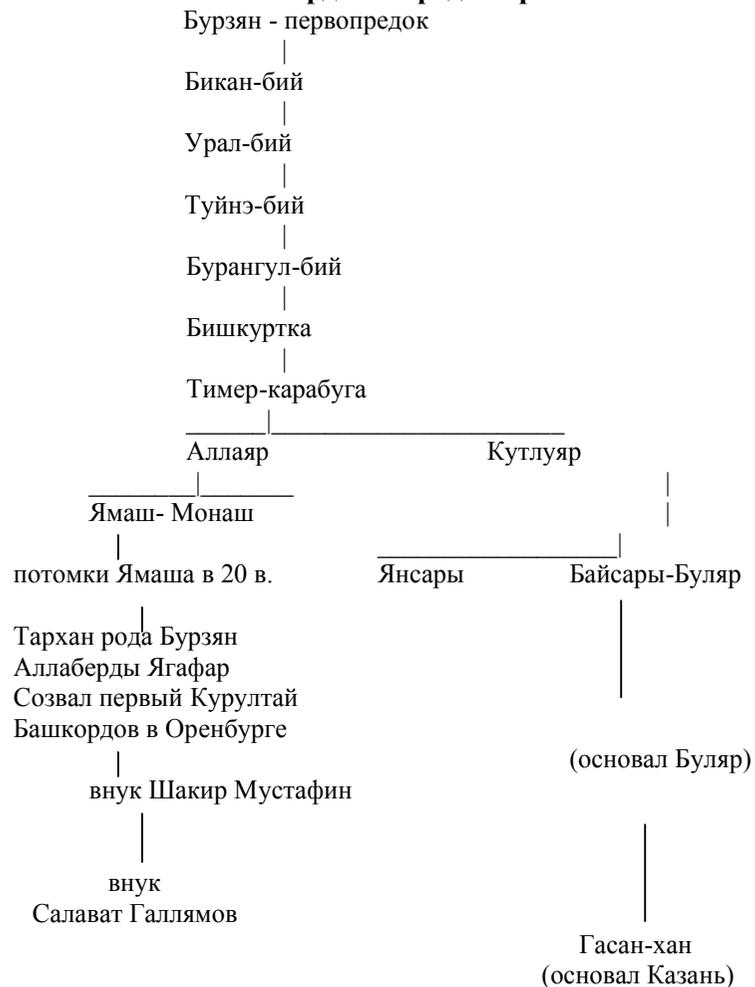
По ареалу распространения и употребления древнеиранских интердентальных спирантов – З и Ӷ [θ – р башк.] башкордский язык стоит на востоке индо-германской ойкумены, английский на севере, испанский на западе, греческий на юге. Учитывая, что Южный Урал [Weralt] является условным центром – сердцем [Идель – Дел], откуда началось расселение индо-германских племен на запад, восток и юг во II тыс. до н.э., то следует, что башкорды ни у кого фонетику своего языка не заимствовали, а, наоборот, являются ей Прародителями в индо-германском мире. Точно также, как фонетику родного языка с кровью матери, усвоили от своих предков кровно-родственные юридические законы и модели построения своих будущих военных городов-государств наподобии уральского Аркаима – ведические, митаннийские арии и ахейские племена. Ни ахейские племена древних греков, ни митаннийские и ведические арии ничего не перенимали друг у друга просто их кровные предки в очень отдаленную эпоху жили и обитали все вместе на Южном Урале, Западной Сибири и Средней Азии. Именно по этой причине, здесь на Севере у греков и индийцев с иранцами зародилась их древняя и национальная религия священного огня, при этом один из трех самых священных огней в зороастризме стал носить имя башкордского племени – Борзен [Михрбан], сохранившегося и у курдов Месопотамии.

Именно башкорды-курды рода Борзян являются в истории подлинными создателями древнеиндийско-арийских законов Ману.

Башкорд Мануш из рода Борзян основоположник юридического Права индо-ариев

Башкорды Урала рода Борзян считают, что ведут свое происхождение от мифического прародителя Бурзяна, давшего свое имя всему роду. На древнеперсидском слово – Берези, означает “огонь, пламя”. Бурзян был отцом Бикана, чьим сыном был Урал, его сыном Туйнэ, его сыном был Бурангул, его сын Бишкурт, его сыном Тимер-Карабуга, у которого было два сына Аллаяр и Кутлуяр. У Кутлуяра было два сына Янсары и Байсары, а у Аллаяра одного сына звали Монаш, а другого Ямаш.

**Древняя часть генеологического древа
башкордского рода Борзян**

Наиболее важным историческим фактом в этом перечне имен генеологического древа башкордов рода Борзян является полное совпадение пятерых из них – Бурзян, Урал, Туйне, Монаш и Ямаш с именами прародителей человечества и племен как в ведийско-арийской, так и шире, в индо-германской мифологии.

Башкордские имена мифических братьев-прародителей Монаша и Ямаша точно соответствуют именам двух братьев-прародителей Ману и Яме в ведийско-арийской мифологии. В ведийской традиции Ману – сын солярного божества Вивасванта, известного в “АВЕСТЕ” как – Вивахвант от имени жены Шатарупы. Тогда как Яма сын Вивасванта и Саранью.

По традиции Ману почитался царем людей, живущих на земле, тогда как его брат Яма почитался царем загробного мира, то есть царем умерших людей.

Слово – Мануш с древнеиндийского переводится “сын Ману”, то есть сыновья-потомки Ману. Слово Ямаш с древнеиндийского переводится уже как – “сын Ямы”, т.е. потомки от Ямы. Башкордско-ведийское имя Ману имеет свое продолжение и дальше, в германско-скандинавской мифологии. Так, в германской мифологии Манн – первочеловек, сын Туисто, отец родоначальников трех племенных групп древних германцев – ингевонов, истевонов и герминиюнов. Здесь мы видим, что древнегерманское божество Туисто отец Манна точно соответствует Туйнэ, предку Монаша, в преданиях башкордов рода Борзян. Необходимо обратить внимание и на следующее совпадение: у германцев божество Туисто соответствует скандинавскому Эмиру, убив которого, его дети – Один – Вилли – Ве разрубили труп на четыре части и соворили из частей его тела Вселенную – из мяса – землю, из костей – горы, из крови – море, из черепа – небо.

В башкордском мифе о сотворении Вселенной говорится, что весь мир произошел из мертвого тела Урала, который по генеологическому древу башкордов Борзян является отцом Туйне, тождественного в свою очередь скандинаво-германскому божеству Туисто-Имиру. Если по скандинаво-германскому преданию из мертвого тела Туисто-Имира его дети создали мир, то у башкордов весь мир возник из расчлененного на четыре части мертвого тела Урала, отца Туйне-Туисто.

Особый интерес здесь представляет индогерманская этимология древнебашкордского имени Урал. В германских языках, равно как и в санскрите слова: - Vir-Ver означают “мужчина-человек”; тогда как слово – Alt-old в немецком и английском языках значат – “пожилой, древний”. Словосочетание Ver-alt “Старый, Древний человек” со временем у немцев и англичан стало означать – welt-world “мир”, “Вселенная”, таким образом этимологически и семантически точно соответствует древнебашкордскому слову Урал, то есть – Древнейший Человек (из которого произошел весь мир).

Как пишет В.Н.Топоров в статье “Космос”: “нем(ецкое) Welt и англ(ийское) World строится через соотнесение с человеческим возрастом, поколением (герм. Wer, “человек”, “мужчина”, и alt, altar, “возраст”, “поколение”)...”.

(См. Мифы народов мира. Изд. Советская энциклопедия. М. 1982, т.2, стр.9, статья “Космос”)

К этим словам ученого следует добавить, что и в санскрите слово – Vir “человек”, “мужчина”, “муж”. Как видим башкордское слово Урал и связанная с ним мифологема имеют генетическое родство как с германским, так и индо-иранским миром.

Далее генетическое родство предания башкордов рода Борзян с индо-иранским миром подтверждает и другое имя их первопредка – Ямаш. В древнеиндийской эпической мифологии бог Яма, сын Вивасванта и брат Ману, точно также как и в родословном предании башкордов рода Борзян Ямаш – брат Монаша.

Теперь нам необходимо выяснить, где именно на Урале или уже после переселения в Индию у ведических ариев зародились мифы о братьях-прародителях Ману и Яме (Мануше и Ямаше). Ответ на этот вопрос нам дает “АВЕСТА”. В древности до исторического разделения индо-иранцев на ведических и митаннийских ариев предки индийцев и иранцев представляли один единый народ, говорящих на общем языке, состоящем из нескольких близких друг другу диалектах, и поклонялись одним и тем же национальным богам. Поэтому в священной книге иранцев-зороастрийцев “АВЕСТЕ”, в наиболее древних частях мы встречаем те же имена богов, которые упоминаются и в “Риг-Веде”. Именно к числу богов, имена которых упоминаются и в “АВЕСТЕ” и “Риг-Веде”, относятся Вивасвант вместе со своим сыном

Ямой. В “АВЕСТЕ” ведийский Яма известен как Йима и также почитается сыном Вивахванта (Вивасванта).

В зороастрийской традиции Йима (Джамшид у Фирдоуси) прежде всего известен как культурный герой и, по всей видимости, занимал место Ману для ведийско-индуистской религии. Йима в “АВЕСТЕ” – это прежде всего законодатель, разделивший общество индо-ариев на четыре касты: 1) жрецов, 2) воинов, 3) земледельцев, 4) ремесленников. Потом Йима по приказу Ахура-Мазды воздвиг в Арьяне Вэджа ограду – Вар, для защиты людей, домашний скот от суровой зимы со снегом, налетевшей с севера. В курдском языке слово – Вар означает “стоянку на кочевье”, а слово – дивар “стена”.

Ахура-Мазда говорит на совете небожителей, собравшемуся в Арьяне-Вэджа на берегу Вахви-Датии, к приглашенному туда Йиме: “Спаси же эту счастливую землю! Ибо затопит ее водой, когда кончится зима и снега растают. Чудом, о Йима, для плотского мира покажется, если увидят, где след овцы [СК], и назовется она – Вара (среднеперс. Вар). – Отгородись Варой от зимы лютой, от дэвов, от Зла” – продолжал Ахура-Мазда. (Царствование Йимы (авестийская традиция). Изложено по Видевдат 2. См. И.В.Рак. “Зороастрийская мифология”. С.П. 1998г., стр. 160-161).

Этот город – Вар царя Йимы археологи обнаружили на Южном Урале, являющегося древней прародиной иранцев: Арьянам-Вэджа, что подтверждается и совпадением древнеиранского гидронима Даитья с Яик-Даик, являющегося башкордским названием реки Урал.

По зороастрийскому преданию Ахура-Мазда вручил Йиме божественный Посох, когда призвал его на борьбу со злом, о чем нас извещает “Видеват”². Касаясь именно этого вопроса, Е.Е.Кузьмина пишет: “Атрибутом индоиранских жрецов был посох.

Его вручил Йиме Ахура-Мазда. Это дает основание интерпретировать персонажи с посохом, а иногда с сосудом и гривной, представленных на ямных и скифских стеллах и пластинах Амударьинского клада, как изображения героев-первопредков и жрецов-пастырей”

(Е.Е.Кузьмина, указ. соч., стр. 161)

Посох - знак царской власти в Авесте

По “АВЕСТЕ” царь Йима именно благодаря посоху, полученному от Ахура-Мазды при посредничестве Ардвисуры-Анахиты, сумел затем расширить владения древних иранцев на земле.

“Видевдат” – 2

Тогда Ахура Мазда призвал Йиму к себе и повелел ему расширить землю.

Йима выступил к свету в полдень на пути Солнца.

Он этой земле дунул в золотой рог и провел по ней кнутом [посохом], говоря:

Милая Спента Армаити, раступись и растянись вширь, чтобы вместить мелкий и крупный скот и людей!

Вот так Йима эту землю раздвинул на одну треть больше прежнего, и нашли себе здесь пристанища мелкий и крупный скот и люди по своему желанию и воле, как им хотелось [СК].

Минуло еще триста зим – и земля вновь преполнилась скотом и людьми. Ахура Мазда опять призвал к себе Йиму, и Йима по велению творца сделал землю на две четверти больше, чем она была в начале.

А еще через триста зим царствования Йимы все повторилось в третий раз; и когда Йима в третий раз расширил землю орудиями, данными Творцом, земля стала на три трети

больше, чем ее создал Ахура Мазда в начале творения.

И расположились на ней мелкий и крупный скот и люди по своей воле и желанию, как им хотелось [БР].

(См. И.В.Рак, Зороастрийская мифология, стр.

159-160)

Посох - знак царской власти в башкордском эпосе Урал-батыр

Посох играет чрезвычайно важную, пожалуй даже – ключевую роль в башкордском космогоническом мифе, благодаря которому Урал-батыр приобретает как герой черты Творца-Демиурга. Урал-батыр в башкордском мифе получил чудесный посох не из рук Ахура-Мазды, а добыл его в подземной стране Змея –Аждахи Кахкахи.В иранских языках : курдском, таджикском,персидском-Млечный Путь в ночном небе носит название Рийа Кахкахон или Рийа Кахдиз «Путь похитителей Соломы». В башкордском мифе Урал похищает, отнимает у аждахи Кахкахи не солому , а волшебный посох . Заркум сын Кахкахи говорит Уралу о посохе своего отца, царе всех змей:

1350(3-10).

“Этого посоха секрет вот в чем:

С ним не утонешь, оказавшись в воде,

Не сгоришь, если в огонь попадешь.

Если захочешь невидимым стать,

Ни одна душа не увидит тебя,

Если враг тебя будет искать,

Не отыщет никогда.”

Урал-батыр, как описывается в мифе, услышав слова змея Заркума, помог ему, отломав оленю рога, превратиться в человека, а затем они вместе вошли в подземное царство змей. Убив одиннадцати головного змея, Урал-батыр освобождает одиннадцать человек, проглоченных драконом, один из которых ему говорит:

1530. Сердце змея [рассеки]

Ключ золотой найдешь,

Дворей тайн откроешь ты

.....

Урал-батыр сердце змея рассек,

Дворей тайн открыл, говорят.

.....

1540. Красивую девушку увидел там,

девушка возле двери.

- Открыл ее, говорят,
И рядом с тронном [царя змей] увидал
Посох с набалдашником в жемчугах, говорят.
“Егет, этот посох возьми”, –
Сказали люди ему.
В тот же миг дворцовую дверь
Распахнул белый змей говорят.
1550. “Это кто сюда вошел?
Кто взял посох мой,
Недоступный ни для кого из людей?”–
Так сказав, кинулся на Урала змей,
Чтобы его проглотить.
Урал схватил его, говорят,
Скрутил, швырнул на землю, говорят,
И сказал он так, говорят:
“Я – батыр, ушедший искать
Смерть, губящую людей.
1560. Кто на стороне смерти стоит,
.....
- (...) Услыхав, что сказал Урал,
Увидев смелость его,
Змей подчинился ему, говорят.
“Раз посох упустил из своих рук
К тебе перешла сила моя!” – сказал, говорят.
Падишах, говорят, приказал
Всех змей собрать.
Тем, кто съев людей, головы себе отрастил,
Урал головы, говорят, отрубил.

Таким образом, добыв себе чудесный посох, Урал-батыр стал царем, о чем поведал Шульгену змей – Заркум, сын аждахи Кахкахи, которые после своего бегства укрылись в стране демона тьмы Азраки.
Заркум говорит:

1990. “Есть страна змея-аждахи,
Падишах там по имени Кахкаха,

- У этого падишаха в руках
Мудрый посох есть;
Посох тот против врага обратится огнем,
А когда пожелаешь, разольется водой,
Ветры, ураганы он может поднять.
Как-то вдруг,
Когда никто ни о чем не подозревал,
Явился сюда один батыр,
2000. То ли украл, то ли еще как ни будь,
Но посохом этим завладел,
Самого падишаха сверг, говорят,
Всю страну захватил, говорят,
Назвал себя Урал-батыром, говорят,
Падишахом сделался, говорят.”

О чудесной силе посоха в башкордском эпосе говорится в следующих строках:

- 2320(2-4). Урал отправился в путь, говорят,
Посох свой превратил в коня, говорят, (...)
- 2360(4-6). Где птица плыла, приблизился, говорят,
Присмотрелся к ней,
Посохом своим заморозил. (...)
- 2530(1-3). Девушка, птичье одеяние снова надев,
С Уралом в путь собралась, говорят,
Они на посох сели верхом
Отправились в путь.
Через горы перелетели они (...)

Злые демоны в башкордском эпосе всегда стремятся похитить “мудрый” посох Урала, как стремится похитить божественное Хварно, утерянную праведным Йимой и хранящуюся на небе злой Ангра-Манью (Ажи-Дахака).

Змей Заркум, сын аждахи Кахкахи, думает вслух, как вернуть посох отца:

“Буду вместе с Шульгеном,

2030. Силу испытаю его,
Урала я убью
Посох себе верну,
Достигну желания своего,
Всем я отомщу”–
Так подумал Заркум;
Поэтому посох расхвалил (...).

По башкордскому мифу только человек, овладевший этим “мудрым” посохом способен стать царем и подчинить весь мир. Именно с этой целью Шульген

3160. Решил он любым путем
У Урала посох отнять:
Водой все затопить,
Уничтожить, разрушить все, (...)
Так порешил Шульген,
А Уралу он
Так стал говорить:
“Хочу и я славу добыть,
Пойду на страну Азраки,
Завоюю ее”, – сказал.
3170. Посох у него попросил (...)
.....
И Урал ему посох отдал (...)
.....
Шульген посох схватил,
3180(4). В сторону отошел,
Посохом ударил [по земле],
Водой всех затопил,
В ужас поверг.
Увидев это, Заркум-змея
Обернулся рыбой большой,
Вошедшую к нему Хомай
3190. Тут же проглотил.
Когда Заркум девушку проглотил,

- 3200(9-10). Солнце затмилось в небесах.
Ахбуз [Белый Конь] об этом узнал,
Бросился в поток Акбузат (...)
Высох бушующий поток –
У посоха не хватило сил
3210. Против Акбуза устоять.

Посох таким образом оказался бессильным перед силой белого коня – Акбуза, роль которого в ритуале констатации очередной оккупации земли – Ашвамедха была чрезвычайно огромной и как бы завершающей, как мы уже говорили выше.

Башкордское наименование посоха – Хукмар включает в себя корень – Мар “змей” в курдском языке. Посох у курдов называется – Шьв и напрямую совпадает с именем бога Шивы в индуистской мифологии, который вместе с Брахмой и Вишну составляет божественную триаду – Тримурти. Вооружением Шивы была палица – Рудра, который как самостоятельное божество упоминается уже в “Риг-Веде”. Имя ведийского бога Рудры по всей видимости происходит от башкордско-ведийского глагола – Ярыу “раскалывать”, “разрывать” – иг и глагола – ӨрӨу “реветь”, “дуть”.

Представления в “Риг-Веде” о Рудре как о самостоятельном божестве, а не только как об атрибуте бога, совпадает с описанными качествами “мудрого” посоха, обладающего самостоятельной внутренней силой в башкордском эпосе “Урал-батыр”. Вместе с этим помощь “мудрого” посоха то в добрых делах Уралу, то злым демонам-змеям Заркуму и Шульгену точно соответствует положительным и отрицательным чертам бога Рудры, которыми он наделен в “Риг-Веде”.

Мандава I, гимн 114.
К Рудре

7. Ни великого среди нас, ни малого среди нас,
Ни растущего среди нас, ни выросшего среди нас,
Ни отца нашего, ни матери не убивай!
Не причини вреда нашим милым телам, о Рудра!

Более того, последние археологические находки эпохи бронзы на Южном Урале подтверждают пребывание во II тыс. до н.э. на этой территории и древних племен самих ведических ариев (Синташта, Аркаим). Именно к древним периодам истории ведических ариев и восходит представление о посохе героя-водоборца как о самостоятельном божестве. Причем, если в индо-арийской традиции в “Атхарваведе” бог Рудра именуется – Шарва, то в ирано-“арийской” традиции в “АВЕСТЕ” бог Рудра просто именуется злым демоном – Шару.

Еще очень долго в истории индо-ариев “мудрый” посох Урал-батыра будет представлять некое самостоятельное божество, о чем мы можем достоверно судить по “Упанишадам” и “АВЕСТЕ”.

Шветашватара упанишада.
Часть III.

2. Ибо Рудра, который владеет этими мирами
с помощью сил владычества, един – [мудрецы] не
держатся второго.
Он стоит перед людьми; сотворив все миры, он,
пастырь,
Свертывает [их] в конце времени
(перевод А.Я.Сыркина)

[Именно с посохом Урал-батыр и Йима расширили владения “миры”
древних индоариев Южного Урала. Прим. С.Г.]

5. Твой благодетельный образ, Рудра, не ужасен,
не являет зла, –
Воззри на нас этим несущим покой образом,
обитатель гор!
6. Стрелу, которую ты обитатель гор, держишь в руке,
чтоб метнуть [ее], –
Сделай ее благодетельной, хранитель гор,
не причиняй вреда человеку и животному!
(перевод А.Я.Сыркина)

АВЕСТА

Среднеперсидская традиция.

Изложено по: “Бундахишн” 1-29; “Затспрам” 1-11

(...) А тем временем Ангхро-Майню, укрывшись в черной преисподней Тьме, породил свои мерзкие исчадия – дэвов (авест. даэва, древнеперс. дайва) – злых демонов, которые должны противоборствовать благим божествам – ахурам.

Сначала царство Тьмы произвело Ака Ману (среднеперс. Акоман) – “Злую Мысль”. (...)

Потом были порождены другие злейшие дэвы: Индра (среднеперс. Андар), Шару (или: Сару; среднеперс. Шовар, Совар), а вслед Нахатъя (среднеперс. Накахед, Накиаш), а вслед Тарви, а вслед Заири (среднеперс. Зариг). (См. И.В. Рак. “Зороастрийская мифология”, стр.84)

И далее: “Дэвовская нечисть летает, шатается и ползает везде, вертя башками и выглядывая, где бы намерзнуть. Ака Мана внушает злые мысли. Айшма изничтожает стада, насылая на скотоводческие общины грабителей – кочевников-друджвантов. У Айшмы семь подручных – потому и говорится, что Айшма наделен семью силами. Шару, дэв пьянства, анархии и развала власти;”. (См. И.В.Рак, указ. соч. стр. 110)

Знаменательно, что в “АВЕСТЕ” вследствие реформ Зороастра-Зардушта злыми демонами объявлены почти все древние ведийско-арийские божества: Индра-Андар; Рудра-Шарва-Шару; Насатъя-Нахатъя и т.д.

Сам пророк новой веры Зардушт – (Зороастр, древнегреч.) как раз и родился по традиции в местности возле Вахви Датии, которая соответствует истокам реки – Даик, Яик (Урал) на Южном Урале, где живут башкорды – родичи курдов, в мифе которых обожествляется “мудрый посох” героя Урал-батыра.

Впоследствии бог Рудра стал орудием, палицей бога Шивы, тогда как в курдском языке слово – дубина звучит Шъв.

Мегасфен, посол Селевка к древнеиндийскому царю Чандрагупте, писал, когда жил в Паталипутре, что проповедники (философы) Индии делятся условно на две группы: жителей равнин,

почитавших Геракла и других – чтущих Диониса. Далее Мегасфен сообщает, что поклонники древнеиндийского Геракла носят как отличительный признак своего культа – палицу, которой клеймят скот и львиную шкуру.

Лев является священным животным в башкордской мифологии. Так в эпосе повествующем о сотворении земли говорится, что в начале творенья, когда еще не было физической материи, Урал-батыр ездил верхом на льве до тех пор, пока богиня света и живой воды Хомай не подарила Уралу коня Акбузата. Другим знаковым атрибутом Урала был посох – हुкар. На курдском языке слово посох звучит – Шьв. Алмазный меч Урал-батыр получает от Хомай только в конце эпоса, для того чтобы разрубить и уничтожить демонические силы Посоха – Рудры. Все свои основные космогонические подвиги Урал-батыр совершил, шествуя по хаосу Вселенной верхом на льве, держа в руках волшебный посох. Лев прислуживал на охоте еще Йанбирде – отцу Урала, затем, сев на него, герой отправился искать бессмертия.

710. Сказал Урал эти слова
“Прощайте” – он сказал.
Сел на своего льва,
В стан падишаха Катилы
Направился Урал, говорят.

Перед схваткой с борцами царя Катилы Урал говорит:

1110. “Все четверо подойдите
Батыра разыскивающего Смерть,
Силу на себе испытайте вы!
Если я умру на ваших руках
То тело мое отдайте льву.”

Встретившись с Заркумом, сыном аждаки-Кахкахи, Урал перед тем как спуститься в царство змей под землю, говорит своему льву следующие слова:

1410. “Если жив буду – вернусь,
Встретимся вновь,
Не вернусь долго не жди,
Не скитайся в чужих краях,
Дорогу обратную найди,
Домой отправляйся
Привет от меня передай”
Так он сказал льву, говорят,
Поцеловал его в лоб, говорят.
Расстался с ним , говорят.

Таким образом из башкордского эпоса мы видим, что полная картина мифологемы – Урал-батыр, включает в себя, - человека вооруженного посохом и сидящего верхом на льве. Этот образ полностью соответствует и совпадает в деталях с мифическим образом древнеиндийского бога Шивы-Геракла.

Уничтожение колдовских, демонических сил “мудрого” посоха, как это описано в башкордском эпосе, по всей видимости исторически соответствует постепенному исчезновению культа бога-Рудры, как самостоятельного фетиша-божества.

3660. Когда морские воды разлились,
Когда вскипала вода,
Оба – Урал и Шульген –
Сошлись лицом к лицу
Друг с другом бились они:
Шульген с посохом
Яростно на Урала напал,
Хотел его огнем спалить,
Хотел ему голову снести.
Без всякого страха Урал
Выхватил свой булатный меч,
И с яростью большой
По тайному [серле] посоху ударил он.
Разбился посох на мелкие куски,
Гром раздался на небесах,

Исчезло море озером став;
Дивы, оставшись без воды,
3670. Ослабли, лишились сил.

Этот текст демонстрирует нам, что у древних башкордов, как и у ведических ариев существовал культ поклонения деревьям – дендролатрия. В башкордском мифе этот культ поклонения деревьям как фетишам запечатлен в виде описания “мудрого” Посоха, который в свою очередь соответствует по признакам описанию Рудры посоха-воина в “Риг-Веде”. Миф складывается в течение многих веков и отображает в себе разные этапы развития человеческого общества. Поэтому те части башкордского эпоса, в которых Посох изображается как фетиш, наделенный самостоятельной магической силой, соответствует наиболее древней эпохе истории башкордов Урала, когда у них сохранились пережитки дендролатрии. Тогда как уничтожение “мудрого” посоха Урал-батыром относится к более поздним периодам истории башкордов и соответствует эпохе установления в Индии культа Кришны аватаре ведийско-арийского бога Вишну, в мифах которому сохранились воспоминания о борьбе с дендролатрией, существовавшей в народных верованиях у многих индо-арийских племен.

Само имя – Кришна точно воспроизводит индо-иранское слово – Куруш “пастух”, необходимым орудием которого всегда является – Посох. Именно поэтому бог Кришна и известен как бог пастухов и пастушек. Знаменательным по этому поводу выглядит то, что бог Кришна – Куруш по древнеиндийскому эпосу почитался родовым божеством Кауравов и Пандавов, являющихся прямыми потомками ведического рода Куру племени Бхаратов.

Ведические Куру жили во II тыс. до н.э. на Южном Урале и являются прямыми предками Башкурдов Урала и Курдов Месопотамии. Другим подтверждением этому является полное соответствие ведийско-арийского племени Кекайи курдскому роду Кокейи. В Махабхарате племя Кекайи упоминаются в связи с их помощью, оказанной Пандавам из рода Кауравов, то есть “потомков Куру”.

В эпоху сложения древнеиндийского эпоса и “Законов” Ману весь Северо-Западный регион от Индии и Пенджаба до Южного Урала и Ирана, всю территорию Средней Азии населяли ираноязычные Сако-Массагеты. Именно в битве с ираноязычными Сако-Массагетами погиб Кир-Куруш Великий в 465 г. до н.э., а через 130 лет в 329 г. до н.э. Александр Македонский встретился с представителем среднеазиатских Сако-Массагетов, вождем – Фарасманом, царем Хорезма. Из рода ираноязычных Сако-Массагетов происходил сам Гаутама Сакьямуни, ставший Буддой – основоположником буддизма.

Ведические арии, поклонявшиеся посоху как богу Рудре, пришли в Северную Индию во II тыс. до н.э. с Южного Урала (Аркаим, Синташта). Древние иранцы – почитавшие посох Йимы, пришли с Южного Урала с берегов Вахви Датъи (Даик-Яик), то есть от истоков реки Урал (Аркаим-Синташта). Сам пророк Заратуштра родился и вырос возле священной реки Вахви Датъи, а посох Йимы или Рудра Шивы превратился в – железный барсом, ставший непременно атрибутом зороастрийского жреца – багнапата.

Имя верховного божества башкордов господства света – Самрау произошло от ведийско-арийского Sam-raj “сам из себя сверкающий”, “самовозгорающийся” и соответствует имени древнего героя Сама-Наримана у исторических Сако-Массагетов, обосновавшихся в эпоху Парфянского царства (250 г. до н.э. – 224 г. н.э.) в Дрангиане, затем переименованную в их честь в – Сакастан – Сеистан.

Из одного из сако-массагетских княжеств древней Бактрии родилось знаменитое Кушанское царство, где государственной религией стал Буддизм, основоположник которого был – мудрец из рода Саков – Будда Сакьямуни. В Индии Саков звали Шаками, вследствие чего слово Сакьямуни произносится Шакьямуни. В башкордском языке слово – бод (Будда) означает – неподвижный идол, что в целом соответствует учению буддизма о Нирване как царстве Невозмутимости. В период своего расцвета Сако-Массагетское царство Кушан с I по III века нашей эры включало значительную часть территории Средней Азии, Северной Индии, Афганистана и районы современного Синьцзяна.

Все исторические сведения об этнической истории ведических индоариев Куру свидетельствуют довольно точно о том, что индоарии

после своего отделения от древнеиранских племен стали почитать бога Рудру как посох-рудру Шивы, тогда как иранцы – чтити рудру как посох Йимы, а у башкордов посох Урал-батыра.

Сам тот факт, что в индоарийской традиции Ману, брат Йимы-Ямы почитается первым законодателем, разделившим общество древних индоариев на 4 варны, тогда как у иранцев первым законодателем почитается Йима-Яма, брат Ману, которые оба почитаются братьями (Монаш – Ямаш) у башкордов рода Бурзян, показывает ученым насколько глубоко даже относительно поздняя история индо-иранцев оказывается привязанной к Южному Уралу. Этноним Бурзян как у курдов Месопотамии, так и у башкурдов Урала восходит в своем происхождении к авестийскому орониму – Хара Березаити. Ученые установили, что авестийская мифическая горная гряда Хара-Березаити тождественна древнеиндийской мифической горе Меру.

Как известно, Южный Урал населяли Сако-Массагеты, которые говорили на восточно-иранском языке. После открытия и прочтения учеными буддийских рукописей, написанных на хотанско-сакском языке, стало известно, что этот древнеиранский язык в этих рукописях характерен: “передачей индийского названия великих гор – Меру, или Сумеру (“Прекрасная Меру”), иранским термином “Хара” или “Высокая Хара” и, наоборот, иранского Хара Березаити – индийским Меру.”

(См. Г.М. Бонгард-Левин, Э.А. Грантовский. “От Скифии до Индии”. М. 1983, стр. 56)

Распространение “Законов Ману” как кодекса поведения в обществе Древней Индии связано с нашествием Саков-Шаков, благодаря которым новая религия – буддизм стал более чем на 800 лет национальной религией древних индийцев.

На северный регион происхождения “Законов Ману” указывает и генетическое родство ведийского Ману прародителя человечества с древнегерманским Ману (Манн), считающегося прародителем германских племен: ингвеонов, истевонов и герминионов.

У древних иранцев в “АВЕСТЕ” ведийский Ману стал почитаться царем – Первозаконником – Парадатта под именем

Манушчихр (среднеперс.), который был внуком Траэаоны (Фаридуна). В связи с этим фактом необходимо указать, что и в “Риг-Веде” (Мандава VII, гимн 52), воспевая бога Индру, ведические арии поминали Ману (Манушчихра, иранск.) вместе с Траэаоной (Фаридун): “Как у Ману Вивасванта, Пил ты могучий Сому, Как у Триты, о Индра, ты наслаждаешься стихами”. (Перевод Г.Я. Елизаренковой)

В переводе с башкордского языка имя Манушчихр означает – “Мануш колдун” от Монаш (имя) и сихр-сихырсы “колдун”. Одной из особенностей фонетики башкордского языка является закон постоянной замены общеиранского, читай курдского звука – г на звук – С, вследствие чего например слово – чихр звучит – сихр, сихри “колдун”.

Манушчихр в “АВЕСТЕ” казнил Сайрима и Тура, подло убившего его отца Айрика (Иран) любимца Траэаоны (Фаридуна). Именно с убийством Айрика (Иреджа – Ирана) его богомерзкими братьями Сайримом (Сарматы) и Туром (Туранцы – кочевые иранцы) в “АВЕСТЕ” как-бы начинается, описание исторической войны, вспыхнувшей между ведическими ариями с одной стороны и иранцами, поклонниками новой зороастрийской веры.

В результате этой войны поклонники старой веры ведические арии были вытеснены с территории Средней Азии и Южного Урала и были вынуждены переселиться на территорию Северной Индии и, в Переднюю Азию, где свое создали государство – княжество Митанни. Следовательно, свои этические “Законы Ману” предки индийцев – ведические арии привнесли с собой во время своего переселения в Северную Индию с мест своего прежнего обитания, то есть с Южного Урала (Аркаим-Синташта).

Этот исторический вывод подкрепляется и другим немаловажным фактом. Так, с эпохи Манушчихра в “АВЕСТЕ” постепенно начинают упоминаться герои сако-согдийского цикла преданий о героях Рустаме и Керсаспе (Куруш – аспа “пастух, богатый лошадьми” – Кришна). Предок воина Рустама здесь носит имя Самы, тождественного имени башкордского бога – вседержителя Сам-Рау. Ученые, изучавшие “АВЕСТУ”, считают, что под сложным именем –

Сама керсапа нарьямана скрывается единый персонаж индоиранской религии. (См. И.В.Рак, указ. соч. стр. 215)

Позднее, после переселения части Сако-Массагетов в Дрангиану, переименованную затем в их честь в Сакостан-Сеистан, у них сложился цикл преданий, в которых Сам (Рау) стал почитаться мудрым и могучим правителем древнего Сакастана.

Одна часть Сако-Массагетов вошла, воюя с почитателями древней ведической веры, в Северную Индию и осела в долинах по среднему течению реки Ганг, другая часть Саков осела в Дрангиане.

До вторжения Сако-Массагетов, веровавших в Сам-Рау (Samraj), с севера с Южного Урала и Средней Азии в Северную Индию и Иранское нагорье, индоязычные потомки ведических ариев представляли из себя единый этнический массив, непрерывно населяющих территорию от гор Загроса в Месопотамии на западе вплоть до полуострова Индостана на востоке.

Именно вторжение Сако-Массагетов с севера и затем их последующее расселение в Дрангиане на юге и в долинах по среднему течению Ганга в Северной Индии как бы разделило индоязычных потомков ведических ариев, поклонников старой религии Дэвов на две группы: западную, оставшуюся в Передней Азии, и восточную в Индии. Потомками индоязычных ведических ариев в западной группе являются современные курдские племена Зангене и Чагана, а также курды рода Кокэйи, о последних в частности упоминает “Махабхарата”, как о “царском роде Кекайи”.

Деление индо-иранцев на ведических ариев и поклонников Заратустры нужно считать чисто условным, точно также как по чисто условному религиозному принципу полуостров Хиндостан был искусственно разделен, при помощи Великобритании, на две страны Индию и Пакистан.

Традиция башкордской мифологии почитать Самрау, имя которого в санскрите – Samraj означает “Самосверкающий” как Первоединого творца света, свидетельствует, что древние башкорды поддерживали Зороастризм, в котором Сам огонь стал почитаться Первозданной божественной стихией.

До зарождения зороастрийской религии, спровоцировавшей затем войну между поклонниками дэвов и поклонниками асуров-

зороастрийцев, индоиранцы составляли единый этнос ведических ариев и почитали своих единых предков – прародителей и законодателей – парадата двух братьев – Мануша и Йимы (Ямы и Ману), которые у башкордов Урала считаются мифическими братьями-прародителями племени Бурзян. Все эти историко-этнографические факты прямо свидетельствуют о том, что так называемое деление древних иранцев как и ведических ариев на четыре варны царем Йимой (Ямой) и, что составление Ману сборника своих Законов и предписаний произошло около 4 тыс. лет тому назад на Южном Урале, на горе Мануш в отрогах Хара Берзаити [Бурзянский район Башкурдистана], у истоков блаженной Вахви-Датъи (Яик), в священной земле Арьянам-Веджа (Ирандек).

Законы Ману

Глава I

[1. Почтив самосущего Брахму, наделенного неизмеримым блеском, я изложу различные дхармы, объявленные Ману]

1. Великие риши, приблизившись к Ману, сидевшему углубившись в себя, почтив его должным образом, сказали такую речь:

2. “О божественный! Благоволи сказать нам точно и в должном порядке дхармы всех [четырёх] варн и имеющих смешанное происхождение!

3. Ибо ты Владыка, один знаешь истинный смысл обрядов всего непостижимого, неизмеримого предписания Самосущего.”

4. Он, обладающий неизмеримым могуществом, так спрошенный теми, обладающими великой думой, должным образом почтив всех тех великих риши, ответил так: “Да будет выслушено!”

I-31. А ради процветания миров он (Брахма) создал из своих уст, рук, бедер и ступней (соответственно) брахмана, кшатрия, вайшья и шудру.

X-4. Брахманы, кшатрии и вайшьи – три варны дважды рожденных, четвертая же шудры – рожденные один раз, пятой же нет.

I-87. А для сохранения всей этой вселенной он, пресветлый, для рожденных от уст, рук, бедер и ступней установил особые занятия.

Брахманы – каста жрецов

I-88. Обучение, изучение Веды, жертвоприношение для себя и жертвоприношение для других, раздачу и получение милости он (Брахма) установил для брахманов.

I-100. Все, что существует в мире, – это собственность брахмана; вследствие превосходства рождения именно брахман имеет право на все это.

II-135. Десятилетнего брахмана и столетнего царя следует считать отцом и сыном, но из них двоих – отец – брахман.

IX-317. Брахман – ученый или неученый – великое божество, равно как великое божество и огонь, и использованный (при жертвоприношении) и неиспользованный.

X-81. Но, если брахман не может существовать своими, только что упомянутыми занятиями, он может жить (исполнением) дхармы кшатрия, ибо тот непосредственно следует за ним.

Кшатрии – каста воинов

I-89. Охрану подданных, раздачу (милостыни), жертвоприношение, изучение (Веды) и неприверженность к мирским утехам он (Брахма) указал для кшатрия.

X-118. Кшатрий, взимающий в крайних обстоятельствах даже четвертую часть (урожая), со всей энергией охраняющий подданных, освобождается от греха.

X-119. Его, (царя), дхарма – победа; он не может отступать в страхе; защищая оружием вайшьев, он может заставлять вносить законный налог.

X-120. (Налог) на народ – одна восьмая в зерне, налог (с золота и скота) – одна двадцатая, (но) по крайней мере каршапана; шудры, а также ремесленники и мастера по художественным ремеслам (вместо налога) исполняют работы.

Вайшьи – простой народ

I-90. Пастбу скота и также раздачу (милостыни), жертвоприношение, изучение (Веды), торговлю, ростовщичество и земледелие – для вайшьев.

X-98. Вайшья, который не в состоянии существовать (исполнением) своей дхармы (обязанности), может существовать по образу жизни шудры, (но) не исполняя запрещенные (ему) дела и отвращаясь (от этого) как только может.

Шудры – люди вне касты

[Шудры не являлись членами общин. Они потеряли связь с общиной либо в результате имущественного или социального неравенства, либо во время войн. Варна шудр пополнялась за счет переселенцев, отбившегося от своего рода и племени. Шудры не имели земли и поэтому вынуждены были заниматься обслуживанием брахманов, кшатриев, вайшьев. Шудры не допускались к управлению государством и к прохождению обряда посвящения – “второго рождения”, который проходили члены первых трех варн при достижении определенного возраста (брахманы – с 8-16 лет, кшатрии – с 11-22 лет, вайшьи – с 12-24 лет). Обряд восходит к инициации (лат. *initiatio* - посвящение) – посвятельному обряду первобытного общества, которым сопровождался переход юношей и девушек в группу взрослых.]

I-91. Но только одно занятие Владыка указал для шудры – служение этим варнам со смирением.

X-99. Шудра, не могущий исполнять услужение дваждырожденному, которому угрожает гибель сыновей и жены, может жить занятиями ремесленников.

X-100. (Ему надлежит следовать) тем занятиям ремесленников, таким различным ремеслам, исполнением которых обслуживаются дваждырожденные.

III-13. Для шудры предписана жена – шудрянка, для вайшья – (шудрянка) и своей (варны), для кшатрия – те (обе) и своей (варны), для брахмана – те (три), а также своей (варны).

Неприкасаемые

Низшую группу населения составляли “неприкасаемые”, которые должны были жить вне селения и входить в него только днем с особой меткой на своей одежде. “Неприкасаемых” не допускали к колодцам, считая, что они могут осквернить воду. К “неприкасаемым” причислялись местные автохтонные, негроидные отсталые племена Древней Индии, завоеванные ведическими ариями, пришедшими с Урала.

X-51. Местожителство чандалов и швапачей – категорий неприкасаемых сект, не принадлежащих ни к одной варне, должно быть вне селения, утварь, использованная ими, должна выбрасываться другим, имуществом их должны быть только собаки и ослы.

X-52. Одеждами – одеяния мертвых, пища должна им даваться в разбитой посуде, украшение их должно быть из железа, и они должны постоянно кочевать.

X-53. Человеку, исполняющему дхарму, не следует общаться с ними; их дела должны решаться между ними; браки – с подобными им.

X-54. Их пища должна быть даваема им другими в разбитой посуде; ночью им не полагается бродить по деревням и городам.

X-55. Днем они, отмеченные по приказу царя знаками, могут входить туда для исполнения работ и пусть уносят трупы людей, не имеющих родственников: таков порядок.

X-56. Им полагается всегда по приказу царя, согласно шастрам, умерщвлять приговоренных к казни; они могут забирать одежду казненных, ложа и украшения.

Рабы

VIII-415. Захваченный под знаменем, раб за содержание, рожденный в доме, купленный, подаренный, доставшийся по наследству и раб в силу наказания – таковы семь разрядов рабов.

VIII-177. Должнику полагается исполнить для кредитора равное (долгу) даже работой, если он равного или низшего происхождения, но если он более высокого, он может отдавать постепенно.

IX-229. Кшатрий, вашья и шудра, не могущие уплатить штраф, освобождаются от долга работой; брахману полагается отдавать долг постепенно. (Перевод С.Д.Эльмановича. См. Законы Ману. – М: 1960)

Археологическое доказательство!

(Зарождение “Законов” Ману на Южном Урале)

Свод Законов Ману по природе стиля своего языка относится к эпическому периоду. Являясь по существу этическим кодексом – дхармашастрой свод Законов Ману прославляет древние обычаи ведических индо-иранцев ариев в то время, когда они уже начали терять свое первоначальное значение. Как писал Сарвапали Радхакришнан: “Ману основывает свои постановления на древних обычаях, господствовавших в индуских поселениях на берегах Ганга. Он [Ману] допускает ведийские жертвоприношения и рассматривает касты как установленные богом”.

(См. С.Радхакришнан, “Индийская философия”. М. 1956, стр. 440)

Свои “ведийские” жертвоприношения ведические арии приносили богам еще на своей прежней родине в Арьянам Вэджа (Ирандек) возле Вахви Датъи (Вахика, древнеиндийск.) – на берегах Яика (Даитъя), на Южном Урале.

Именно эти бесчисленные могильники ведических ариев II тыс. до н.э., с останками ритуальных жертвоприношений коней, обнаруженные археологами на Южном Урале, но выполненными по религиозным требованиям, изложенными в Упанишадах, которые были записаны исторически позднее, только около VI в. до н.э. в Северной Индии, являются ярчайшим свидетельством того положения, что не только ритуал Ашвамедха, но и свод “Законов Ману” был известен индо-иранским племенам ведических ариев еще в эпоху их пребывания на Севере, на Аркаиме, возле истоков Вахви Даитъя, задолго до их переселения на юг, в Пенджаб и долины реки Ганг.

Брихадараньяка упанишада

Раздел Мадху

Глава I

Первая Брахмана

2. Поистине, день возник для коня подобно [сосуду] Махиман, что ставят перед [конем]. Колыбель его – в Восточном море. Ночь возникла для коня подобно сосуду Махиман, что ставят позади [коня]. Колыбель ее – в Западном море. Поистине эти сосуды Махиманы возникли по обе стороны коня.

Примечание.

Сосуд Махиман ... Mahiman (букв.: “величие”), название сосудов для жертвенных возлияний, употреблявшихся при ашвамедхе. Один из них, золотой, ставился впереди коня, другой серебрянный, - позади (ср. УМ, 74, № 5). Согласно объяснению Мадхавананды (р.12, п.1) purastan и pascan употреблено во временном значении, то есть один сосуд употребляется перед убийством коня, другой – после. Согласно традиционному толкованию (носящему, как почти все приведенные ниже объяснения подобного рода, совершенно фантастический характер), золотой сосуд спереди отождествляется с днем, так как и день и золото светятся (dipti samanyat); серебряный сзади – с ночью, так как слова “серебро” и “ночь” начинаются с одного слога (rajata и ratni – Шанкара), а также из-за сходства между блеском серебра и ночной луны – (Анандагири).

(Перевод и примечание А.Я.Сыркина, см. Упанишады. М.2000 г., стр. 70 и прим. на стр. 163)

Текст “Брихадараньяки” Упанишады прямо свидетельствует, что сосуды Махиман играли важную сакральную роль в процессе исполнения ариями обряда Ашвамедха. Упанишады были безусловно созданы и записаны уже на территории Индии, но поскольку переселение ведических ариев в Северную Индию и Иранское нагорье во II тыс. до н.э. происходило с северных регионов, откуда ведические арии собственно и принесли свои религиозные и похоронные обряды в Пенджаб и долины Ганга, то следовательно нет никаких сомнений в

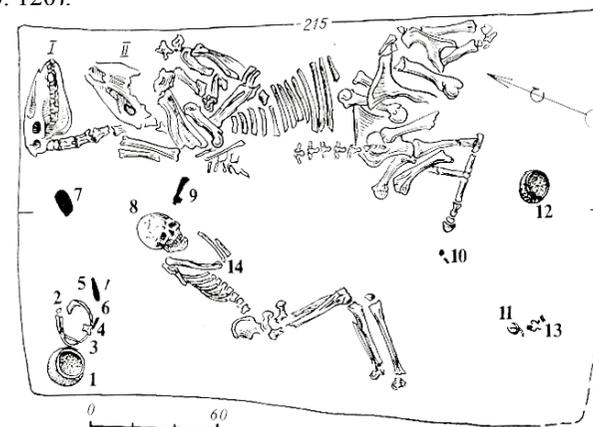
том, что эти же идентичные черты похоронных обрядов сохраняются в могильниках ведических ариев в Синташте, иными словами на прежних местах обитания индо-иранцев, на Южном Урале.

Полное подтверждение нашему положению о соответствии жертвенных и похоронных обрядов могильника Синташта (II тыс. до н.э.) текстам Упанишад (VI в. до н.э.) мы находим у археологов В.Ф.Генинг, Г.Б.Здановича и В.В.Генинга, которые, исследовав более 70 могильников эпохи ранней бронзы на синташтинском погребении, установили наличие в каждом из них жертвенных сосудов.

Результаты археологических работ эти ученые изложили в своей книге “Синташта” (Челябинск, 1992 г.), из которой мы приведем те тексты, где говорится о жертвенных сосудах в могилах, обнаруженные рядом со скелетами коней. Погребение 3.

“(…) Вблизи дна могилы вдоль восточной стенки лежали рядом два скелета коней, ориентированных головами – ССЗ. Один лежал на левом боку, а несколько сверху, частично перекрывая его, - второй, уложенный на брюхо. Ноги обоих коней сильно подогнуты. В северо-западном углу могилы стояли два сосуда (…).

Еще один сосуд (…) находился вблизи южной стенки могилы” (см. стр. 120).

См. Погребение 3 . Дно погребальной камеры. План

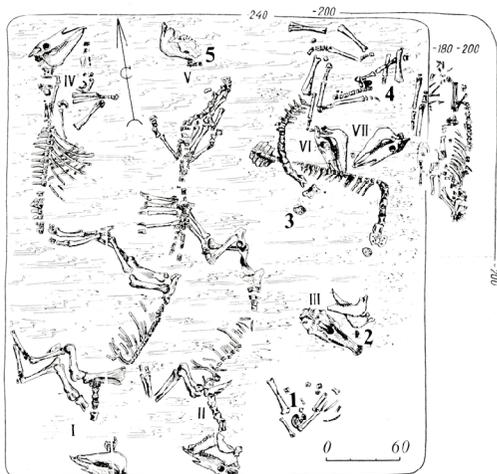
Погребение 5.

“Вблизи дна ямы над тленом от перекрытия погребальной камеры находились остатки шести костяков лошадей (...). Два из них на левом боку в южной половине ямы головами к южной стенке могилы, два (...) в северо-западной части ямы на левом боку, головами к северной стенке (...). Северо-восточная часть могилы была занята скелетами еще двух лошадей, втиснутых в оставшееся пространство поперек ориентировки остальных лошадей. При этом их ноги находились у северной стенки могилы, а головы были заломлены назад и оказались рядом друг с другом, один череп (...) под позвоночником.

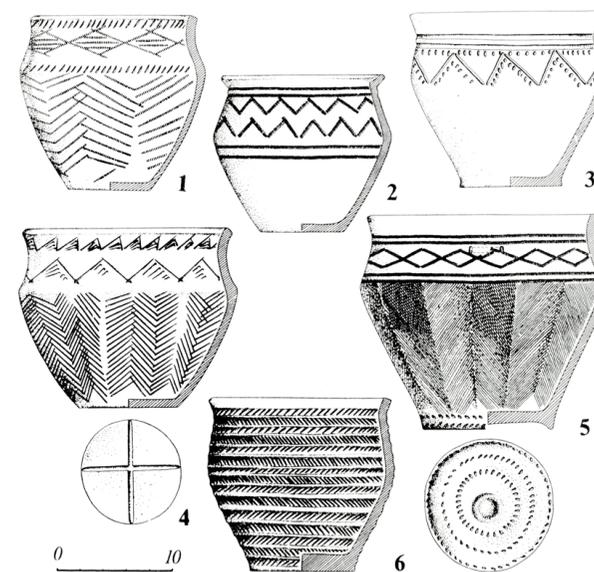
На перекрытии стояли глиняные сосуды: один рядом с черепом коня (...) у середины северной стенки (...); два [сосуда] между костями коней в северо-восточной части могилы (...).

К северу от перекопа на перекрытии лежал череп лошади (...), причем верхняя часть перевернута, челюсть отделена, и они лежат в разных направлениях.

Здесь же глиняный сосуд. В перекопанной части находились разрозненные кости коня, в том числе кости ног и разбитый сосуд” (см. стр. 126-128).

Памятник СМ. Погребение 5 Костяки коней и барана на перекрытии погребальной камеры

Памятник СМ погребение 5 Сосуды Махиман

Реконструкция погребального обряда № 5.

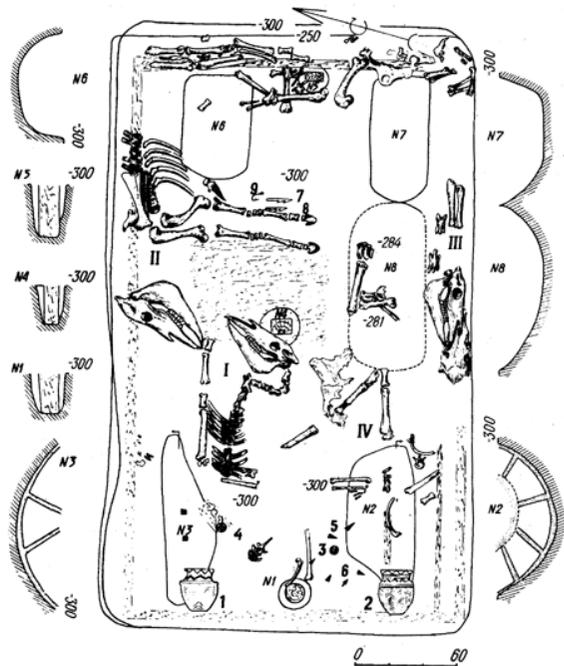
На перекрытие погребальной камеры поместили туши шести лошадей: в западной половине две на левом боку головами к северной стенке могилы и две в таком положении, но головами к южной стенке, частично перекрывая ногами предыдущую пару. Затем в северо-восточной части ямы головами видимо, на В[осток] буквально втиснули еще две туши, на правом боку, при этом головы коней пришлось повернуть (заломить) к середине, между тушами.

Здесь же поставили два сосуда и еще один сосуд – у середины северной стенки. (см. указ. соч. стр. 135).

Погребение 12.

“... на глубине от 200 до 300 см содержало останки костяков четырех коней, сильно смещенных в результате развала стенок в погребальную камеру (...).

У западной стенки, вероятно, рядом с тушами коней, были поставлены два глиняных сосуда (...)” (см. указ. соч. стр. 162-163)

Памятник СМ Погребение 12. Дно погребальной камеры. План
С двумя сосудами Махиман

Реконструкция погребального обряда № 12

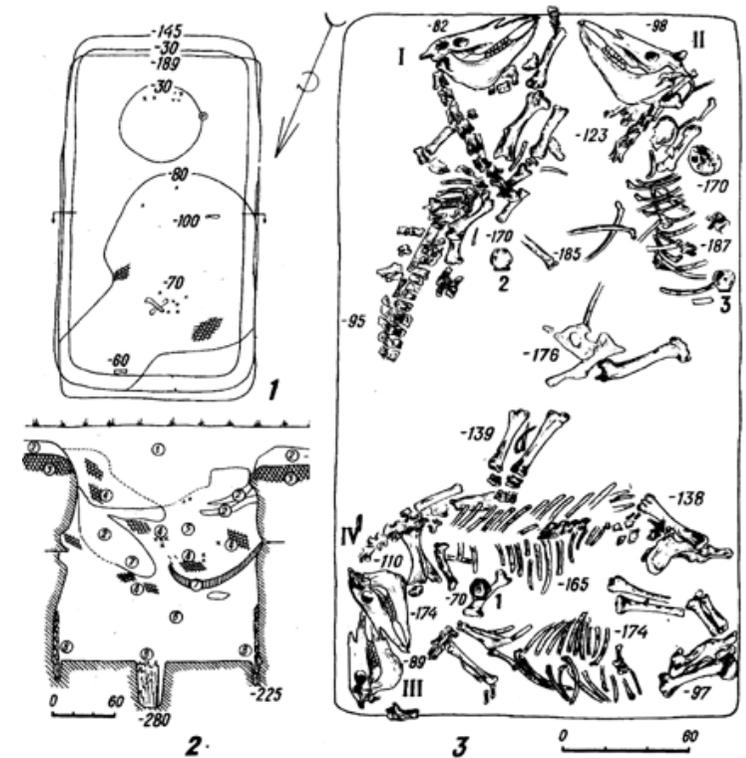
...“На перекрытии погребальной камеры, в южной стороне, там, где находилось дышло колесницы, вдоль ямы уложили две туши коней – головами к югу, ногами друг к другу. В средней части рядом с тушами коней поставили два сосуда, (...). В противоположной половине ямы поперек ее, головами на восток, на брюхо были уложены туши еще двух коней, рядом с которыми также стоял сосуд. А в верхней части заполнения ямы поместили три ноги лошади и еще один сосуд.”

(См. указ. соч., стр. 183)

Погребение 19.

“На глубине 50-70 см в северной части ямы крест-накрест лежали две кости ног лошади (...), немного в стороне раздавленный сосуд (...) и еще одна кость ноги лошади.

В центральной части ямы на глубине от 70 до 170 см найдены несколько фрагментов и два почти целых сосуда (...). На уровне 90 см обнаружены остатки костяков четырех коней, (...)”.

Памятник СМ Погребение 19. План верхней части и разрез
могильной ямы с двумя сосудами Махиман

Погребение 29

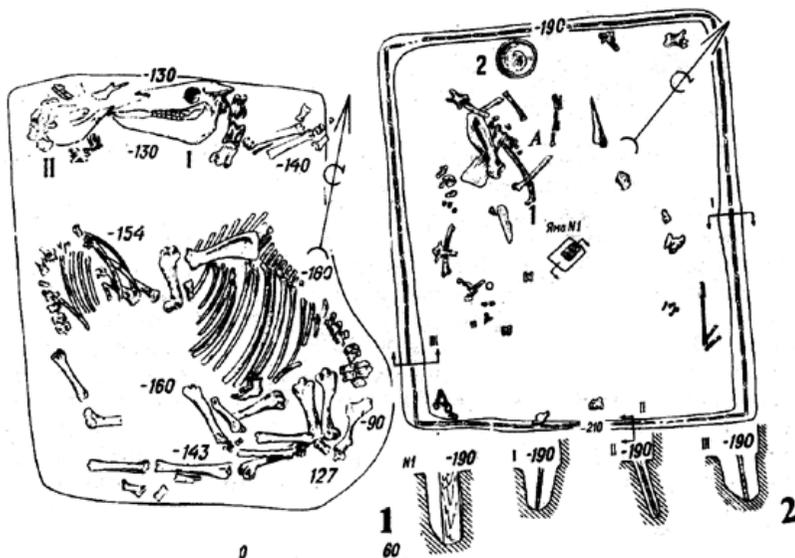
“Могильная яма в верхней части вдоль стенок сильно деформирована просевшим грунтом (...).

С глубины 150 см и далее лежали кости двух коней (I) на правом, другой (II) на левом боку, головами к северо-западной стенке, ногами друг к другу (рис.)

... у северо-западной стенки находились два сосуда (...).”

Реконструкция погребения № 29

“... Вдоль юго-западной стенки камеры головой на северо-запад уложили труп ребенка, в изголовье поставили слева у стенки камеры глиняный сосуд. Второй сосуд (рядом с остатками черепа, возможно провалился в камеру вместе с костями лошадей) поставили на перекрытие камеры”. (см. указ. соч., стр. 207).

Памятник СМ. Погребение 29
С двумя сосудама Махиман

Далее сосуды названные в Упанишадах именем Махиман обнаружены практически во всех погребениях Синташтинского могильника (№№ 30-36, 38, 39) на Южном Урале, где до 2 тыс. до н.э. обитали ираноязычные предки башкордов – ведические арии Куру

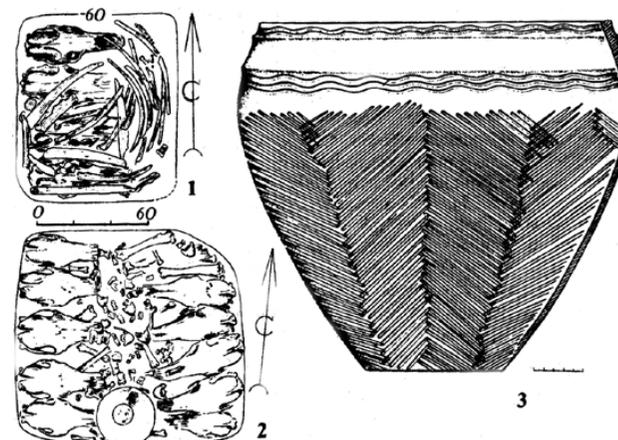
Ритуальные комплексы

Синташты на Южном Урале

Жертвенный комплекс I

“На глубине около 15 см обнаружен сосуд, поставленный верх дном. При расчистке здесь оказалась яма почти квадратной формы размерами 130x115 см, глубиной 50 см, ориентированной по сторонам света (...).

Вдоль восточной стенки ямы вплотную друг к другу лежали на нижних челюстях пять черепов лошадей, все параллельно в ряд, лицевыми частями к середине ямы (на запад). По обе стороны от крайнего черепа к северу лежала пара берцовых костей лошади, дистальными концами к середине ямы. В юго-восточном углу, рядом с крайним черепом лошади лежал череп барана. Второй череп барана вверх затылочной частью стоял почти в середине южной стенки рядом с сосудом.

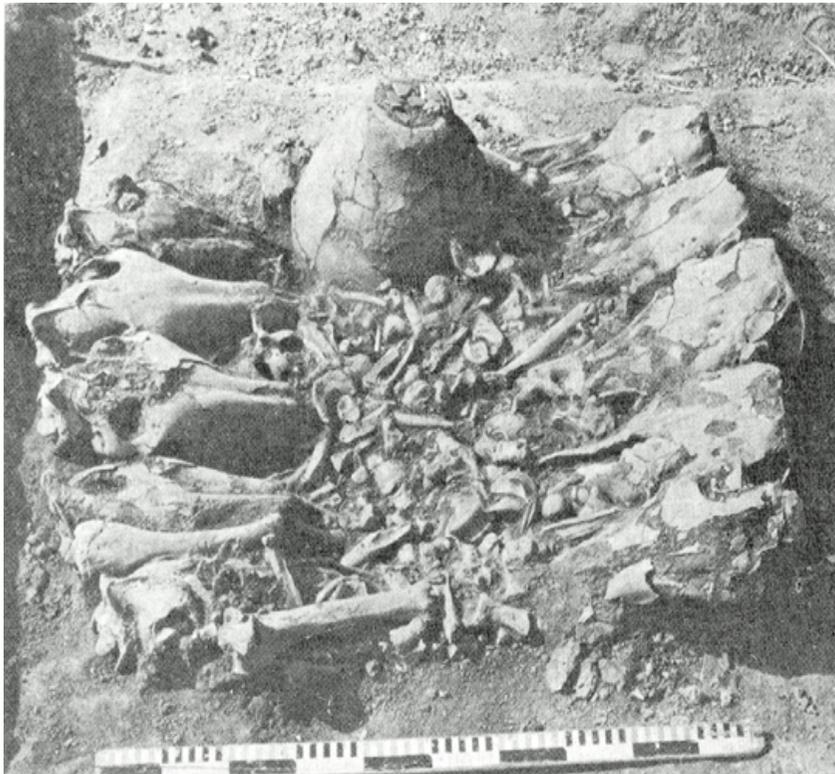

Памятник СМ. Жертвенный комплекс II (1), Жертвенный комплекс I (2)
Сосуд Махиман из жертвенного комплекса I (3)

Вдоль западной стенки лежали на нижних челюстях пять черепов, лицевыми частями к середине ямы (на восток). Крайний

северный череп принадлежал лошади, а остальные четыре – безрогим быкам. На лобных костях всех черепов (быков) имеются пробоины диаметром 2-2,5 см.

В середине южной стенки между черепами стоял вверх дном крупный сосуд (высота 35 см).” (см. указ. соч., стр. 234-235)

Памятник СМ. Жертвенный комплекс I

Курды, “Законы Ману” и учение о Карме

Курды по своему языку и по этническому происхождению являются представителями индо-иранских народов, а по своему этнониму, как и башкорды Урала – восходят в своем этногенезе к историческому племени ведических ариев – Куру. Основоположник свода юридических “Законов Ману” является по мифу одним из предков-прародителей индо-германского племени Куру. Индо-язычные предки курдов [племя Зангене, например] пришли в Месопотамию с севера в одно и то же время, что и ведические арии в Северную Индию и Пенджаб, то есть, около II тыс. – 1800 гг. до н.э. Вследствие этого, казалось бы на первый взгляд, что и у курдов Месопотамии в социальном устройстве общества Законы Ману должны были бы играть такую же существенную роль, что и у индусов в Индии. Однако это не так, поскольку все ученые-этнографы и историки, изучавшие социальное устройство курдского общества, отмечают, что у курдов в жизни превалируют законы кровно-родственной семьи.

Это тем более выглядит весьма удивительным и примечательно, если мы вспомним, что уже в 18 веке до нашей эры в Месопотамии, в Вавилонии царь Хаммурапи создал свод юридических законов, записанных клинописью на каменном столбе. Как в свое время подметил В.А.Тураев, одной из особенностей законов Хаммурапи является отсутствие в них института кровной мести. (См. Б.А.Тураев. История Востока. Т.1, стр.111)

В “Законах Ману” институт кровной мести или вражды также отсутствует, тогда как у курдов – прямых потомков ведических ариев рода Куру – кровная месть является наиболее характерной чертой курдского общества. Вот, что писал об обычае почитания кровнородственных законов курдами Махмуд Баязиди в своем сочинении “Нравы и обычаи Курдов” (начало 19 века).

“Большинство курдов знают своих предков на протяжении семи поколений и не теряют родственной близости и связи. Так, например, у кого-то есть родственник по отцу или по матери в Шаме или Мысре. Отец этого родственника завещает своему сыну: “В такой-то стране, в такой-то деревне, в таком-то племени есть наш родственник, которого зовут так-то. Разыщи его”. А тот в свою очередь

опять таки завещает это своим детям. И если случается, что у курда есть кровная вражда или ссора с кем-нибудь в какой-то стране, он со всеми подробностями и деталями передает ее в завещание своим детям. Есть у курдов обычай – когда кто-нибудь из них отправляется на чужбину, то истинного своего происхождения они сразу никому не открывают, потому что остерегаются, как бы не оказалось в их родне давнего кровника или врага [кого-нибудь из местных]. Одним словом, старая вражда у курдов не забывается, они охраняют ее на протяжении семи поколений. И курды очень почитают обычай бахта. Если кто-нибудь, совершивший тяжкое преступление, прибегает к чьему-нибудь бахту, то вина его прощается. Бахтом клянутся и ничего лживого не подтверждают своим бахтом (...). Иначе говоря, у курдов клятва бахтом – дело великое. Или, например, человек, которого хотят убить, прибегает к чьему-либо бахту, то любым средством его постараются спасти от смерти.

Примечание.

Бахт – букв. “судьба”, “счастье”; у курдов вторичное значение – “защита”, “покровительство”. Прибегать к чьему-то бахту – просить защиты и покровительства. Человек, который прибегает к чьему-либо бахту, приходит к нему в дом и просит покровительства и защиты. Тот, к чьему бахту прибегают, выступает ходатаем перед его преследователями и оставляет его в своем доме, который является для виновного надежным убежищем.” (Перевод М.Б.Руденко, см. Мелла Махмуд Баязиди. “Нравы и обычаи курдов”. М. 1962г., стр. 9-10)

Эти же обычаи кровной мести сохранились у курдов до настоящего времени, что свидетельствует об исключительной важности среди курдского общества институтов родо-племенной взаимопомощи. В этом вопросе необходимо помнить, что кровная месть есть не что иное как обратная, крайняя сторона родовой помощи человеку. Как писал О.Л.Вильчевский в этнографическом обзоре “Мукринские курды” по интересующему нас вопросу следующее: “Каждый член рода имеет право на материальную и моральную поддержку со стороны сородичей. Так если у крестьян не хватает муки до нового урожая, члены его рода обязаны с ним поделиться; если у кочевника украден или пал во время эпизоотии скот, он имеет право на помощь со стороны сородичей (...).

Небезынтересно, что еще сравнительно недавно курды-помещики, вне зависимости от того, какими бы тяжелыми поборами ни облагали они своих сородичей-крестьян, считали обязательным помогать им в случае их полного обнищания. (...)

Все родичи обязаны защищать жизнь и честь любого из членов своего рода всеми средствами вплоть до кровной мести. Однако кровомщение распространено в курдской среде далеко не так широко, как это можно заключить из литературных данных. В тех случаях, когда возникает кровная месть между членами одной деревни, кочевья, рода и даже племени, родичи и соплеменники стараются кончить дело полюбовно. Если нет отягчающих вину обстоятельств, обычно удается быстро договориться о форме и размере удовлетворения. В этих случаях отказ родственников убитого от кровной мести отнюдь их не опорачивает. Примерение происходит на собрании старейшин обоих родов, часто в присутствии вождя или шейха. Закалывают жертвенное животное, из мяса которого готовится угощение, съедаемое в знак примерения. Нередко враждующие стороны закрепляют примирение также и брачным союзом; особенно часто это практикуется в среде родо-племенной знати.

Иное дело, если совершено преднамеренное убийство, да еще с нанесением тяжкого оскорбления убитому или его роду. В этих случаях кровная месть – вопрос чести, нередко оно доходит до взаимного уничтожения целых семейств, селений, родов; месть переходит из поколения в поколение.

В тех случаях, когда помощь рода недостаточна, помощь оказывает все племя. Защита соплеменника вплоть до мести за убийство, считается обязательной; что же касается помощи обедневшему соплеменнику, то она насколько удалось выяснить, практически редка. Обедневший курд, боясь “унизить свой род”, обычно не обращается за материальной помощью к другим родам своего племени. Оказание межродовой помощи сопровождается рядом церемоний и клятв, в частности совместным вкушением хлеба (...).

Межплеменная помощь – важная черта взаимоотношений между дружественными и союзными племенами. В одних случаях она аналогична межродовой помощи и сопровождается сходными церемониями, в других носит специальный особенно торжественный

характер. На собрании старейшин попавшего в беду племени решают, к какому из племен обратиться за помощью и бросают клич “хавар”. Племя или племена, к которым особые посланцы принесли этот клич, немедленно формируют вооруженные отряды во главе с военными начальниками – серварами, соединяющиеся с отрядом нуждающегося племени. Для ведения военных действий выбирается общий военный начальник всего ополчения. Победоносное окончание кампании завершается рядом обрядов, к числу которых относится торжественная трапеза, военные игры и особые церемонии, связанные с прекращением “Хавара””.

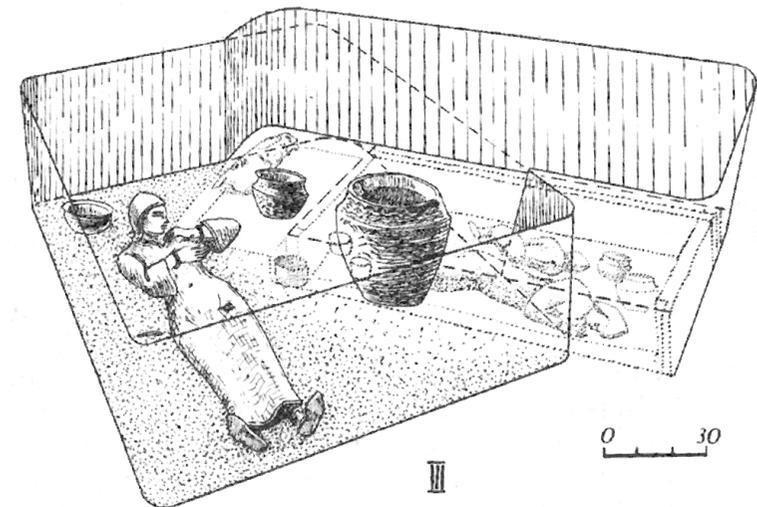
(См. О.Л.Вильчевский. “Мукринские курды”. Стр. 206-207)

Это наблюдение О.Л.Вильчевского показывает ученым необходимость изучения случаев кровной мести у курдов в неразрывной связи с институтом родовой взаимопомощи, чрезвычайно распространенном в их социальной среде. Кровная месть у курдов есть проявление признания кровного родства всего племени по отношению к каждому отдельному ее члену. Ограниченность действия законов кровной мести открывается при выяснении отношения курдов к своим врагам. Так, как писал Мелла Махмуд Баязиди: “И есть у курдов обычай: если кто-нибудь во время сражения упал с коня и попал в плен, то его не убивают”. (Указ. соч., стр.12) Это милостивое отношение курдов к своим поверженным врагам резко отличается от обычаев древних народов Месопотамии, в частности аккадцев и ассирийцев; жестокость последних вошла в легенды. Как писал И.М.Дьяконов: “Ассирийцы довели военное дело до высокого по тому времени совершенства (...). При взятии города зверски расправлялись с жителями; их сотнями четвертовали, обезглавливали, подвешивали животом на кольях или сваливали связанными в высокие кучи. С руководителей сопротивления сдирали кожу или сажали их на кол. Маленьких детей убивали на месте, расшибая головой о стену, (...)” (См. И.М.Дьяконов. “Народы Древней Передней Азии”. Стр.52-53)

Из этого сопоставления видно, что курды – потомки митаннийско-ведических ариев Куру, пришедшие в Переднюю Азию в 18 веке до н.э., несмотря на то, что сохраняли и чтити законы кровной мести, были милосердны к своим чужеземным и инородным врагам и

военнопленным. Тогда как вавилоняне и их наследники ассирийцы, несмотря на господство в их среде с 18 века до н.э. Законов Хаммурапи, в которых нет указания на кровную месть, были юридически более жестокими и кровожадными.

Закон кровной мести у курдов Месопотамии есть не что иное как древнеарийское учение о космическом законе Рите, которому подчиняются все, и даже боги. Именно из курдско-ведийского учения о кровной мести как о космическом законе Рита позднее в древнеиндийско-арийских философских системах зародилось учение о всеобщей Карме. Нет никаких сомнений, что за философским учением о Карме в “Упанишадах”, в буддизме Саков-Массагетов, Джайнизме стоит институт кровной мести, который был широко распространен в среде ведических ариев, о чем мы можем твердо утверждать на примере наличия обычаев кровной мести у потомков ариев – курдов Месопотамии.

Южный Урал II тыс. до н.э. Синташта погребения 16. Реконструкция могилы ведического Ария Куру с определением местонахождения сосудов Махиман.

Лингвистическое доказательство!
«Принадлежность башкордов Урала к иранцам»

БАШКАРДИ ГРУППА ДИАЛЕКТОВ

1. Группа диалектов башкарди/бешагерди (baskardi/basakerdi) впервые была упомянута в книге Е.А. Флоера «Неисследованный Балучистан» (см. литературу); однако большая часть лингвистических материалов по этой группе диалектов, собранных им, утеряна В 1956 г. в Башкард совершил поездку И.Гершевич; его материалы полностью не опубликованы, но в ряде работ он их использовал. В данной статье использованы также материалы Г.Моргенштерне и П.О.Скйарве (диалекты Ормуза и Минаба).

2. Группа диалектов башкарди (Б.д.) распространена в области Башкард (Besakerd), на побережье Персидского залива на юго-востоке Ирана.

3. В целом группа Б.д. не исследована, и даже ориентировочно назвать число говорящих в настоящее время не представляется возможным. Большинство носителей Б.д. знает персидский язык. Для персов же Б.д. непонятны. Со всех сторон (за исключением севера) Б.д. окружены белуджским языком, поэтому с большой долей вероятности можно утверждать, что носителей Б.д. в той или иной степени владеют белуджским языком.

4. Группа Б.д. занимает исторически самостоятельную позицию среди юго-западных иранских языков. Это хорошо видно по признакам отражения древнеиранских согласных в башкарди: 1) иран. *z>d: южн. башк. domestan "зима" < иран. *zam-(+stana-); 2) иран. *s>*ʒ>h: сев.башк. pi "до" < иран. *paʒua; 3) иран. *ʒr>s: южн.башк. yores "беременная" < иран. * arusa <*aruʒra; 4) иран. *st>st: сев.башк. gast-презентная основа глагола "посылать", ср.совр.перс. ferest-; 5) иран. *su >*ʒv>hl*s: диалекты Ормуза и Минаба sos "вошь".

Внутри группы Б.д. подразделяются следующим образом (по И.Гершевичу):

рудбари (Rudbari) включает диалекты/говоры Джуса(Jus) и Динар Бора (Dinar Bor), диалекты района Бендер-Аббаса вместе с диалектом авазы (avazi), распространенным в Бендер-Аббасе, говор/диалект

Ормуза (Ногмоz) и диалекты Рудани (Rudani) и Берентини (Berentini) к северо-востоку от Минаба (Minab) и собственно диалект Минаба минаби (minabi);

северный башкарди состоит из диалектов/говор востока и юга Минаба, окружающих район Марза (Marz), Рамешка (Ramesk), Герона (Geron) и Дарзеха (Darzeh) на востоке; Сардашта (Sardast), Ангохрана (Angohran), Биверча (Biverc) и Бешну (Besnu) на юго-востоке; Дуркана (Durkan), Гешмирана (Gesmiran) и Марича (Maric) на юго-востоке;

южный башкарди включает диалекты/говоры Шахбавека (Sahbavek), Гарахвена (Garahven), Пироу (Pigou), Пармонта (Pargmont), Гвафра (Gwaff); И.Гершевич некоторые из этих диалектов называет пизги (Pizgi).

Существует и более общее деление группы Б.д. на северный башкарди и южный башкарди. В северном башкарди: 1) иран. *-t->-r-: espiг "белый" < иран. *spraita-, ср. в южн.башк. sepiг; 2) иран. *-u->-g-: gin-презентная основа глагола "видеть" < иран. презентная основа uaina-. **В южном башкарди:** 1) иран. -k->-x-: verx "волк" < иран. *urka-; 2) иран. -rtii- > -s-: mos "человек, мужчина" < иран. *martiia-; 3) иран. *-t- > -t-: katam "какой" < иран. *katama-, ср. сев. башк. karon "какой, который".

В некоторых диалектах e/i и o/u дифтонгизируются: диалект Рамешка regueson- презентная основа "продавать" <*frosan-, диалект Герона piester "до, раньше" <*pestar-. В рудбари e/i>ya/ye: geryaw- презентная основа "плакать, рыдать" <*grew-.

5. Сведений нет .

6. Типичные фонетико-грамматические характеристики.

Фонологические сведения известны фрагментарно, поэтому дать характеристику вокализма и консонантизма пока невозможно. По существующим материалам можно дать некоторые интересные наблюдения в области исторической фонологии. В вокализме: иран. *a>u (южн.башк. surt "холодный" < иран. *sard); иран. *a>u (южн. башк. pu "нога" < иран. *pad-); иран. *a>o (южн. башк. mos "человек, мужчина" < иран. *marta-); иран. *a>a/o (сев. башк. sal, южн. башк. sar/sor "год"); иран. *au > u/u (сев. башк. dus, диалект Минаба dus „вчера" < иран. *daus- "вечер"); иран. *au > u/u/e (диалект Минаба ruz, южн. башк. ges "солнце" < иран. *gausa-); иран. *ai>i (сев. башк. espiг,

южн. башк. *serit* “белый”); иран.*u>e (южн. башк. *yores* “беременная” < иран.**arus*-). В словах ,начинающихся с *a, появился среднеязычный у: южн. башк. *yores* < **arus*, южн. башк. *yahmon* “небо” < иран.**asman*, *yas/was* “жернов”: сев. башк. *yaw*, южн. башк. *yap* “вода” < * ара-. В консонантизме: иран. *к в интервокальной позиции > х (*sax* “собака” < **saka*-, южн. башк. *дохурт* “ножницы” < *do* + **karta*); иран.*t в интервокальной позиции > сев. башк. г, южн. башк. т (сев. башк. *karon*, южн. башк. *katam* “какой, который” < иран.**katama*-); иран.*р в интервокальной позиции > сев. башк. w, южн. башк. p (сев. башк. *yaw*, южн. башк. *yap* < иран.**ara*-); иран.*td > сев. башк. l, южн. башк. r (*sal*, *sar/sag* “год”); иран.*sm >hm (диалект Минаба *sehm*, диалект Ормуза *sem* < **casman*); иран.*с в интервокальной позиции > южн. башк. s (*res* “солнце” < **rausa*-).

Типичная структура слога V, CV, CVC: сев. башк. а, диалект Минаба о “он, она”; башк. i “этот”, диалект Минаба to “ты”, та “мы”; сев. башк. *doh(t)*, южн. башк. *dek* “девочка, дочь”, башк. *sax* “собака”.

Именам существительным присущи категории числа и определенности /неопределенности. Морфологическим показателем определенности выступает в сев. башк. -i/-e, в южн. башк. -o: *saxe* “(определенная) собака”, *deko* “(определенная/конкретная) девушка”. Форма множественного числа образуется с помощью суффикса в сев. башк. -a, -on, в южн. башк. -an: *mosa/moson* “мужчины”, *deka* “девушки”.

Личные местоимения: ед. ч. 1 л. Диалекты Ормуза и Минаба *ma*, сев. башк. *mon*, южн. башк. *men* „я“; 2 л. диалекты Ормуза и Минаба, южн. башк. *to* „ты“; 3 л. диалект Минаба *o*, сев. башк. *a* „он, она“; мн. ч. 1 л. диалект Минаба *ta*, южн. башк. *yama*; 2 л. диалект Минаба *soma* „вы“; 3 л. диалект Минаба *ison*, сев. башк. *aun* „они“. Кроме личных местоимений имеются также энклитические и проклитические личные местоимения, которые в ед. Числе продолжают древнеиранские энклитические местоимения, употреблявшиеся в генетиве –дative; во мн. числе древние местоимения получили именной суффикс мн. числа –*un*. Энклитические местоимения: ед. ч. 1 л. сев. и южн. башк. –(o)m, 2 л. –(e)t, 3 л. –i/-y (-e, -h); мн. ч. 1 л. сев. башк. (диалекты Минаба и Ормуза) –*moun* (-mo), южн. башк. –*an*, 2 л. сев. башк. –*goun* (диалект Минаба –*et* ?), южн. башк. –*o(x)*, 3 л. сев. башк. –*soun* (-so), южн. башк.

–(e)s. Проклитические местоимения используются в качестве специальных показателей лица и числа субъекта действия с модальным глаголом “должен”: диалекты Бендер-Аббаса и Минаба *tava* “я должен”, *tava* “ты должен”, *sava* “он должен”.

Указательные местоимения: *i,hami* „этот“. Следует отметить также характерное употребление указательного местоимения в некоторых словах в диалекте Минаба: *am-/om-/ho-guz* „сегодня“, *hosal* “этот год”, сев. башк. *homsal* “этот год”.

Глагол характеризуется категориями залога, наклонения, времени, числа, лица. Залога два: активный и пассивный. Наклонений три: изъявительной, повелительное и сослагательное. Временные значения личных форм обычно тесно переплетены с видовыми. Первичное временное противопоставление в глаголе выражено в основах: презентной (основа настоящего времени), восходящей к древнеиранской презентной основе, и претеритальной (основа прошедшего времени), восходящей к древнеиранскому причастию прошедшего времени на *-*ta*. От презентной основы образуются формы повелительного наклонения, настоящее-будущее время изъявительного и сослагательного наклонения. От претеритальной основы образуются различные прошедшие времена. Точное количество видо-временных форм в Б.д. не установлено.

Форма настоящего-будущего времени изъявительного наклонения образуется прибавлением к презентной основе префикса *a*-(*a*) и личных окончаний: сев. башк. *a-in-om*, южн. башк. *a-vin-in* “(я) вижу”. Форма настоящего продолженного (определенного) времени изъявительного наклонения образуется от инфинитива (претеритальная основа +*-en*) с помощью глагольных префиксов в сев. башк. *a*-(*a*-), в диалекте Бендер-Аббаса также *pa*-, в южн. башк. *be*- и глагольной связки (=личным окончаниям): сев. башк. *a-kerden-om*, южн. башк. *be-kert(en)in* “(я) делаю” (сейчас, в настоящий момент). Прошедшее время (претерит) образуется от претеритальной основы. Структура претерита у переходных и непереходных глаголов и соответственно конструкция предложения различается следующим образом: для непереходных-номинативная, для переходных-эргативная. Для переходных глаголов во всех прошедших временах характерен эргатив: сев. башк. *mon-et dist-om*, южн. башк. *men-et dit-in* “ты видел меня”. У непереходных

глаголов в претерите к претеритальной основе добавляются личные окончания, согласование при этом в лице и числе субъектное. В 3-м лице ед. числа окончание нулевое: *wox* „(он) пришел“ (<иран.*a(x)ta-). Перфект непереходных глаголов образуется от причастия прошедшего времени (=претеритальная основа+суффикс сев. башк. -eh/-ih/-o(h), южн. башк. -x) присоединением глагольной связки. Для переходных глаголов в перфекте характерна эргативная конструкция: сев. башк. – *son xwardi*, южн. башк. – *es xux* „они выпили (это)“, сев. башк. – *mon disteh-en*, южн. башк. – *an dix-en* “мы увидели (их)”. Преждепрошедшее время образуется от претеритальной основы, к которой прибавляется в сев. башк. –ag-, в южн. башк. –at- (букв. “был”) и с непереходными глаголами- глагольная связка: сев. башк. (диалект Минаба) *nestare* „(он) сидел“, сев. башк. *bastar-en*, южн. башк. *bahat-en* “их связали”. Настояще-будущее время сослагательного наклонения и повелительное наклонение образуются от презентной основы присоединением префикса *be-* (южн. башк. также *e-*) и личных окончаний. Личные окончания настоящего-будущего времени изъявительного и сослагательного наклонения совпадают:

	Ед. число		Мн. число	
	сев. башк.	южн. башк.	сев. башк.	южн. башк.
1 л.	-om	-in	-in/-im	-om/-am
2 л.	-i	-u/-o	-i	-ah(t)
3 л.	-e/-a, -(e/a)n	o	-en/-endi	-e(h)n/-a-

Глагол-связка со значением “быть, иметься”: южн. башк. *hes*, *nes*. Претерит глагола “быть”: сев. башк. *ag-* (3 л. ед. ч. *a*), диалект Минаба *hastare*, южн. башк. *(h)at-*.

Из предлогов известен лишь (башк., диалекты Ормуза и Минаба) *a-*, сев. башк. *ei-*, южн. башк. *a-* „от, из“ (<иран.*hаса).

Сведений и материалов, для того чтобы дать характеристику лексического состава Б.д., недостаточно; однако представляется несомненным тот факт, что основное ядро лексики составляют слова иранского происхождения.

Литература

- Floyer F.A. *Unexplored Baluchistan*. London, 1882.
 Gershevitch I. *Dialect variations in early Persian*//Transactions of the Philological Society London, 1964.
 Gershevitch I. *Iranian chronological adverbs* // *Indo-Iranica*. Wiesbaden, 1964.
 Gershevitch I. *Out door terms in Iranian* // *A locust, sleg*. Studies in honour of S. H. Taqizadeh. London, 1962.
 Gershevitch I. *Philologia Iranica* / Selected and ed. By N. Sims-Williams. Wiesbaden, 1985.
 Gershevitch I. *Sissou at Susa* // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. London, 1957, 19.
 Gershevitch I. *The Sogdian word for advice, and some Muiy documents* // *Central Asiatic Journal*, 1962, vol. 7, №1.
 Gershevitch I. *Travels in Bashkardia* // *Journal of the Royal Central Asian Society*, 1959, vol. 46.
 Morgenstierne G. *Balochi miscellanea* // *Acta Orientalia*, 1948, XX.
 Morgenstierne G. *Neu-iranische Sprachen* // *Handbuch der Orientalistik von Spaler...* Iranistik Abschnitt I. Linguistik. Leiden; Koln, 1958, Bd. 4.
 Redard G. *Other Iranian Languages* // *Current Trends in Linguistics*. The Hague; Paris, 1970, vol. 6.
 Skjarvo P. O. *Languages of Southeast Iran: Larestani, Kumzari, Baskardi* // *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden, 1989.
 Skjarvo P. O. *Notes on dialects of Minab and Hormoz* // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. Oslo, 1975, №29.
 (См. “Языки мира” :Иранские языки.ч.1.Юго-Западные языки и диалекты. Москва, 1997. Отв. редактор В.Ф. Расторгуева.).

В.В. Мошкало

Материалы о языке иранцев-Башкарди автору любезно предоставил Алиев Акпер

Часть II

*Имя – вещь слишком ... опасная, чтоб с ним
могла производиться какая бы то ни было
Namenspielerei.*

М.Э.Матье

Искоренение Имени человека из памяти потомков в башкордском эпосе Урал-батыр

Урал-батыр в башкордском мифе говорит на суде, угрожая Шульгену об очень архаичном праве – искоренении имени человека, нарушившего кровнородственный закон – Номос, из последующей истории и памяти народа путем запрета своего произнесения всеми последующими поколениями потомков.

Урал-батыр говорит Шульгену в конце своего обвинения:

- Душу твою, трепещущую, как мотылек,
В ночной туман обращу,
Окровавленное тело твое,
Унесу и захороню на горе
Под названием Ямантау,
Которая возникла из тела Азраки.
На вершину ее не придет ни одна душа.
3750. Никто не придет разузнать о тебе,
Не помянут тебя добром
.....
3760. То что сказал Урал,
Выслушал Шульген
И испугался, что Урал
Не пожалеет, убьет его.

Этот текст мифа четко зафиксировал поверье древних башкордов, встречающееся в культуре и других народов, в то, что загробное благополучие усопшего человека поддерживается благодаря

постоянному поминанию имени мертвеца ныне живущими людьми на земле.

Как установили этнографы и ученые, исследующие обряды и ритуалы различных народов, люди в древности не отделяли имя человека от самого человека и поэтому считали имя непосредственной, живой частью самого человека. Как писал, касаясь этого вопроса Дж.Фрэнзэр: “Первобытный человек считает свое имя существенной частью самого себя и проявляет о нем надлежащую заботу. Североамериканский индеец, к примеру, “относится к своему имени не как к обычному ярлыку, но как к самостоятельной части своего тела, (подобно глазам или зубам) и пребывает в уверенности, что от дурного обращения с именем проистекает не меньший вред, чем от раны, нанесенной какому-нибудь телесному органу. Такого же мнения придерживаются многочисленные племена, занимающие пространство от Атлантического до Тихого океана. С этим обычаем связано большое число любопытных правил, относящихся к сокрытию или изменению собственных имен”.

На старости лет некоторые эскимосы выбирают себе новое имя, надеясь с его помощью обрести новые силы. Туземцы племени толампу на острове Целебес верят, что записав имя человека, вы можете вместе с ним унести душу.

Многие из современных первобытных людей считают имена существенной частью самих себя и прилагают много усилий, чтобы скрыть свои подлинные имена и тем самым не дать в руки злоумышленников оружие против себя (...).

Тот же страх, по-видимому, породил сходный обычай у древних египтян, чей сравнительно высокий уровень цивилизации странным образом уживался с пережитками самой грубой дикости. У каждого египтянина было два имени: истинное и доброе или, иначе, большое и малое. Доброе, или малое, имя было известно всем, истинное же, или большое, имя египтяне держали в глубокой тайне.

Ребенок из касты брахманов также получает при рождении два имени: имя для повседневного обихода и имя тайное (оно должно быть известно только его отцу и матери). Последнее имя произносят только при совершении обрядов, например обряда бракосочетания. Обычай

этот направлен на защиту человека от магии: ведь чары становятся действительными лишь в сочетании с подлинным именем”.

(Дж.Фрэзер, указ. соч., стр. 277-279)

Анимизм имени человека зафиксирован учеными-этнографами в истории практически всех народов. Согласно вышеизложенному башкордскому поверью могущество и здоровье человека считалось неотделимым от имени человека. Магическое искусство по всей видимости по мысли древних башкордов заключалось в том, чтобы помянув имя человека после его смерти обеспечить ему тем самым здоровье и беззаботное существование его души как идеального архетипа в загробном мире.

Таким образом имя умершего человека становилось для людей, живущих на земле, связующей нитью с загробным миром. Помянув усопшего человека, повторяя его имя, башкорды верили, что могут вызвать дух умершего и облегчить его страдания в царстве теней. И наоборот, предполагалось, что если люди, живущие на земле, кровные родичи перестали помянуть имя усопшего человека, то ему становилось неимоверно тягостно в стране мертвых.

Судя по зафиксированным письменным источникам, наиболее развитой формы первобытное представление о наличии таинственной и магической силы, заключенной невидимо в имени каждого человека, достигло в Древнем Египте.

Один из наиболее известных древнеегипетских мифов, который непосредственно связан с башкордским, повествует о похищении имени бога солнца – Ра, после чего тот потерял свое небесное могущество и сразу постарел. На это старение Шульгена после того, как люди перестанут помянуть его имя, намекает и Урал-батыр в башкордском мифе:

3750. Никто не придет разузнать о тебе,
Не помянут тебя добром
.....
От солнца потрескаешься ты [Шульген].

Древние башкорды как это видно в мифе таким образом верили, что загробная жизнь усопшего человека поддерживается и

продлевается благодаря помянованию его имени живыми людьми на земле.

Эта же, подобная мысль излагается и в древнеегипетском мифе, где богиня Изид говорит умирающему богу солнца Ра: “Помни, что названный по имени да прибудет в живых.” Из приведенных читателю текстов ясно, что для древних башкордов как и древних египтян, шумеров, ассирийцев, римлян – имя бога, а также и человека представляло само естество бога или человека. Считалось, что человек, узнавший ненароком подлинное имя бога или человека, непременно овладевал и их волей и поэтому мог без особого труда, путем простого произнесения имени принудить божество к любому действию, как хозяин окриком своего раба, как военначальник словесным приказом своих воинов.

Именно всего этого и испугался Шульген:

3760. То, что сказал Урал,
Выслушал Шульген
И испугался, что Урал
Не пожалеет, убьет его.

Убьет именно тем, что Урал-батыр добьется прекращения или запрета упоминания имени Шульгена людьми на земле. Урал-батыр снова, угрожая, говорит Шульгену, что произойдет с ним после смерти, если люди перестанут помянуть его [Шульгена] имя:

3810. Пусть сердце заное твое,
Пусть тело иссохнет, заныв,
Пусть в страданиях очистится душа,
А в сердце твоём черная кровь
Пусть высохнет (...).

В эпоху фетишизма и оборотничества башкорды как и все индо-германцы в древности верили, что душа после смерти возносится либо в небо и начинает странствовать по миру, а тело распадается на свои составляющие первоэлементы (скелет), которые необходимо сохранять нетронутыми [могилы Сарматов], дабы дабы душа,

вернувшаяся из своего странствия по Космосу могла снова вселиться в свое прежнее земное тело.

Здесь мы видим, что древние башкорды эпохи создания своего национального эпоса Урал-батыр уже близко подошли к идее, позднее встречаемой во всех монотеистических религиях – иудаизм, христианство, ислам, о том, что после Страшного Суда души всех умерших людей вселяться в свои прежние усопшие тела, для чего все скелеты восстанут из могил.

В целом, в истории человечества различные формы и рудименты этого древнего фетишистского обряда можно проследить от самых грубых до самых высокоразвитых обществ. Считалось и считается в религии у многих народов, что душу умершего человека нужно поддерживать в загробном мире постоянным поминанием его имени в молитвах за усопшего, а его тело и скелет хранить в могиле, тщательно защищая от осквернения.

У парсов-зороастрийцев последние 10 дней каждого года в месяц Спандармай отводились празднествам в честь умерших. Последователи Заратуштры считают, что в эти дни души умерших людей возвращаются на землю и поэтому людям, живущим на земле, необходимо поддерживать их во время космического путешествия молитвами и жертвенной пищей, выставленной возле могил.

Индусы и в наши дни приносят умершим в дар пищу – рисовый пирог, который ставят на ночь перед дверьми своих домов.

В Древнем Риме в феврале справлялись годовые поминки – Фералии, а в мае специальные дни – Лемурии посвящались призракам мертвецов, не получивших при смерти должного по религии римлян погребения. В течение Лемуралий храмы закрывались и богослужений не проводилось. У древних римлян поминальное кушанье, приготовленное из бобов и яиц с солью, носило название – Silicernium.

Обычай поминать усопших едой и по имени сохранилось и в наши дни, когда люди собираются на так называемые – Поминки. Как писал Э.Б.Тайлор: “В христианстве мы встречаемся с интересными пережитками такого рода. Здесь прежние обряды сохранили свою первоначальную форму, тогда как основная идея изменилась соответственно новым понятиям и чувствам. Классические погребальные приношения яств из язычества перешли в христианство.

Silicernium “поминальная трапеза” (пер. С.Г.) пользовался успехом на празднествах у могил мучеников. Фавст [около 400-490, епископ в Галлии] ругает христиан за то, что они перенимают древние обычаи: “Их жертвоприношения вы обратили в трапезы, их идолов – в мучеников, которым вы совершаете богослужения с заклинаниями. Вы умиливаете тени умерших вином и кушаньями, вы празднуете языческие праздники вместе с ними – такие как календы и солнцестояния. В их жизни вы не изменили ничего.” Обычай возлагать пищу на могилу для манов вошел в церемонии, подобные возлаганию пищи и питья для их освящения на могилу святого...

Испанцы приносят хлеб и вино на могилы своих близких в годовщину их смерти. В православии тоже сохранился этот древний языческий обычай. В России справляли заупокойные празднества (поминки) со столом для нищих, заставленным рыбными пирогами, мисками щей и кувшинами кваса, и с более изысканным обедом для друзей и священников, с курением ладана и пением “вечной памяти”. И даже повторение празднеств на девятый, двадцатый и сороковой день не забыты. До сих пор в церкви подается на блюдах кутья [кушанье из риса или другой крупы с медом, употребляется на поминках в церкви. Кутья – от греческого – зерно, бобы, прим. С.Г.]. раньше она делалась из вареной пшеницы и раскладывалась поверх тела. Впоследствии она приготавливалась из вареного риса и изюма, подслащенных медом. Православные христиане дают этому пережитку первобытных жертвоприношений мертвым следующее символическое объяснение: мед – небесная сладость, увядшие изюминки должны наполниться и превратиться в прекрасные грозди, зерно символизирует воскресение.” (См. Э.Б.Тайлор. “Первобытная культура”. М. 1989г., стр. 272-273)

У башкордов православному поминальному блюду с древнегреческим названием – кутья “зерно-бобы” соответствует хлебное поминальное блюдо с древнеиранским, курдским названием – Саг Саг. В курдском - Са, в башкордском как и в иранском: Саг – Сәук означает “Собака”. Этот обычай башкордов подавать на поминках умершего человека мучное блюдо – Саксак восходит своими корнями к древней эпохе – Праиндоевропейского единства. У предков башкордов индоираноязычных Дахо-Массагетов Южного Урала, из среды

которых вышел пророк Заратуштра – собака играла важную роль в погребальных ритуалах.

Касаясь обычая зороастрийцев при погребении умерших использовать собак, древнеримский писатель, оратор и политический деятель Цицерон (106-43 гг. до н.э.) писал: “По обычаю магов тела умерших не погребаются, но предварительно растерзываются зверями. В Гиркании простой народ содержит общественных собак, а богачи – домашних; имеется для этого особая благородная порода собак; каждый готовит себе сам тех, и кем он будет растерзан, и считает это лучшим способом похорон.” (См. Цицерон “Тускуляanske беседы”. III. 45)

Древние греки верили в чудовищного пса Цербера – Кербера, живущего в Аиде, который встречает души умерших людей и ведет их в царство мертвых. Для Цербера-Кербера по обычаю и похоронным обрядам античные греки клали медовый пирог в могилу усопшего родственника, точно также как и саксак у предков башкордов Дахо-Массагетов.

Культ чудовищного пса Цербера-Кербера, которого во время похорон было необходимо задобрить подношением ему – медового пирога у античных греков точно соответствует культу загробных псов – Шарбаров у современных индусов. Этимологически, семантически и мифологически два имени ведийское и греческое вследствие чередования звуков Ш > Ц полностью совпадают: Шарбар > Цербер. Жившие во II тыс. до н.э. на Южном Урале – ведические арии были родственными племенами предков античных греков – Ахейцам и дорийцам, которые вели кочевой образ жизни – номадов и обитали в то время, до своего вторжения вглубь и на юг Балканского полуострова в степях Северного Причерноморья.

Псы – Шарбары, матерью которых по индуистскому мифу является Сарама небесная собака бога Индры, прислуживают царю загробного мира Яме, как и пес Цербер в царстве Аида. Шарбары как и Цербер являются проводниками душ умерших людей в царство мертвых и поэтому считалось, что именно эти собаки первыми являются человеку после его смерти. Из этого мифа становится понятным и обряд умилоствления загробных собак у башкордов,

индусов, древних греков, для чего в могилу усопшего человека и клали Саксак, то есть медовый пирог.

У курдов Месопотамии как и у башкордов Урала в мифах и обрядах образ собаки неразрывно связан с потусторонним, метафизическим миром. У курдов по сообщению Мела Махмуда Баязиди (19 век) существовала вера в волшебную силу собак. Махмуд Баязиди писал: “Когда кто-нибудь заболевает, приводят колдунью. Она берет кусок лепешки и заворачивает в нее соль, затем обходит несколько раз вокруг больного и что-то читает; потом хлеб отдают съесть собаке. Считается, что больной должен выздороветь”.

(См. Мела Махмуд Баязиди “Нравы и обычаи Курдов”, перевод М.Б.Руденко. М. 1963, стр. 63-64)

Суть этого обряда у курдов не трудно понять, зная их ведийско-арийское происхождение. Стремясь избежать смерти больного человека, курдская колдунья заранее стремится путем симпатической магии, угостив на земле собаку куском хлеба, умилоствить загробного пса Шарбара или Цербера, дабы тот не похитил преждевременно душу еще живого человека. Хлеб выступает в этом обряде некой метафизической субстанцией, связующей мир живых с царством мертвых.

У башкордов Урала волшебный пес Чалтук, из шерсти которого сыпется пшеница по мифам, прислуживает старушке-колдунье Мяскэй, которая сама выступает посредницей между людьми и потусторонним миром. Имя пса – Чалтук в башкордском мифе имеет исконно индоевропейскую, курдскую этимологию: слово Чалтук в курдском языке означает “Неочищенный рис” (от шелухи) и этот перевод снова приводит нас к обряду жертвенной пищи, принимаемой человеком или собакой на поминках или при болезни.

В башкордском предании Кузьй Курпес и Маянхылыу связь хлеба с культом собаки и духами умерших предков описана и передана достаточно четко и подробно: “Мяскяй, поприветствовав вошедшего Кузьй-Курпеса и расспросив обо всем, сказала : - Большое спасибо нашему пророку за то, что он послал сына Кара бая в мое спокойное жилище. Садись сынок, будь спокоен, – сказала. Потом она позвала свою собаку Салтуккуш (Чалтуккуш) и три раза повторила волшебное слово: “Отряхнись собачка моя, отряхнись”. Собака вышла на

середины, встала на ковер, ошетишила шерсть и начала отряхиваться. Тут с собаки начала сыпаться белая-белая пшеница. Мяскяй встала и начала собирать пшеницу. Положила пшеницу в котел, добавила масла, корот. Сготовила еду. Перед гостем поставила сметану из сырого и кипяченного молока. Принесла кислого молока, сделала айран. Потом этот айран налила в большие чаши и пригласила гостя отведать еду. Извинилась, что не может угостить чем-то другим. Сама она не питается мясом, ей нельзя. И начала расспрашивать у Кузый-Курпеса про покойного отца.”

(Перевод с башкордского С.Ш.Мустафиной)

Таким образом мы непосредственно видим у древних башкордов поминовение усопших было теснейшим образом связано с культом хлебной собаки, являвшейся одновременно и представителем загробного мира – как Цербер у античных греков и Шарбар у ведических ариев.

Култ хлебной собаки – чалтуккош у башкордов имеет исконно индоевропейский характер и происхождение в связи с этим будет интересным привести описания культа хлебной собаки, который некогда, вплоть до начала 20 века был широко распространен у сельских жителей Германии и Франции.

Как писал Джеймс Фрээр: “в некоторых районах Силезии Пшеничной собакой или Гороховой собачонкой называют лицо, сжавшее или связавшее последний сноп. Но особенно ярко представление о Хлебной собаке проявляется в жатвенных обычаях на северо-востоке Франции. В случае, если кто-нибудь из жнецов, будь то из-за болезни, усталости или лености, не может или не хочет поспевать за умершим вперед товарищем, местные крестьяне говорят: “Это рядом с ним пробежала белая собака”, “Он завел белую суку”, “его укусила белая сука”. В Вогезских горах за Жатвенным маем сохранилось прозвище Жатвенной собаки; о том, кто скашивает остаток сена или пшеницы, тамошние жители говорят, что он “убивает собаку”. В районе города Лон-ле-Сонье, в центре департамента Юра, жители зовут последний сноп Сукой. Когда жители окрестностей Вердена хотят сказать, что уборка урожая приближается к концу, они выражаются так: “Пса скоро убьют”; а в районе города Эпиналя в зависимости от посевной культуры жители говорят в таких случаях:

“Мы убьем Пшеничную собаку (Ржаную собаку или Картофельную собаку)”. В Лотарингии о человеке, который жнет последний сноп, говорят: “Он убивает Жатвенную собаку”. В тирольском селении Дукс о человеке, который нанес последний удар цепом на обмолоте, говорят, что он “свалил пса”, а в селении Аненберген (неподалеку от Стада) его в зависимости от разновидности злака зовут то Хлебным, то Ржаным, то Пшеничным щенком”. (См. Дж.Фрээр, указ. соч., стр. 496-497)

Наличие культа Пшеничной собаки у саксов и франков в Европе легко объясняется и согласуется с тем, что предки германцев и иранцев Массагеты – Готы были генетически близким, родственным друг другу индо-ирано-германоязычным этносом. В частности имя древнегерманских Готов – Гаутов встречается и в родовом имени Будды – Гаут(ама). Собакоголовый – Сэнмурв почитался родовым божеством у Уральских Дахо-Массагетов, который в верованиях и погребальных обрядах выполнял функции загробного проводника душ умерших людей в царство Мертвых, что подтверждается наличием культа собак Цербера-Шарбара у античных и ведических ариев. Зерно пшеницы служило у башкордов символом воскресения человека из Царства Мертвых, в честь которого и справлялся по весне праздник Зерна – хабандтуй, от курдского – хаб “зерно”. В Древнем Египте бог растительности Осирис почитался в облике – Зерна Пшеницы. По египетским мифам после убийства Осириса именно Собака-Шакал Анубис помог Исиде найти разрубленное тело бога. Именно дикая черная собака – Саб у древних египтян верованиям считалась – Судьей Богов над душами людей в загробном мире.

Одной и пожалуй самой главной функцией черной дикой собаки Саб – Анубиса в погребальном обряде древних египтян являлась подготовка тела усопшего к бальзамированию. Эпитет – мэйет – imiut всегда в древнеегипетских текстах соответствует и употребляется к черной собаке Саб – Анубису. Курдское название собаки Са, точно соответствует Саб “судья-собака” у древних египтян. Более того древнеегипетское имя бога солнца Ра точно соответствует курдскому слову – Ро “Солнце” и воспроизводится в башкордском имени – СамРау “божество извергающее из себя Свет”. Центром культа саб – Анубиса в Древнем Египте стал город 17 нома Каса, называемый по-гречески Кинополь “город собаки”. Древнегреческое

слово собака Кинос “kyon” точно соответствует башкортскому – кэнтай “собака-сука”, которое уже точно совпадает с латинским словом – Cunnus “женские половые органы” и английским вульгарным – cunn.

Древнеегипетское имя бога – черной собаки – Саб с именем фригийского божества – Сабазия, который в древнегреческой мифологии отождествлялся с Дионисом Загреем, сыном солнечного бога Дия-Зевса, который был убит великанами, а его тело разорвано на разные части как и тело Осириса в мифах древних египтян.

Здесь историкам необходимо обратить внимания на то, что с этнической стороны фригийцы Малой Азии являются далекими предками современных Курдов, тогда как в мифах древних греков именно фригийские куреты-курды спасли на острове Крит самого Дия-Зевса, отца Диониса Заг्रेसя, от кровожадного Кронуса.

Как и Дионис, так и Сабасий имеют исконно фригийское происхождение особенно, если вспомнить указание Геродота (V.9) на то, что – сигинны из Фракии родственны Мидийцам, предкам современных курдов. Таким образом мы постепенно выяснили и установили исконно фригийско-фракийское, - Дахо-Массагетское автохтонное происхождение культа черной хлебной собаки в погребальных обрядах и верованиях Курдов Месопотамии и Башкурдов Урала. По этому поводу Дж.Фрэзер писал буквально следующее: “Сходство предания и ритуала Диониса с преданием и ритуалом Осириса побудило некоторых авторов как древних, так и новых, утверждать, что Дионис не более как замаскированный Осирис, импортированный из Египта. Однако подавляющее большинство свидетельств указывает на фракийское происхождение этого культа, а для объяснения сходства культов Диониса и Осириса достаточно сходства идей и обычаев, подготовивших почву для их возникновения.” (Указ. автор. “Золотая ветвь”, стр. 429)

Во всяком случае культ черной собаки до сих пор сохраняет свое значение у курдов Ахли-Хакк, а древнеегипетский праздник Хеб-сед этимологически совпадает с названием весеннего башкортского праздника Зерна – һаб (курдск.) с курдским словом – һабандтуй “молиться богу”, по которым безусловно понимались первые зеленые ростки пшеницы. Праздник Хаб-сед в Древнем Египте отмечался в 30-

летие правления фараона (пира), что совпадает с курдским Се – “три” и Си – “тридцать” и таким образом египетское слово – сед соответствует курдскому – Си “тридцать”.

Как писал М.Э.Матье: “Основная часть хеб-седа состояла из воспроизведения ритуальной смерти царя, его “оживления” и возвращения ему магической власти над природой и, наконец, его нового восшествия на престол в качестве “нового” сильного правителя.” (См. указ. автор. Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта. М. 1996, стр.115)

Поклонения богам на этом празднике Хеб-сед начиналось с выноса главного культового божества – Амона – Ра. Но что самое интересное – во главе этой процессии несли штандарт черной собаки, называемой исконно курдским именем – Вепуата. В переводе с “древнеегипетского” имя – Вепуат означает “Открыватель путей”, где первое слово – Вепу точно соответствует курдскому глаголу – вэбун, вэб, вэбу, с тем же значением “открывать, отворять, раскрывать, распускать (о цветах и листьях)”. В частности слово – календарь в курдском языке происходит от этого древнего глагола - хвэбун и как бы означает “Самораскрытие” (года, месяцев).

Безусловно все эти курдско-египетские совпадения в области лексики требуют своего объяснения и по этому поводу следует привести указания греческого историка Ктесия (II – I вв. до н.э.) о том, что халдеи – калду, они же называемые касситами и ассирийцами – Кардуниаш пришли в Месопотамию из Египта вместе со своим богом Баал-Хаддадом. Сообщение Ктесия подтверждается тем, что в действительности предки курдов Хурриты-Матиены, известные как Гиксосы, покинули Египет в 16 веке до н.э. после поражения своих войск в битве с войсками фараона Яхмоса (1546-1526 гг. до н.э.) и затем фараона Тутмоса III (1504-1450 гг. до н.э.) политическое влияние индоарийского, хурритоязычного княжества – Митанни на Ближнем Востоке стало стремительно клониться к закату, что практически помогло в свою очередь вновь возникшей Ассирийской державе захватить гегемонию в Малой Азии в свои руки.

Возвращаясь к нашему повествованию о древнеегипетском обряде смерти и воскресения фараона Хаб-сед, надо сказать, что во время этой церемонии фараон совершал так называемый, - ритуальный

бег сразу после посещения молельни черной собаки – Вепуата. Во время этого ритуального бега за фараоном сзади бежал жрец и нес в руках высоко поднятый штандарт с изображением черной собаки – Вепуата, который почитался судьей и покровителем мертвых. После ритуального бега начиналось исполнение следующего по очереди обряда – воскрешение фараона. Главным символом воскресения у древних египтян считалось зерно пшеницы, напрямую отождествляемое в эпоху фетишизма с мифическим богочеловеком – Осирисом. Возможно “древнеегипетское” имя – Осирис связано с курдским словом – Сир “чеснок”, который разламывают на 10-15 долек, как и в мифе египтян, по которому тело бога было разрублено на 14 частей его братом Сетом.

Таким образом мы выяснили, что в погребальных обрядах и мифах о загробном суде у древних египтян главное место занимал культ черной собаки с курдским именем – Вепуат (Вебунат). Неспроста курдов секты Ахли-Хак часто называют “последователями черной собаки”, тогда как поклонение каменной статуи собаки у башкордов Урала еще в начале 19 века описал известный русский ученый В.И.Даль. Курдский глагол - вэбун соответствует английскому – орен.

Наиболее важным элементом в погребальном культе является имя умершего человека. У древних египетских жрецов даже существовала специальная сакральная фраза – формула – M.RN.K – в имени твоём. По верованиям древних людей знание имени давало власть человеку не только над человеком, но и над демонами. М.Э.Матье пишет: “Очень характерен текст в пирамидах Пепи и Меренра, где покойный заставляет богов исполнять его требования, угрожая в противном случае оглашением их тайных имен: “Если вы не повезете ладьи для Пепи (Меренра), он скажет ваше имя человеческое, которое он знает, всем людям и вырвет ваши волосы с ваших голов, подобно цветам лотоса в садах” (Руг., §1223).

Таким образом, знание имени богов или демонов дает покойному власть над ними. И наоборот, покойный не подвергается никакой опасности от этих демонов, когда они не знают его имени.

Насколько страшно было знание имени бога, хорошо показывает гимн Нефертуму [ДЗ. 1957, с. 98]: “Эннеада в ужасе вскричала, когда узнала имя его.”

При магических действиях имя объекта чар надписывается на восковой статуетке, изображающей этот объект и превращающийся благодаря этому в данное лицо, как мы это имеем в книге низвержения Апопа IX, 4 и IX, 19.

Мы знаем также великое значение написанного имени, сохранявшегося для вечности в качестве части души покойного; худшее мезью врагу было уничтожение его имени на памятниках, и наоборот, пребывание имени, “процветание”, как выражались египтяне, имени давало возможность душе продолжить загробное существование.” (См. М.Э.Матье, указ. соч., стр. 24)

Именно этого и испугался Шулген в башкордском мифе, где Урал-батыр угрожает ему именно – искоренением имени из памяти народной. Примеры уничтожения имени врагов и ненавистных лиц, благодаря чему по мысли древних людей человек, подвергнутый этому наказанию, лишался беззаботного существования в загробной жизни, широко известны из истории Древнего Египта. Так фараон Тутмос III (1504-1450 гг. до н.э.) приказал уничтожить все написанные на папирусе и высеченные на каменных надгробных плитах, статуях и в храмах – имя своей тетки, мачехи и соправительницы царицы Хатшепсут после ее смерти в 1482 г. до н.э.

Уничтожение имени из памяти народа, которой угрожал Шулгену его младший брат вовсе не является красивой поэтической метафорой в мифе “Урал-батыр”, а на самом деле являлся сакральным обычаем и обрядом, который по всей видимости был широко распространен у древних башкордов. Более того, сами поминки без поминания имени усопшего вообще невозможно провести. На поминании имени усопшего строится вся служба литургии в христианских храмах по всем конфессиям: православной, католической, протестантской. Так в православии во время проведения литургии в процессе исполнения проскомидии (принесения хлебов), из 5 просфоры, выпеченной из пресного хлеба, священник специальным сакральным орудием – копием выделяет и вынимает частицы, которые

полагаются на дискось в память за всех умерших в вере Христовой и надежде на жизнь вечную по смерти.

Более того по христианскому вероучению следует, что души умерших при воскресении опять соединяются со своими телами, которые будут духовны и бессмертны. Поэтому тела умерших находятся под особым надзором до и после погребения, а по душам умерших совершается – Поминание в третий, девятый и сороковой день после смерти человека. Вместе с этим для поминовения умерших – всех вообще, православная церковь установила особые дни – субботы, которые известны под именем – Родительских и им посвящены три дня в году.

В исламе, в той форме в какой он распространен в Башкортостане, также существуют особые дни для поминовения усопших родственников, знакомых. Так каждого усопшего его родственники обязаны поминать на третий день после его смерти, затем последовательно в седьмой и сороковой дни и обязательно в день годовщины смерти. После этого у мусульман Башкортостана принято раз в году отмечать память всех усопших родственников и знакомых во время специально устроенной по этому поводу – Поминальной трапезы.

Во всех монотеистических религиях поминание усопших предков связано с двумя необходимыми и каким-то образом с древнейших времен связанными между собой такими обрядами как: 1) – торжественное совместное, коллективное вкушение особым образом приготовленной пищи, и 2) – особое почтение имени к умершему сородичу. Эти два обряда являются невидимыми духовными условиями, на которых держится культ Почитания Предков. Именно эти два священных обряда – 1) правило поведения во время священной трапезы и 2) устные предания и заветы Предков – Номос нарушил Шульген в башкортостанском национальном эпосе “Урал-батыр”.

Преступления Шульгена в осквернении родового закона – Номоса после проведенного нами исторического исследования уже не кажутся нам такими легкими, простыми и безобидными. И в настоящее время продолжают сохраняться определенные правила поведения людей, участвующих в коллективной поминальной трапезе, нарушение которых весьма неодобрительно или даже осуждающе встречается

всеми другими участниками. По видимому и весь ритуал испития крови, описываемый в башкортостанском эпосе, учитывая какую роль культ крови играл у скифов и сарматов, являлся не чем иным как обрядом Повиновения Предков.

Поминание предков по имени, как по мысли древних людей так и современных верующих как бы облегчает им существование в загробном мире, и поэтому-то Шульген так испугался угрозы Урал-батыра искоренить его имя из памяти будущих потомков. Иными словами Шульген испугался лишиться такого мощного источника поддержания жизни души в загробном царстве как Поминания его имени своими потомками во время культовых обрядов, посвященных культу предков.

Наиболее красочно передан этот дух коллективной трапезы во время поминок – тризны по усопшим или погибшим родичам в последних строках известного стихотворения А.С.Пушкина “Песнь о Вещем Олеге”.

Ковши круговые, запянься, шипят
На тризне плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Именно запрета на упоминание своего имени на поминальных тризнах, широко практиковавшихся в культе предков башкортостанцев Дахо-Массагетов и испугался Шульген.

Хлеб стал употребляться в обрядах как символ воскресения только с той исторической поры, когда древние люди научились культивировать дикую пшеницу. Курдистан, то есть – “страна курдов”, имела в древности непосредственное отношение к зарождению земледелия и domestikованию дикой пшеницы, поскольку: “Именно здесь до сих пор в диком виде растут наши кормильцы – пшеница, ячмень и другие растения, которые потом отсюда разошлись по всему миру. (...) Здесь же имеются в диком виде и некоторые из

современных домашних животных”. (См. Г.Н.Матюшин “У колыбели истории”. М. 1972, стр. 163)

И далее этот известный ученый-археолог пишет: “Закаспийские степи, лежащие между Уралом и Средней Азией, видимо, были родиной лошади. Здесь по мнению специалистов и родина верблюда. Археологические исследования последних лет в Иране, Ираке и Средней Азии установили, что еще в мезолите (в десятом – седьмом тысячелетиях до н.э.) население этих районов начало переходить к земледелию и приручению диких животных. Особенно интересные раннеземледельческие поселения в Ираке были исследованы экспедицией американских археологов под руководством Р.Брейдвуда. На стоянках Зави Чеми Шанидар (Zawi Chemi Shanidar) в Ираке, Иерихон (Jericho) в Палестине были найдены зерна ячменя и пшеницы и большое количество ступок, пестов, терок и, что особенно интересно, жатвенных ножей. Эти находки ясно говорили, что население этих стоянок занималось земледелием.

Исследования показали, что с девятого по седьмое тысячелетие до н.э. население Северной Месопотамии уже перешло к земледелию. Керамики в то время еще не знали. Больше того, Брейдвуд установил, что и предки обитателей Джармо, Карим Шакир и Зави Чеми Шанидар, которые жили в гротах Зарзи, Шанидар и Палегавра тоже использовали злаки в пищу. В Палегавре были обнаружены зернотерки и серпы. Правда, обитатели грота Палегавра в основном жили за счет того, что охотились на диких козлов, баранов, быков, оленей, газелей, лошадей или онагров. Кости всех этих животных в изобилии найдены на этих стоянках. Интересно, что орудия и оружие изготавливали здесь с помощью вкладышей-микролитов.

Геометрические микролиты с боковой выемкой делали обитатели пещеры Белт (Гари Камарбанд) на южном берегу Каспия. Такие же микролиты изготавливались в пещерах Джебел и Дам-Дам-Чешме II на Красноводском полуострове в Туркмении (эти памятники были открыты А.П.Окладниковым). Исследователи пришли к выводу, что здесь жили родственные племена.

Точно такие же микролиты найдены на Южном Урале. Значит, и здесь жили племена, родственные прикаспийским”. (См. Г.Н.Матюшин, указ. соч., стр. 164)

То, что южноуральские [Башкурдские] микролиты идентичны ближневосточным, подтвердил и американский археолог Р.Брейдвуд в беседе с Г.Матюшиным в 1966 году во время их встречи на Международной конференции археологов (см. там же стр. 166).

Таким образом в ходе нашего исследования мы выяснили, что обычай поминать хлебом души и имена усопших сородичей не мог возникнуть ранее, прежде чем у этого народа уже зародилось земледелие. Даже несмотря на то, что древние насельники Южного Урала, далекие индо-германские предки Башкордов познакомились с земледелием очень давно, сам обряд поминания усопшего сородича хлебом-табрикләу не мог исторически возникнуть ранее, чем в эпоху неолита, когда на Ближнем Востоке и Месопотамии была одомашнена дикая пшеница, растущая на своей родине в долинах гор Загроса в Курдистане.

Следовательно, древние племена охотников поминали своих предков испитием крови во время коллективной трапезы, как это и показано в башкордском эпосе “Урал-батыр”.

Мистическое значение ритуала – испития жертвенной крови в обрядах древних башкордов и скифов у Геродота

В эпосе “Урал-батыр” о ритуале испития крови говорится следующее:

60. Из крови той питье готовят
Пока не подросли их дети
Пока на зверей не стали охотиться сами
Сыновьям они запрещали (...)
Пить кровь (...)

Как это ясно видно, запрет на испитие крови во время коллективной трапезы для молодых членов кровнородственной семьи основывался на том, что юноши не ходили на охоту и еще не убили ни одного зверя в своей жизни.

Этот древний запрет у башкордов, упоминаемый в эпосе, находит свое подтверждение в обычаях скифов. Геродот об обычаях крови, которые бытовали некогда у предков башкордов Саков-Скифов, писал в четвертой книге своей “Истории” буквально следующее: “64. Военные обычаи скифов следующие. Когда скиф убивает первого врага, он пьет кровь. 66. Раз в год каждый правитель в своем округе prepares сосуд для смешения вина. Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне, как опозоренные. Для скифов это постыднее всего. Напротив, всем тем, кто умертвил много врагов, подносят по два кубка, и выпивают разом (...).”

Эти обычаи скифов-саков, являющиеся реальными предками башкордов, позволяют нам говорить об эпосе “Урал-батыр” как о наиболее ценном и подлинном историческом источнике, из которого современные ученые могут получить весьма важные сведения об обычаях и правилах древних обитателей Южного Урала эпохи бронзового века.

Вместе с этим очевидным фактом следует признать – учитывая, что миф в древнем сообществе являлся идеологией для человека, то, что вполне возможно и сам обычай скифов – не допускать к испитию крови смешанного с вином из общего для всех воинов сосуда тех, кто не успел убить врага, как об этом говорит Геродот, базировался именно на башкордском мифе “Урал-батыр”.

Шульген испил крови, нарушив тем самым реально существовавшие законы в обществе скифов, саков, сарматов и алан, и за это, как это показано в башкордском мифе, был подвергнут осуждению и ostracism. Интересным выглядит и следующий факт, так Урал-батыр условием прощения провинившегося Шульгена ставит ему требование убить врага, что, как мы уже убедились, полностью соответствует древнему условию скифов к своим соплеменникам, пожелавшим испить крови с вином с общего для всех воинов сосуда.

Урал-батыр говорит Шульгену, что ему необходимо убить врагов, как и у скифов Геродота, для того, чтобы ему было позволено затем жить в сообществе своих сородичей. Урал в своей речи требует:

Если батыром хочешь стать
Вместе с другими жить, благоустраивая
страну,
То считай врагами тех,
Кто стал врагом для людей.
3800. Заполни озеро кровью врагов
И, сочтя ее за воду, омой свое лицо.

3810(6-10). Тогда человеком станешь ты,
С нами останешься в нашей стране.
Будешь батыром в бою.

О том, что башкорды в древности жили именно по скифским обычаям, подтверждает и ответная просьба Шульгена кровью врагов смыть свой позор.

3830(8-10). В третий раз я пойду
Дивов разгромлю
Смою с себя позор
3840. Чистым предстану пред тобой,
Землю поцелую свою
Стану другом для людей,
Вместе с ними построю жилье.
Урал решил согласиться с ним,
В последний раз его испытать
“Если честью поступиться муж
В жизни надежду потеряет на все, (...)”
... я еще раз исполню просьбу твою
Буду ждать от тебя добра
Ради отца моего,
3890. Помня о матери моей,
Испытаю тебя еще раз,
Исполню желание твое”.
Проводив Шульгена в путь,
Урал созвал всех людей.

С точки зрения юридических законов любого общества Урал и Шульген заключили договор, который по обычаю саков-скифов было необходимо – омыть кровью.

Геродот об этом обычае скифов писал буквально следующее, (книга IV.70): “Все договоры о дружбе, освященные клятвой, у скифов совершаются так. В большую глиняную чашу наливают вино, смешанное с кровью участников договора (для этого делают укол шилом на коже или маленький надрез ножом). Затем в чашу погружают меч, стрелы, секиру и копье. После этого обряда произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши.”

Из этого сообщения Геродота, которому около 2500 лет, становится понятным требование Урал-батыра: “Заполни озеро кровью врагов и, сочтя ее за воду, омой свое лицо”, к своему брату Шульгену в башкордском мифе.

Омовение кровью лица, о чем идет речь в башкордском мифе, точно соответствует – окропление кровью во время жертвоприношений богу войны Аресу у скифов-саков. Об этом окроплении кровью у скифов Геродот (IV, 62) писал так: “В каждой скифской области по округам возвышены такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной 3 стадии (177,6 м), в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка; три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ. От непогоды сооружение постоянно оседает, и потому приходится ежегодно наваливать сюда по полтора воза хвороста. На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже еще больше, чем прочим богам.

Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека, но не тем способом, как скот, а по иному обряду. Головы пленников сначала окропляют вином, и жертвы закалывают над сосудом. Затем кровь несут на верх кучи и окропляют ею меч. Кровь они несут на верх, а внизу у святилища совершают такой (другой) обряд”.

Сопоставляя сообщение Геродота с башкордским мифом, мы видим, что два текста соответствуют друг другу и по сути дела Урал-

батыр требует Шульгена исполнить свой древний национальный скифо-сарматский, дахо-массагетский обычай: омовения – окропления своего лица – кровью своих врагов.

По всей видимости древние скифо-сарматы считали, что испытание или омовение – окропление кровью врагов, во время магического обряда жертвоприношения очищает кровь человека, исполняющего этот сакральный ритуал. По крайней мере именно в таком духе трактуется обряд омовения кровью лицом в башкордском эпосе.

Урал-батыр говорит Шульгену, что с ним произойдет после того, как тот омоет свое лицо кровью врагов:

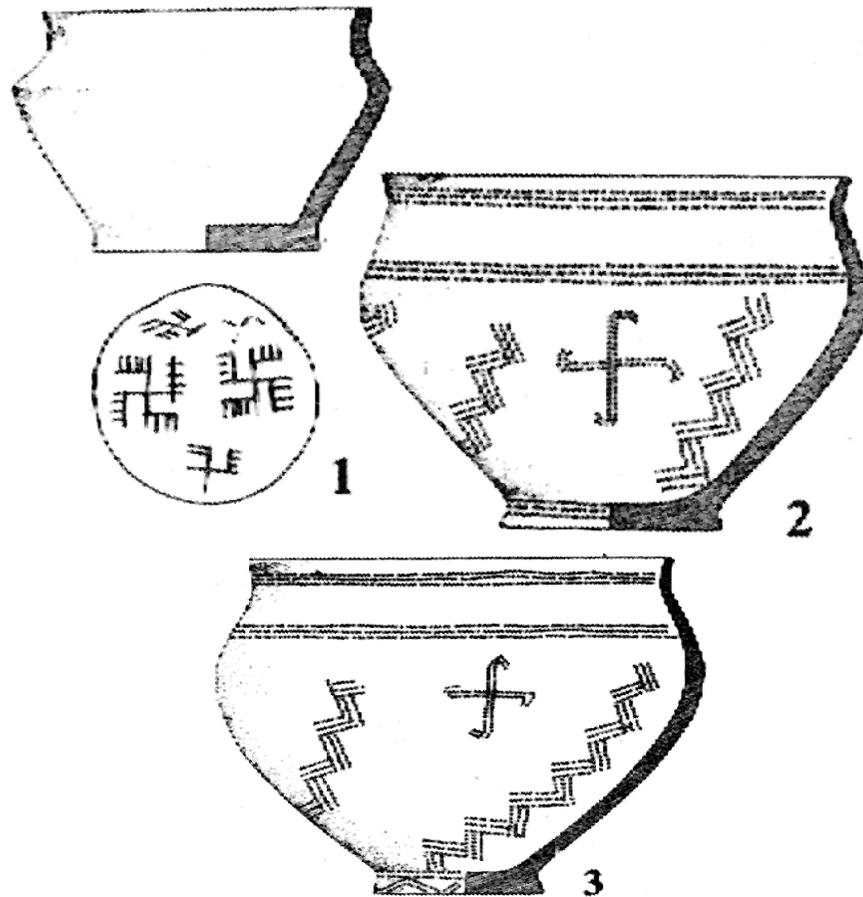
3800(8-10). Почерневшая твоя кровь
[Пусть] напомнит о прошлом тебе,
3810. Пусть сердце занеет твое,
Пусть тело твое иссохнет, заныв,
Пусть в страданиях очистится душа,
А в сердце твоём черная кровь
Пусть высохнет и заалет вновь.

Судя по эпосу “Урал-батыр”, древние башкорды свято верили в магическую способность крови преобразовать естество человека. Отчасти это верно с точки зрения современной медицины, когда некоторым больным по тем или иным естественным причинам в виде избежания смерти пациента врачи назначают либо переливание крови, либо просто очищение крови от продуктов распада – гемодиализ.

Во всяком случае, судя по речи Урала, древние башкорды прекрасно знали о взаимозависимости психической жизни человека от своей крови, а следовательно совершенно верно, даже с точки зрения современной – кардиологии, понимали сердце [насос крови] как центр душевной и духовной жизни каждой личности.

[Примечание. С точки зрения современной народной китайской медицины, насчитывающей без малого уже 6 тыс. лет своей непрерывной истории, а следовательно и накопленного практического опыта, именно – черная, густая кровь, блокирующая свободный доступ кислорода к красным тельцам – эритроцитам, а затем и стазис самой

крови внутри различных артерий, вен и коллатералий является истинной причиной различных болезней. – автор].

Сосуды Махиман из Синташского могильника (11 тыс. до н.э.)

Ведический ритуал – Ашвамедха у Башкурдов Урала

Шульген, заключив договор с Уралом, получает свободу, но тем не менее нарушает свои обещания и опять вступает в дружбу с дивами.

4100(5-10). Весть об этом до Шульгена дошла.

“Отныне защитницей моей
Что способна людей
Поочередно хватать,
Со света постепенно сживать,
Остается на свете Смерть.

4110. Ей теперь раздолье пришло.
Мне поможет она
Людей со света сживать” –
С радостью думал он
Собрал Шульген дивов и змей
Поведал им обо всем.
Всем дивам велел, говорят,
Уралу не подчиняться
Людям воды не давать

4130(7-10). Люди от этого стонали,
В страхе, с мольбой
Все к Уралу пришли.

4140. Обо всем рассказали ему
Урал собрал всех людей,
От дивов их под защиту взял.
А дивы об этом узнав
Перестали появляться на земле.
Но Урал не стал их ждать,
Иделя, Яика, Нугуша
Хакмара и батыров других
Поставил во главе своих войск.
Взял свой булатный меч

4150. Сел на Акбузата верхом

(6-10) Направился к озеру Шульгена
“Озеро это выпью до капли,
Воды не оставив, его осушу
От не дающих человеку покоя
Оставшихся там скрывшихся дивов
От Шульгена вероломного
Всех людей [от дивов] избавлю я”
Сказал и из озера начал пить, (...).

И далее в башкордском эпосе повествуется как Урал-батыр, выпив, осушил все мировое озеро и люди смогли уничтожить всех дивов, спрятавшихся в его водах. Этот подвиг башкурдского Урала позднее, после переселения ведических ариев племени Куру с Южного Урала в Северную Индию или в Куруджангалу во II-ом тыс. до н.э., вошел в индийский эпос Махабхарату, где уже приводится и описывается как подвиг Агастья, известного риши и автора, сочинившего несколько десятков гимнов Риг-Веды.

Историческое подтверждение тому “этнографическому” факту, что предки башкордов Урала в борьбе дэвов с асурами, то есть ведических ариев поклонников – Дэвов с авестийскими ариями поклонников – Асуров поддержали сторону пророка Заратустры, объявившего ведийского бога Индру злобным дэвом Индарой, поддержали иранцев, мы можем найти в следующем башкордском мифе о Торна-Хаубене. В мифической родословной главного героя говорится, что Торна-Хаубен является сыном Суры и внуком Яика, сына основателя и творца вселенной Урал-батыра. Сура в башкордском мифе – погибший от рук дэвов, является идентичным как ведийскому Сурье – богу Солнца в Ригведе, так и зороастрийскому Ахура-Асура Мазде, которого Заратустра провозгласил главным божеством своей новой преимущественно иранской религии.

В башкордском языке наблюдается закономерное чередование звука $S > h$, что соответствует чередованию ведийского – S на звук – h , в древнеиранских языках. Следовательно произношение имени отца Торна-Хаубена как Сура, а не Ахура, является древним ведийским рудиментом и архаизмом в башкордском иранском мифе. В древнеиндийской мифологии – Асуры в отличие от иранского

зороастризма представлены уже как – злые демоны противники богов – Дэвов.

По всей видимости эта дружба Шульгена с дэвами и змеями и борьба Урал-батыра с чудовищным драконом-дивом Кахкахой, изображаемая в башкордском мифе, является отголоском реальных исторических, политических и религиозных событий, которые развернулись во II тыс. до н.э. на территории Южного Урала и Средней Азии в среде индо-иранских племен. Одной из главных реформ своей древней ведической религии предков пророка Заратустра, который сам происходил из рода башкордов Саков-Массагетов, стало – запрещение своим последователям следовать культу поклонения – Дэвов. В эпоху индо-иранского единства (VI – II тыс. до н.э.) древние индо-германцы почитали божества, условно делившиеся на Дэвов и Асуров. Этот факт подтверждается тем, что такие народы как индийцы и латиняне, происходящие из единого с башкурдами и курдами праиндоевропейского корня, но к настоящему времени обитающие в отдаленных друг от друга частях Старого Света, продолжают именовать Бога единым словом – Дьяус. Этот факт доказывает то положение в науке, что в древнюю эпоху индо-германского или, даже протоиндоевропейского единства в одних и тех же племенах люди почитали благами божествами как Дэвов, так и Асуров. В частности в Риг-Веде, в ее древнейших гимнах почитаются и Дэвы, и Асуры, тогда как в более поздних гимнах Асуры уже как отрицательные, темные, злые божества начинают противопоставляться благим Дэвам.

В “АВЕСТЕ” же прямо наперекор Ригведе – злые Дэвы противопоставляются – благим Асурам, то есть Ахура-Мазде. Здесь необходимо обратить внимание на то, что язык древних частей Ригведы по своему строю, лексике и фразеологии стоит ближе всего к древнеиранскому языку АВЕСТЫ и, поэтому, два эти языка представляют из себя по сути два близких диалекта одного и того же древнего индо-иранского языка. Родство башкурдов Урала, как с индийскими ведическими ариями, чей язык представлен в гатах “АВЕСТЫ”, доказывается тем, что в составе индоиранского (арийского) племени бхаратов одним из его главных родов являлся род – Куру. Современные Курды Месопотамии равно как и Башкурды

Урала являются прямыми потомками ведических Куру, что доказывается так называемым – индоязычием курдского рода Зангене.

Если быть научно более точными, то прямыми ведическими предками современных Башкурдов Урала являлись племена так называемых Уттару-Куру, то есть в переводе с санскрита – Северные (уттару) Куру, которые остались в начале II тыс. до н.э. жить на севере, на Южном Урале, уже после того как основная масса племени ведических ариев Куру, перейдя на своих колесницах территорию Средней Азии с севера на юг, обосновалась на территории Малой Азии – Курдистан и в Северной Индии – Куруджангала.

Этноним Куру имеет исконно курдско-башкурдскую этимологию и семасиологию, поскольку в курдском языке слово – Курэ означает: “костер”, а в башкурдском языке глагол от этого корня – кuryу значит – “жарить, опалять, обугливать”.

Подлинный смысл и значение как этих древних курдско-башкурдских слов, так и ведийского этнонима их далеких предков – ариев Куру, раскрывается из самой истории и методов экспансии и колонизации индо-германцами территории Северной Индии, которая протекала в течении нескольких столетий в середине II тысячелетия до нашей эры.

В Махабхарате в Араньякапарве в книге “Сказание о паломничестве к тирхам” сын бога Дхармы (по небесной родословной) старший из братьев Пандавов из рода Куру – Юдхиштхира говорит своему брату Бхимасене в главе 141 следующее: “Здесь есть невидимые существа, о Врикадара, и могучие ракшасы (враждебные демоны). Мы сможем идти вперед благодаря жертвенному огню и пылу подвижничества. Собери силы, о Каунтея, превозмоги голод и жажду! Опирайся на мощь и мудрость свою, о потомок Куру!” (Перевод с санскрита Я.В.Василькова, С.Л.Невелевой)

Как пишут далее авторы перевода в своем комментарии к этому тексту: “Жертвенный огонь, персонифицируемый божеством Агни, был, в представлении древних индоариев, их спутником и хранителем при расселении в Северной Индии. “Перенесение огня” на новую территорию, с одной стороны, символизирует в древних текстах колонизацию этой территории, учреждение здесь ведийского жертвенного культа, а с другой стороны, по мнению ряда

исследователей, отражает практику выжигания джунглей огнем, что было необходимо для основания земледельческих поселений и являлось характерной чертой арийской экспансии.” (См. Махабхарата (Араньякапарва). М. 1987г., стр. 671)

Касаясь земледелия, следует сказать, что в отличии от тюрков, татар и других алтайских народностей башкорды издревле справляют свой национальный праздник – зерна и земледелия – Хабандтуй, а Урал-батыр в мифе, осуждая как жертвоприношения животных, так и само потребление мяса животных в пищу, говорит:

370(2-6). “Ни один из тех, кто кровь сосет, мясо ест,
Другом не станет им.
Покончим со злодейством на земле
Смерть, что останется одна,
Отыщем все вместе и уьем!”

По сути дела Урал-батыр призывает здесь всех людей заниматься только земледелием и придерживаясь принципа – ахимсы “не причинения вреда живому” полностью перейти к вегетарианству.

Перенесение жертвенного огня на новую завоеванную территорию у ведических ариев осуществлялось по праву – Ашвамедхи, которое подробно описывается в башкурдском мифе Торна-Хаубен. С точки зрения ведийско-арийской Юриспруденции считалось, что Раджа (князь), исполнивший ритуал Ашвамедхи, приобретал полный суверенитет и все права над вновь захваченной территорией.

Вся техника установления своей ведийско-арийской власти происходила следующим образом: Раджа выпускал коня белой масти (Акбузат, башкурдск.) пастись на волю сроком на один год, а сам царь следовал за конем по пятам со своим войском в течение всего этого времени.

Весь этот поход ведийского войска считался началом – Ашвамедхи. С истечением года, там где находили коня возводили алтарь, на который возжигали три – 3 священных огня. Ведические арии верили, что в середине алтаря (vedi) находится Центр (пуп) Вселенной. Главным, центральным событием богослужения на обряде

– Ашвамедха являлось жертвоприношение коня – тело которого, предварительно умертвив, рассекали на части. Суть Ашвамедхи заключалась в следующем – конь приносимый в жертву аллегорически отождествлялся со Вселенной, из рассеченных частей которых рождается мир, а Раджа, исполняющий обряд, почитался как творец – Брахма. Как пишет В.Н.Топоров: “Престиж Ашвамедхи был столь велик, что [Раджу], совершившего сто Ашвамедх, считали способным низвергнуть Индру и стать царем Вселенной.” (См. энц. Мифы народов мира, Т.1 М. 1980, ст. Ашвамедха)

Именно этот ведийско-арийский ритуал Ашвамедха подробно изложен в башкордском эпосе “Урал-батыр” и мифе о Торна-Хаубене.

3240(2-6).

Урал – Вскочил на Буза [белого коня] верхом,
Взял в руки булатный меч,
Против дива-падишаха начал войну.
Месяц бился Урал, говорят.
Год бился Урал, говорят.

.....

3250. Бился беспощадно Урал, говорят,
Уничтожал дивов, говорят,
И так много их погибло, говорят (...)
Где пересек море Акбузат [белый конь]
Дорога поднялась, говорят,
И по дороге, что Урал проложил,
Шли люди следом за ним, говорят.

В другом башкордском мифе о Торна-Хаубене говорится, что вообще вся Вселенная была сотворена во время исполнения Уралом-батыром, в начале времен ритуала – Ашвамедхи.

78. Хаубан начал спрашивать у птицы (Хомай – мифической супруги Урала, почитаемой башкордами своей матерью-прародительницей, прим. С.Г.), какая тут кроется тайна. Птица (Хомай), говорят, подробно рассказала ему, в чем дело:

– Раньше в этих местах жил только один водяной падишах (пат “царь”, ведийск.). Урал-батыр, явившись сюда со своими сыновьями

Иделем, Хакмаром, Нугушем и Яиком, начал битву против водяного падишаха. Когда они пришли сюда, здесь повсюду была лишь голубая вода [Вода – признавалась в Риг-Веде, как и у древнегреческого философа Фалеса – Первоматерией и основой творения].

Они сражались, пустив коней вплавь. Там, где проплыл на коне Урал-батыр, поднялись горы. Вот эти Уральские горы – первая дорога Урал-батыра. Когда поднялись из воды горы, страна водяного падишаха разделилась надвое. Там, где Урал-батыр убивал дивов, поднимались скалы. Чем меньше оставалось воды, тем меньше становилось войско водяного падишаха, чем больше погибло дивов, тем больше становилось суши. Потом пристанищем водяного падишаха стали лишь мелкие озера и лужи. Лишившись сил, водяной падишах поселился в этом озере Шульген. Озеро Шульген питают подземные воды и его не смогли осушить.

Там и остался жить падишах. Эти горы, называемые теперь Уралом [Урал – Veralt = World, англ.] были первой дорогой, по которой Урал-батыр с сыновьями шел на битву. Я была женой Урал-батыра. Зовут меня Хомай. Когда мой муж с сыновьями ушел воевать, я с невестками осталась в своей стране. Сыновья вернулись и увезли своих жен. Я же осталась, решив, что поеду за ними позже. Но снова явились мои сыновья, чтобы выследить падишаха Шульгена. Он все еще не переставал враждовать с моим мужем. Муж посоветовался с сыновьями, и они решили выпить всю воду из этого озера: оно обмелеет, и падишаху Шульгену будет некуда деться. [Позднее, деяние Урал-батыра войдет в текст Махабхараты как подвиг ведийского риши Агастьи, прим. С.Г.].

Когда Урал начал пить, падишах Шульген узнал об этом и повелел своим войскам войти к нему внутрь. Они погубили его, растерзав ему сердце. Перед смертью муж сказал четверем сыновьям: “Не пейте воду из озера, где осталось войско падишаха Шульгена. Найдите себе воду в другом месте” [В этот момент, после этих слов Урал-батыр умирает и его эфирное тело превращается в физический мир: Урал > Ver-alt > World, англ., прим.С.Г.]. Сыновья рассекли землю, открыли реки и образовались четыре нынешние реки: Идель, Яик, Хакмар, Нугуш.

Почему ты стала птицей? – спросил Хаубан.

79. Хомай ответила:

– Когда мы отправляемся в дальний путь, все оборачиваемся птицами. А когда все долетают до места, мужья целуют своих жен, и они снова обретают свой прежний облик. А пока я летела, мой муж умер, и поэтому я не смогла вернуть свой облик.” (См. “Башкирский народный эпос”. М. 1977г., стр. 414-415).

Таким образом в башкордском мифе четко изложена вся философская концепция – сотворения мира, которую позднее ведические арии старались реконструировать в процессе исполнения сакрального обряда – Ашвамедха. Иными словами, ведические арии племени Куру во время переселения с севера на юг, с Урала на территорию Северной Индии во II тыс. до н.э., выполняя обряд Ашвамедха, всегда в буквальном смысле следовали башкордскому мифу, являвшегося их древней идеологией. Следует заметить и выделить особо тот факт, что для ученых-ведологов и индологов трудно и невозможно понять смысл древних обрядов и ритуалов ведических ариев без предварительного ознакомления с башкордской мифологией.

Именно следуя башкордским мифам, где говорится, что земля, которую обскакал небесный Акбузат, конь творца Земли – Урал-батыра, древние ведические арии в эпоху экспансии на южные территории стали выполнять обряд следования целый год за конем во время проведения Ашвамедхи.

Все ученые-ведологи при описании обряда Ашвамедха обычно ссылаются на историю, случившуюся с детьми Сагара, излагаемую в 105-106 главах “Сказания о паломничестве к тирхам” из Махабхараты, где говорится о похищении жертвенного коня в подводную обитель, на дно мирового океана Варуны.

При этом надо указать, что эту историю о ведийском Сагаре, задолго до эпохи составления и записи индийского эпоса Махабхараты, уже была прекрасно известна предкам башкордов Урала как их национальный миф о похищении Акбузата, небесного коня Урал-батыра, сотворившего землю и как сакральное национальное предание передавался из уст в уста в течение десятков-сотен поколений.

Как два текста – ведийско-эпический и башкордско-уральский – точно соответствуют друг другу достаточно легко убедиться при их сопоставлении.

В башкордском мифе о Торна-Хаубене супруга Урала дочь солнца – Хомай говорит главному герою: “После его [Урал-батыра] смерти коня Акбузата похитил Шульген. Один из сыновей Идея, чтобы вернуть Акбузата, пошел войной против Шульгена, он влюбился в его дочь. Узнав об этом, падишах попросил сына Идея стать у него везиром и жить во дворце. Егет, чтобы овладеть дочерью падишаха, стал везиром во дворце. Но падишах не выдал свою дочь за него, а в насмешку назвал его Кахкахой. После этого Кахкаха стал похищать на Урале самых славных девушек, украл он и моих детей.

От других сыновей Идея осталось семь батыров, а от того сына, которого прозвали Кахкахой, остался Масем. Масем стал ханом – притеснителем людей. Семеро батыров не смирились с тем, что Масем захватил ханство и пошли на него войной. Однажды Масем-хан сказал семерым батырам: “Давайте помиримся” – и позвал их в гости. Когда они пришли, он опоил их, связал по рукам и ногам и затем продал заморскому падишаху.” (См. Башкирский народный эпос, стр. 415).

В Махабхарате этот сюжет совсем не случайно начинает излагаться с такого примечательного для нашего изучения исторического факта, как победа Сагары и покорение им предков башкордов Урала – персов и скифов. Как пишут в своем примечании в комментарии к истории детей Сагары в Махабхарате переводчики “Араньякапарвы” Я.В.Васильков и С.Л.Невелева – “Согласно эпико-пураническим преданиям отец Сагары, Баху, был изгнан из своего царства племени хайхаев и таладжангхов [территория совр. Раджастана] и умер на чужбине. Мстя за своего отца, Сагара уничтожил хайхаев и таладжангов, а все прочие чуждые народы (в том числе персов, скифов, греков) покорил и навсегда запретил им изучать Веды и исполнять ведийские обряды, которые прежде практиковались ими так же как и ариями. В результате эти некогда кшатрийские племена одичали и превратились в варваров – млеччхов”. (См. Махабхарата. М. 1987, комментарий 276, стр. 658).

У историков нет и никогда не было сомнений в таком важном историко-этнографическом факте, что предки башкордов Урала –

персы, скифы, греки и латиняне в древности исполняли и практиковали все ведийские обряды жертвоприношений и поклонялись огню – Агни – ignis, как и их собратья эпико-пуранические арии, обосновавшиеся со времен на территории Индии, захваченной ими во II тыс. до н.э. В эпоху создания Махабхараты такое племя ведических ариев, причисляемое традицией к западным варварам-млеччхам как синды – саувиры, обитали на Южном Урале, то есть как раз на территории древней Скифии. Более того, позднее уже в эпоху Римской империи периода правления династии Антонинов древнегреческий историк Лукиан из Самосаты (Сирия) писал об интересующих нас – Синдах (Саувирах) как о народе, населявший область Скифо-Сарматии, примыкавшую к Евксинскому понтю (Черное море) у Боспора Киммерийского (Керченский пролив).

Именно с победы над своими западными ведическими собратьями – скифами, синду-саувирами и начинается в “Махабхарате” в “Араньякапарве” в “Сказании о паломничестве к тиртхам” повествование о похищении коня Сагары в подводное царство, гибели его сыновей и т.д.

Глава 104.

6-8. Рожденный в роде Икшваху, владыка земли Сагара был наделен силой, добродетелью и красотой, могуществен – и бездетен. Истребив хайхаев с таладжангхами и приведя в покорность всех прочих царей, (мирно) правил он царством своим, о бхарата.

Примечание этнографическое!

По мифам индогерманских ведических ариев – глава рода Икшваху был правнуком Вайвасваты, имя которое одинаково прилагалось как эпитет и к богу смерти Яме и его родному брату первочеловеку Ману, которые оба почитались двумя сыновьями Вивасвана – Солнце. В мифологии германцев ведийский Ману почитается как сын бога Туисто и являлся родовым божеством племени – Герминионов. Таким образом по мифам древних германцев считалось, что Земля породила Туисто, а его сын Манн стал прародителем рода германцев.

У башкордов Урала мифические Мануш (сын бога Мана, санскрит) и Ямаш (сын бога Ямы, санскрит) почитаются в народных верованиях рода Борзян как и у германцев потомками бога Туйне-бия, который в свою очередь является по преданию правнуком основателю рода – Борзяну, чье имя в переводе с авестийско-арийского языка означает – Огонь. До настоящего времени башкорды Борзяне условно подразделяются на два рода дети: Монаша и Ямаша, и что самое важное – сохранились две деревни Ямаш и Монаш, которые по народной традиции основали два ведийско-арийских брата: Монаш (сын бога Ману) и Ямаш (сын бога Ямы).

У древних иранцев ведийско-германско-башкордское божество Ману-Монаш почитался как Мануш-Манушчихр, сын Иреджа, внук Тразтаоны, потомок Йымы-Ямы, сына Виваванта-Вивасванта.

По “АВЕСТЕ” – Мануш находится на горном хребте Хара Березайти, то есть на Южном Урале – Ирандеке (башк.) во владении Бурзян, возле современного поселка Монаш. Поражает и другое соответствие.

В башкордском мифе Торна-Хаубен вступает в брак с богиней воды девушкой Наркас, тогда как в ведийской мифологии Нараяна – древнее божество, имя которого переводится двояко: 1) “тот, чье пристанище космические воды” и 2) “связанный с человечеством”. Два этих перевода совпадают по своему значению с башкордским мифом, поскольку не смотря на то, что богиня Наркас живет в воде (Нара “вода”, санскрит), тем не менее вступает в брак с “человеком” Торна-Хаубеном и помогает людям укротить подводных дивов.

Учитывая эти совпадения, теперь необходимо вспомнить, что в Махабхарате говорится, что ведийский Сагара пришел к власти, победив западных варваров-млеччхов, то есть предков башкордов Урала – персов и скифов.

Этот факт уже в свою очередь точно соответствует о совпадает с текстом АВЕСТЫ, где ведийско-башкордское имя: Наркас-Нараяна встречается как патронимическое, родовое имя благого Аграэраты Наравы [Нараяны], который как и его брат Франграсйан и сам Манушчихр происходил из рода Тразтаоны, то есть ведийского Триты Апты и он же самый Торна-Хаубен, женившийся на царице вод –

Наркас. В своей книге “Зороастрийская Мифология”, ее автор И.В.Рак, приводит (1998г.) все интересующие нас, а также дополнительные к нашему исследованию факты.

И.В.Рак пишет: “Дж.Дармстетер предлагал (1883г.) понимать слово “нарава” как антитезу, логическое противопоставление слову “нара”: “нара – нарава”, по Дж.Дармстетеру, составляют смысловую пару “человек-получеловек”. Это прочтение, с лингвистической точки зрения довольно сомнительное (что оговаривал и сам Дж.Дармстетер) однако, очень хорошо соответствует по смыслу некоторым сведениям об Агрерате, содержащимся в пехлевийских источниках: “Бундахишн” 29.5 : Агрерат [сын] Пашанга, пребывает [в качестве Рата] в земле Сакастан, и его зовут Гопатшах.” (См. И.В.Рак. “Зороастрийская мифология”. С-Петербург, 1998, стр. 203).

Трактовка Дж.Дармстетера, ученого, разработавшего так называемый “исторический метод изучения АВЕСТЫ” о возможном чтении имени Наравы как прямое противопоставление имени Нара, тем не менее очень верна и полностью согласуется с ведийской традицией, по которой Нара-Нараяна являются парным божеством Вишну, а затем и его земным воплощением, инкарнацией Кришной.

Эпическо-пураическое имя Кришна полностью этимологически соответствует имени Керсаспа, которое по АВЕСТЕ принадлежало сыну Триты (Трита Аптъя в Риг-Веде и Торна-Хаубен у башкордов), носившему все то же родовой ведийский титул Нарьямана “водный”.

С этой, башкордской точки зрения науки попытки индологов переводить имя Кришны-Керсаспы как “темный”, равно как и попытки иранологов перевести имя Нарьяма как “человек-муж” следует считать грубейшими ошибками из-за простого незнания башкордской мифологии.

До мифологии основной формой мышления в истории индогерманских народов являлась идеология фетишизма и оборотничества. Именно к этой древней эпохи, когда предки ариев еще не умели отделять идею предмета от самого предмета и восходит легендарное башкордское предание о двух водоплавающих и водолюбивых птицах Торна-Хаубене (журавле) и Наркас (утке), ставших затем, немного

позднее в эпоху Брахман почитаться двуединым парным божеством Нара-Нараяной.

Прилет на Урал весной журавлей и уток означает наступление сезона дождей с громом и молнией, которых не было всю долгую зиму, а отлет этих птиц на юг осенью символизировал их брак и возвращение в страну водяного змея отца Наркас, лежащего на дне Мирового Озера (млечный путь на небе).

Из этого башкордского мифа позднее и родилось старое ведийское представление о том, что бог вод – Вишну отдыхает со своей супругой Лакшми на спине гигантского змея Ше Ше на вершине мировых вод и летает по Вселенной на спине птицы – Гаруды.

Иранское имя Керсаспа “богатый лошадьми” полностью раскрывается в другом башкордском мифе, где говорится как главный герой Торна-Хаубен добывает с помощью Наркас для людей из-под вод со дна Мировых Вод чудесных коней белой масти.

Наркас богиня вод в облике золотой утки говорит Торна-Хаубену:

- 10(6-11). Это озеро – мой дворец,
Каждый день купаюсь, птицей оборотясь;
Когда над землей солнце взойдет
Радуюсь, плаваю резвясь.
Егет, если ты меня возьмешь,
Если выйду на сушу, погибну я.
.....
- (18-21) . Егет, меня отпусти
И, не оборачиваясь, ступай вперед!
Разномастными табунами
Выйдут лошади из озера – жди!
.....
- (22-34). С шумом рассекая водную гладь,
Поднимая бурю на земле,
Выйдет Акбуз – покровитель всего скота,
Выйдет последним он.
Терпеливо дожидайся его,
По лбу погладишь его –

С тобой заговорит.
Все что пожелаешь, желание твое
Безотказно исполнит он
На луке его седла
Повешена камсы (плетка)
.....
Уздечка на его голове.

Выслушав утку, Хаубан [журавль] поверил ей и отпустил. Выйдя из озера, не оборачиваясь пошел, говорят, как научила его утка. Как только он отошел немного, послышалось ржание лошадей, (...). Потом вдруг подул ветер, буря поднялась. Хаубану трудно стало идти. растерялся он, не знал, что и делать. Наконец не выдержал – оглянулся назад. Посмотрел – глазам своим не поверил: из озера выходили стада, покрывая всю землю. Это был как раз тот миг, когда Акбузат показался по шею из воды. Как только заметил Акбузат [белый конь], что Хаубан оглянулся, снова скрылся в озере. (См. Башкирский народный эпос, стр. 379).

Таким образом именно на древнеиранском языке эпитетом Торна-Хаубена будет – Керсаспа Нарьямана, т.е. Торна-Хаубен: “Лошадьми водными богатый”.

Главным подвигом Керсаспы в “АВЕСТЕ” как и Торна-Хаубене в башкирском мифе является убийство чудовищного змея, который обитал в океане Ворукаша.

В “АВЕСТЕ” говорится, что Аграэрата Наравы как и его братья Франграсйан и Керсезада [не путать с Керсаспой] были детьми Пашенга и происходили из рода Траэтаоны.

Здесь мы от мифов переходим к реальной истории башкирцев Урала, которые, как это зафиксировал доподлинно еще в 17 веке османский путешественник Эвля Челеби, поклонялись могилам древнеиранских царей – Пашенгу, Франграсйану, Тахма-Урупи, Траэтаоне. Эвля Челеби писал, что вместе с башкирцами-хешдеками посетил могилы иранских царей – Пиштадидов, которым те поклоняются как могилам своих древних предков. В одной из могил на правом берегу реки Волги, возле города Казани, которую во время Эвля Челеби населяли исключительно башкирцы-хешдеки, был

погребен, как он писал, “Пешенг сын Тура”. В свою очередь из “АВЕСТЫ” мы знаем, что Аграэрата Наравы был сыном этого Пашанга, потомка Тура.

По древней иранской народной традиции Турами, потомками иранца Тура, сына иранца Фаридуна – Траэтаоны было принято считать – кочевых иранцев – Скифов, то есть Саков-Массагетов далеких авестийских предков башкирцев Урала. Тогда как уже по индийской народной ведийско-арийской традиции самих иранцев, как впрочем и греков относили к Турам, то есть к западным варварам-млеччхам.

Это очень важно понять, поскольку многие современные турко-татарские народы, не имеющие своей собственной отдельной от башкирцев, курдов, иранцев и индийцев национальной истории, пытаются в настоящее время присвоить себе исконно иранский этноним – Туры, Туранцы.

Именно с этими северо-западными варварами – млеччхами, то есть с ираноязычными скифами, сарматами, саувирами и воевал, победил и изгнал герой одного из рассказов Махабхараты – Сагара.

Сагартии – иранское племя, говорившее на юго-западном диалекте, имеют непосредственное отношение к истории этногенеза как курдов Месопотамии, так и башкирцев Урала. Сагартии в эпоху установления правления династии Ахеменидов (550-331 гг. до н.э.) входили, наряду с предками башкирцев Урала тамьянами-таманьями, в 14 сатрапию иранской империи и платили совместную подать в виде 600 талантов золотом. (Геродот III. 93).

Сагартии служили исключительно в коннице персидской армии наряду с мидянами – предками курдов.

Геродот (VIII, 84-87)

84. В коннице [Ксеркса], впрочем, служили не все народности, а только следующие: прежде всего персы (...)

85. Среди них есть некое кочевое племя по имени Сагартии. По происхождению и языку – это персидская народность, но одежда их наполовину персидская, наполовину пактийская. Они выставляли 8000 всадников (...). В бою сагартии стояли возле персов.

86. Мидийские всадники были снаряжены подобно своим пехотинцам, так же и киссии. Индийские же всадники носили

одинаковое снаряжение с пешими воинами, но ехали не только верхом на конях, но и на колесницах, запряженных конями и диками ослиами. Вооружение бактрийских всадников было то же, что и у пеших воинов, точно также и у каспиев.

[Далее Геродот упоминает Каспиев, парикан – иранские народности, и ливийцев с арабами: семито-хамитов]

87. Только одни эти народности служили в коннице (...).

88. Начальниками конницы были Гармамифрас и Тифей, сыновья Датиса. Датис был известным мидянином (курдом) – полководцем в персидской армии Ксеркса. Пактии, чью одежду наполовину напоминала одежда – Сагартиев, это иранское племя, населявшее в эпоху Геродота долину реки Кабул в Афганистане. Такие известные ученые-востоковеды как Е.Херцфельд, М.Штрек, В.П.Никитин, И.М.Дьяконов признавали Сагартиев предками Курдов Месопотамии, имя которых отразилось и сохраняется в названии курдского города – Сирта (Загерту-Сагарту). (См. О.Вильчевский. Курды. М.-Л. 1961, стр.154).

Древняя связь курдов Месопотамии с ведическими ариями, создателями гимнов Риг-Веды, подтверждается так называемым индоязычностью (ригведаязычностью, прим.С.Г.) курдов – Зангене и Чагана.

Сагартии как и все ведические индоязычные арии были девопоклонниками и по всей видимости презирали Асуров как злых демонов. Тогда как у иранцев, после реформы Заратуштры наоборот – Дэвы стали почитаться злыми дэмонами, а Асура (Мазда) стал почитаться – Благим Божеством.

В эпоху правления царя Ксеркса (Хшайаршах) 486-465 гг. до н.э. в империи Ахеменидов началась религиозная война между иранцами, поклонявшихся Дэвам и иранцами, поклонявшимися Асуре (Мазде), согласно вновь установленным канонам реформатора Заратуштры.

Сагартии, как и современные курды Зангене и Чагана были индоязычны и следовательно поклонялись по старинке Дэвам, как благим божествам, как и их кровные братья – ведические и митаннийские арии, пришедшие в Месопотамию и Северную Индию во II тыс. до н.э. с территории Южного Урала.

Именно поэтому на Сагартиев, как впрочем и на курдов – Зангене и Чагана и пала вся тяжесть религиозной войны, разгоревшейся во времена царя Ксеркса, наподобии войны между католиками и гугенотами во Франции в 16 веке. Царь Ксеркс (Хшайаршах) в своей знаменитой – “Антидэвовской надписи”, выбитой на каменных плитах и датированной учеными 486-480 гг. до н.э., хвастливо заявляет:

“Говорит Ксеркс-царь: по воле Аурамазды, [вот] те страны, над которыми я царствовал, помимо Персии; ... Мидия, Элам, Харахвати, Армения, Зранка, Парфия, Харайва, Бактрия, Согдиана, Хорезм, Вавилон, Ассирия, Сагагу, Спарда, Египет, ионийцы, обитающие на море, и обитающие за морем [греки], Мачия [Белуджистан], Аравия, Гандара, Хинду, Каппадокия, дахи, саки Хаумварга, саки с островерхими шапками, Скудра, [жители] Акауфака, Путия, Карка, Кушия.

Говорит Ксеркс-царь: ...

И среди этих стран была (такая), где прежде дэвы почитались. Потом по воле Аурамазды я этот притон дэвов разгромил и провозгласил: “Дэвов не почитай”. Там, где прежде дэвы почитались, там совершил поклонение Аурамазде и Арте небесной. И другое было, что делалось дурно, я сделал, чтобы было хорошо.” (Перевод с древнеперсидского. См. И.В.Рак. Зороастрийская мифология, стр. 428).

Область Харайва, упоминаемая рядом с Парфией, есть не что иное как авестийская Хара-Березаити, то есть горная вершина – Бурзян в Башкордистане, на Южном Урале. Следует заметить, что в самой Парфии Атур-Борзен-Михрбан почитался национальным огнем парфян > Борзян. В самом Курдистане в Месопотамии среди курдов существует род Барзан, который в древности был ревностным поклонником зороастрийской религии.

Таким образом мы выяснили, что междусобная религиозная война между иранцами – поклонниками Дэвов и иранцами – поклонниками Асуров (Асура-Мазды) действительно имела место в истории. При этом, следует обратить внимание на тот весьма интересный факт, что в индийской Махабхарате (Араньякапарва) победа считается досталась Сагаре – поклоннику ведийских Дэвов,

тогда как в надписи Ксеркса говорится, что победа в войне досталась иранцам – поклонникам Асуры.

История о победе в Персии иранцев-зороастрийцев, поклонников Асуров, над иранцами – поклонниками Дэвов косвенным образом нашла свое отражение в Библии в истории Эсфири, которая была одной из многочисленных наложниц царя Ксеркса (см. Библия, книга Есфирь, глава 9).

Персы во главе с Киром Великим (559-530 гг. до н.э.) свергли господство и верховную власть мидийцев-курдов, а затем захватили Вавилон в 539 г. до н.э. и освободили евреев из так называемого Халдейского плена. Более того, как в первый год своего правления – в 539 году до нашей эры Кир Великий издал указ о восстановлении Иудейского (II) храма для евреев в Иерусалиме. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что для ветхозаветных евреев любое восстание или война против персов, сделавших так много для восстановления их иудейской национальной религии, казались войной против них самих – евреев, как это прекрасно и изображено в книге Эсфири. При этом празднование Пурима у евреев совпадает с праздником иранцев – Наврузом, отмечаемом в марте – адар.

Достоверно известно, что индоязычные арии, основавшие государство Митанни (18-14 века до н.э.) в Малой Азии, были поклонниками ведийских богов – Дэвов: Сурьи, Насатьи, Индры. Именно эти митаннийские арии и являются далекими предками курдов-мидийцев, власть которых и сверг в конечном счете Кир Великий в 550 г. до н.э.

При Камбизе (530-522 гг. до н.э.), сыне Кира Великого, курды-мидийцы во главе своих духовных вождей пиров, называемых на древнеиндийский манер – Магуй (Великий), то есть – Магами, смогли снова захватить верховную власть в империи в свои руки под руководством мага Бардии (Смердис у Геродота).

Геродот писал об этом событии так:

Книга III. 61. Пока Камбис, сын Кира, находился еще в Египте и творил там безумные деяния, двое братьев из племени магов подняли мятеж. Одного из них Камбис оставил в Персии управителем своего дома. Этот-то человек и поднял восстание, (...). Был у него брат, который как я уже сказал, вместе с ним поднял мятеж, по внешности

очень похожий на Смердиса, убитого по приказанию своего брата Камбиса. А был он не только похож на Смердиса, но даже и имя его было Смердис. Этого то человека, своего брата, маг Пазитиф убедил, что все для него устроит, и “сесть на престол пригласил”. А посадив (брата) на престол, Пазитиф разостлал глашатаев по разным областям (персидской державы), а также войску в Египет (с вестью), что отныне надлежит повиноваться Смердису, сына Кира, а не Камбису.

[Это событие, между прочим подтверждает и Бехистунская надпись Дария. Маг Гаумата (Лжесмердис) был провозглашен царем при поддержке мидийских магов именно в отсутствие Камбиза, когда последний подавлял восстание в Египте. Прим. С.Г.]

Необходимо указать на такой важный исторический факт, что в Египте в Элефантине во времена Камбиза, Дария, Ксеркса существовали обширные иудейские колонии, которые боготворили персов после того как Кир Великий освободил их от рабства в Халдее от магов-мидян. Иудеи Элефантины в Египте служили в персидском войске Ахаменидов и делились на знамена, то есть – боевые отряды, во главе которых стоял военный начальник-иранец. Дело доходило до таких курьезов, что Ахамениды-иранцы напоминали иудеям и даже издавали указы, повелевающие евреям праздновать – еврейскую же Пасху. (См. Б.А.Тураев. “История древнего Востока”. 1914г. Часть III. Петроград, стр. 222-225, а также Б.И.Кузнецов. “Древний Иран и Тибет”. С.-П. 1998г., стр.219).

Далее Геродот пишет, книга III, 65.

Камбиз, узнав весть о восшествии на царский престол мидийского мага: “... приблизительно через двадцать дней он повелел призвать к себе знатных персов из своей свиты и сказал им вот что:

“Персы! ...

Маги владеют теперь вашим царством – управитель моего дома и брат его Смердис. (...)

И вот я наказываю вам, заклинаю нашими царскими богами всех вас и прежде всего вас, здесь присутствующие Ахамениды:

не допускайте чтобы власть снова перешла к мидянам!

Но если они захватили власть коварством, то и вы также должны вырвать ее у них коварством.”

В Библии в книге Эсфири говорится, что Эсфирь воспитанница иудея Мардохея становится наложницей персидского царя, а после помогает составить заговор против советника царя, и затем описывается как иудеи защитили царский трон иранцев-Ахеменидов.

Геродот в своей “Истории” все события, касающиеся свержения власти дэвопоклонников магов-мидийцев, изложил так:

III. 79. – Умертвив магов, заговорщики отрубили у них головы. Раненых же (товарищей) они оставили на месте, так как те были слишком слабы, а также для охраны дворца. Остальные же пятеро, захватив с собой головы магов, с криком и шумом выскочили из дворца. Затем они созвали прочих персов, объяснили им, что произошло, показывая отрубленные головы, и стали убивать всех магов, попадавших на пути. Когда же персы узнали о подвиге семерых и об обмане магов, то не захотели отстать (от заговорщиков): они выхватили свои кинжалы и бросились убивать всех магов, каких только могли найти; и если бы не наступила ночь, то ни одного мага не осталось бы в живых.

Этот день все персы считают величайшим праздничным днем и справляют его весьма торжественно. А зовется у персов этот праздник “избиением магов”. Ни одному магу нельзя в то время показаться на улице, и все они сидят дома.”

В Библии эти же события в книге Эсфири описываются так:

Глава 9.

16. И собрались Иудеи, которые в Сузах, также и в четырнадцатый день месяца Адара, и умертвили в Сузах триста человек, а на грабеж не простерли руки своей.

17. И прочие Иудеи, находившиеся в царских областях (...) умертвили из неприятелей своих семьдесят пять тысяч, а на грабеж не простерли руки своей.

18. Это было в тринадцатый день месяца Адара; а в четырнадцатый день сего месяца они успокоились, и сделали его днем пиршества и веселия.

20. И описал Мардохей эти происшествия и послал письма ко всем иудеям, которые в областях царя Артаксеркса, к близким и дальним.

21. О том, чтобы установили ежегодно празднование у себя четырнадцатого дня месяца Адара и пятнадцатого дня его.

23. И приняли Иудеи то, что уже сами начали делать, и о чем Мардохей написал к ним.

Как видим, два текста (из Геродота и в Библии) идентичны друг с другом с той разницей, что те события, которые в древней истории произошли с персами и мидянами-курдами в Библии, описываются как события, случившиеся с иудеями. Причем это переписывание “Истории” Геродота и интерполяции древних событий библейскими писцами – составителями книги Эсфири в Ветхом Завете действительно поражают воображение.

Так у Геродота в “Истории” говорится об “Эсфири” как о дочери перса Отана, которая и раскрыла заговор магов, на которой Дарий женился после удачно совершенного им переворота и низвержения верховной власти – Мидийцев-курдов.

Геродот. Книга III.

88. Так-то Дарий, сын Гистаспа, был провозглашен царем (...). Дарий взял себе в супруги знатнейших персианок, во первых, двух дочерей Кира – Атоссу и Артистону (...). Затем он вступил в брак с дочерью Смердиса, Кирова сына, по имени Пармис и, наконец, с дочерью Отана, которая раскрыла обман мага.

В Библии-же говорится по другому, то есть Эсфирь, раскрывшая заговор Амана против персидского царя, уже была наложницей Артаксеркса.

У Геродота (III, 88) сам персидский царь повелевает выбить надпись о своей победе над мидийскими магами, тогда как в Библии это приписано Мордехаю, наставнику Эсфири. Согласно Геродоту III, 68 ... заподозрив мага, Отан поступил вот как. Дочь его, по имени Федима, была супругой Камбиса, и теперь как и все остальные жены Камбиса стала супругой Смердиса. Так вот Отан послал к этой своей дочери спросить, кто теперь ее супруг, с которым она теперь делит ложе ..., (...).

Когда Отан услышал этот ответ, его подозрения стали все более усиливаться. Он послал тогда дочери третье поручение, гласившее вот что: “Дочь моя! Ты – благородного происхождения и должна решиться

поэтому на опасное дело, которое поручает тебе ныне отец. Ведь если это не Смердис сын Кира, а тот кем я его считаю, то он дорого заплатит за то, что делит с тобой ложе и властвует над персами. Он не должен остаться безнаказанным. Поэтому сделай так. Когда он взойдет к тебе на ложе ...”.

В Библии, в книге Эсфири этот эпизод описывается уже как иудейская история, где Мордехай, наставник Эсфири, занимает место Отана (перс. - Утана), отца Амestриды; мидянин-маг Смердис становится Аманом, а Амestрида превращается в Эсфирь.

По Библии Мордехай как и Отан у Геродота, послал весть к Эсфири своей наставнице как и Отан к своей дочери Амestриде. Эсфирь по Библии перед Артаксерксом обвиняет Амана (Смердиса), склонившегося над ее постелью, и тем самым перед нами как бы заново повторяется история из книги Геродота.

Библия, Книга Эсфирь.

Глава 7.

5. И отвечал царь Артаксеркс, и сказал царице Эсфири: кто это такой, и где тот, который отважился в сердце своем сделать так?

6. И сказал Эсфирь: враг и неприятель – этот злобный Аман! И Аман затрепетал перед царем и царицей.

7. И царь встал во гневе своем с пира, и пошел в сад при дворце;

Аман же остался умолять о жизни своей царицу Эсфирь, ибо видел, что определена ему злая участь от царя.

8. Когда царь возвратился из сада при дворце в дом пира, Аман был припавшим к ложу, на котором находилась Эсфирь. И сказал царь: даже и насиловать царицу хочет в доме у меня!

10. И повесили Амана на древе...

Именно с этого времени иудеи начали отмечать праздник – Пурим в честь своего освобождения, который отмечают в месяц – Адар, то есть – Март.

Историческое примечание

Именно в месяц март – Адар курды-мидяне отмечали и отмечают свой национальный праздник Навруз, как день своего национального освобождения от угрозы поголовного уничтожения злым дэвом – Ажи Дахакой.

Таким образом можно прямо говорить, что курдско-мидийский праздник был перенят иудеями во время правления царя Ксеркса, который и боролся с Мидянами-Дэвапоклонниками. Библия ясно и четко извещает нас в том, что до царя Артаксеркса (465-424 гг. до н.э.) у евреев никогда не было праздника Пурим, тогда как наоборот из истории мы знаем, что у курдов-мидийцев с древнейших времен и задолго до царя Артаксеркса отмечался их национальный праздник освобождения – Навруз, который курды и сейчас, в наше время справляют в месяц – Адар, то есть в Марте.

Курды-езиды обязаны поститься и не принимать пищу в течении трех дней непосредственно перед праздником Навруз. Эти три дня поста в марте езиды называют – Рожие езиде сор.

Этот же обычай курдов-езидов поститься три дня в марте, то есть в месяц Адар перед празднованием Навруза со времен персидского царя Артаксеркса перешел к евреям по повелению Мордехая. Евреи перед празднованием Пурима должны поститься один день от восхождения до захода солнца, а два дня посвятить уже самому празднику. Курды-езиды называют религиозный пост словом – Парез от курдского – Пар “доля”.

В Библии в “Книге Эсфири” читаем в главе 9 (24-26) о том, почему праздник был назван – Пурим.

24. Как Аман, сын Амадафа, Вугеянин, враг всех Иудеев, думал погубить иудеев и бросал Пур, жребий (...).

26. Потому и назвали эти дни Пурим, от имени Пур.

Таким образом становится ясным тот факт, что и само название Пурим восходит к курдско-мидийскому – Пар “доля” и Парез “религиозный пост”.

Другим удивительным совпадением становится то, что одновременно с Наврузом курды и их предки мидийцы справляли свой

другой народный праздник возведения на царский престол так называемого – “Ложного эмира”. Под названием : “мир-мирен” – “эмир над всем миром” этот народный праздник еще и в настоящее время бытует среди оседлого населения Мукринского Курдистана.

Как писал Ж. де Морган, наблюдавший этот курдский праздник еще в 80-х годах 19 века: “Из старых обычаев мукри я хочу еще упомянуть праздник ложного эмира, который совершается в Соуджбулаке ежегодно весной. Население города назначает эмира, или правителя, который обладает всей полнотой власти в течении трех дней и может совершать всякие сумасбродства. Как только эмир избран, он выбирает своих министров, своего фораш-баши (дворецкого), набирает гвардию и с большой пышностью отправляется в сопровождении всего населения к настоящему правителю, чтобы объявить последнему о его отставке. Часто этот праздник давал повод для волнений, жители Соуджбулака пользовались случаем, чтобы избить настоящего правителя. Поэтому в настоящее время ложный эмир всегда сопровождается солдатами и представителем правителя, который уполномочен препятствовать ему переходить грань шуток. Ложный эмир правит в течении трех дней.” (См. О.Л.Вильчевский. Мукринские курды. Этнографический очерк, стр. 204).

Как установили ученые, этот курдский праздник имеет очень древнюю историю своего происхождения. Аналогичный праздник существовал и в древнем Вавилоне, где в марте-апреле справлялся праздник Нового года – Загмук или Акиту. Именно в этот праздник проводилась церемония лишения настоящего царя верховной власти и передачи управления государством подставному лицу. В канун Нового года лжецарь приходил в храм Мардука, где над ним совершался унижительный обряд – пережиток ритуального убийства старого вождя: верховный жрец храма Мардука ударял мнимого царя по щеке ладонью и отбирал у него знаки царской власти – шапку, обруч и скипетр. По происшествии трех дней настоящий царь являлся в храм бога Мардука, “брал руку Бела” и получал инсигнии своей прежней царской власти обратно. Без выполнения этого обряда он не считался в этом году царем.

Если мы вспомним теперь, что древний Вавилон – Калду еще касситы начиная с 1500 года до н.э. называли Кардуниаш, то есть

употребляли этноним “карду” – курды, то становится понятным, насколько древним является праздник ложного эмира у древних курдов. Учитывая теперь, что предки курдов ведические-митанийские арии пришли в Переднюю Азию с Южного Урала в 18 веке до н.э., то есть тогда, когда еще не существовало такого древнего государства как Вавилон, то становится понятным, что сам праздник – Загмук имеет исконно курдское происхождение.

В Библии в “книге Эсфири” в главе IX говорится о подмене настоящего царя в храме Мардука буквально следующее:

9. И позваны были тогда царские писцы в третий месяц, то есть Сиван (курдск. Събат - февраль), в двадцать третий день его и написано было все так, как приказал Мардохей (Мардук), к иудеям, и к сатрапам, и областеначальникам, и правителям областей от Индии до Ефиопии, сто двадцать семь областей, в каждую область письменами ее, и к каждому народу на языке его (...).

10. И написал он от имени царя Артаксеркса, и скрепил царским перстнем и послал письма через гонцов на конях, на дромадерах и мулах царских.

13. Список с сего указа отдать в каждую область, как закон, объявляемый для всех народов, (...).

14. Гонцы, поехавшие верхом на быстрых конях царских, погнались скоро и поспешно, с царским повелением. Объявлен был указ и в Сузах, престольном городе.

15. И Мардохей вышел от царя в царском одеянии яхонтового и белого цвета, и в большом золотом венце, и в мантии виссонной и пурпуровой. И город Сузы возвеселился и возрадовался.

17. И во всякой области и во всяком городе, во всяком месте, куда только доходило повеление царя и указ его, была радость у Иудеев и веселие, пиршество и праздничный день.

И многие из народов страны сделались Иудеями, (...).

Если бесприкословно следовать и верить этому вышеизложенному тексту из Библии, то следует, что все евреи это иранцы-курды, то есть “многие из народов страны (которые) сделались иудеями.”

Таким образом, мы выяснили, что иудейский праздник свержения царя – Пурим, равно как и древневавилонский праздник Нового года – Загмук, отмечаемые в конце марта, имеют в культуре этих двух народов древнеиранское происхождение или если быть точным, являются древними заимствованиями из культуры и обрядов курдов-мидийцев. Этот же обряд свержения и убийства лжецаря совершали и древние башкорды. В мифе “Акбузат” Торна-Хаубан отрубает голову лжехану Масему и возвращает себе верховную власть, незаконно отнятую у его отца Суры (Сурьи у ведических и митаннийских ариев).

Самым важным здесь является то, что Торна-Хаубан вернул себе царскую власть, исполняя ведийско-арийский ритуал Ашвамедхи. Именно этот же ритуал исполнил и перс Дарий, сын Гистаспа, после того как свергнул верховную власть в империи мидийских магов, о чем мы можем достоверно узнать из “Истории” Геродота, который в книге III.84 писал: “... О царской же власти они решили вот что: чей конь первым заржет при восходе солнца, когда они выедут за городские ворота, тот и будет царем.”

86. На рассвете все шестеро мужей по уговору сели на коней. Когда они оказались за воротами и приблизились к тому месту, где прошлую ночь была привязана кобылица, конь Дария бросился вперед и заржал. На ясном небе в то же время сверкнула молния и загремели громовые раскаты. Это неожиданное знамение посвятило Дария на царство, словно по предварительному условию. Тогда другие соскочили с коней, пали к ногам Дария и поклонились ему как царю.

88. Так-то Дарий, сын Гистаспа, был провозглашен царем (...).

Могущество Дария было беспредельно. Прежде всего он повелел высечь из камня и поставить рельефное изображение всадника с надписью, гласившей: “Дарий, сын Гистаспа, обрел себе персидское царство доблестью своего царя (следовало имя) и конюха Эбара”. Геродот по сути дела вкратце пересказал отголоски ритуала Ашвамедхи, который исполняли персы, как потомки ведических ариев.

В башкордском мифе “Торна-Хаубан”, который создавался в эпоху фетишизма и оборотничества в сознании людей, конь Акбузат советует Торна-Хаубану при завоевании земли, т.е. царства, следующее:

44. – Если бы не расспрашивал Наркас,
Дворец шаха ты бы открыл,
Свергнув с престола его,
Падишахом бы озера стал,
С красавицей Наркас
Ты бы свадьбу сыграл.

Как мы знаем, ведические арии во время исполнения ритуала Ашвамедхи приносили в жертву коня. Хорошо известно, что персы во время военных походов возили с собой священный огонь верховного бога Ахурамазды на колеснице, запряженной восьмеркой белых лошадей. Геродот описывает это в своей “Истории” (кн. VII.40) так: “...Впереди персидского войска шел обоз и вьючные животные (...). Царю предшествовала 1000 отборных персидских всадников, за ними двигалась 1000 копьеносцев (также отборных) с копьями, обращенными вниз к земле. Потом шло 10 священных так называемых нисейских коней в роскошной сбруе. Нисейскими же называются эти кони вот почему. Есть в Мидии обширная равнина под названием Нисей. На этой то равнине и разводят таких больших лошадей. За этими 10 конями двигалась священная колесница Зевса, которую везло 8 белых коней. Позади самих коней следовал пешком возница, держа в руках узду, так как никто из людей не мог подниматься на седалище этой колесницы. За этой колесницей ехал сам Ксеркс на колеснице, запряженной нисейскими конями. Рядом с царем стоял возница по имени Патирамф, сын перса Отана”.

По всей видимости, персы в эпоху царя Ксеркса приносили белых коней в жертву во время исполнения ритуала Ашвамедхи. По крайней мере мы находим подтверждение этому у Геродота (кн.VII. 113): “Затем Ксеркс двинулся на запад (...), пока не достиг реки Стримона (...). На запад она простирается до реки Ангиты, притока Стримона, а на юг до самого Стримона. Этой реке маги принесли в жертву заклинанием белых коней.”

Именно этот ведийский обряд жертвоприношения коня, после чего царь – Раджа вступал в свои права верховного владыки над новыми завоеванными землями, описан и в Махабхарате.

Махабхарата

Араньякапарва “Сказание о паломничестве к тирхам”

Глава 105 (9-11)

И вот через много дней могучий царь Сагара принял, о бык-бхарата, посвящение перед обрядом жертвоприношения коня. Конь странствовал по земле под надежной охраной его сыновей. Но, как тщательно они его не стерегли, он, приблизившись к безводному, ужасающему взор океану, тут же, на месте, исчез. Тут, о сын мой, догадались дети Сагары, что превосходнейший конь похищен. Придя к отцу, рассказали они, как исчез из виду и был похищен конь; он же велел им: “Ступайте ищите коня во всех направлениях!”

(12-15) И вот по приказу отца стали искать они того коня во всех направлениях, о великий царь, по всему пространству земли. Затем сыновья Сагары снова сошлись все вместе, но никто из них не обнаружил ни коня, ни его похитителя. Пошли они тогда к отцу и, представши пред ним со сложенными почтительно руками, сказали: “Согласно твоему повелению, о царь, искали мы по всей земле с ее морями, лесами, островами, реками, потоками, пещерами, лесистыми горными склонами, но нигде не нашли мы, о царь, владыка земли, ни коня, ни его похитителя!”

(16-18) Выслушав эту их речь, царь рассудок потерял от гнева и, повинувшись судьбе, сказал им такое слово: “Ступайте же снова искать коня, чтобы больше не возвращаться; без коня, предназначенного к жертве, сыновья мои, назад не приходите!” И вот снова, вняв его велению, принялись искать (того коня) по всей земле сыновья Сагары.

(19-25) Наконец увидели герои, что земля (в одном месте) разрыта; придя к тому месту сыновья Сагары принялись копать лопатами и мотыгами и разрыли все (дно) океана. И обитель Варуны, вскапываемая сразу всеми сыновьями Сагары, повсюду разрытая, пришла в бедственное состояние. Асуры, змеи, ракшасы и различные другие существа издавали страдальческие вопли, убиваемые сыновьями Сагары. Там можно было видеть сотни и тысячи отсеченных голов, обезглавленных тел с раздробленными костями, черепами и коленями. Пока они так копали (дно) океана, обители

макаров, прошло уже много времени, а конь все не находился. Наконец, разрыв в северо-восточной части океана (дно) до самой Паталы, разгневанные сыновья Сагары увидели там коня, разгулявшего по просторам земли, а также великого духом Капилу, непревзойденное вместилище духовной мощи, полыхавшее пылом подвижничества, как (полыхает) пламя своими языками.

Такова в книге “Лесная” великой “Махабхараты” сто пятая глава.

Глава 106

(1-4) Ломаша сказал:

Когда они увидели коня, о царь, от волнения волосы на их телах встали дыбом, и в гнев, не удостоив вниманием великого духом Капилу, стремясь только поймать коня, поспешили они на зов смерти. И тогда превосходнейший подвижник Капила, о великий царь, тот превосходнейший подвижник Капила, кого называют также Васудевой, пришел в ярость. Отверзши взор, излил он на них свой духовный пыл и, наделенный превеликим духовным пылом, испепелил им скудоумных сыновей Сагары. Видевши, как они обращены были в пепел, превеликий подвижник Нарада пришел к Сагаре и поведал ему о случившемся.

17. Теперь слушай, я изложу тебе все, что сказал тогда Сагара славному лучнику Аншуману.

Сагара сказал:

Разлукой с отцом твоим, гибелью сыновей, невозвращением коня весьма огорчен я, дитя мое! Потому, приведши коня, о внук, вознеси меня, истомленного горем, смятенного душой из-за помехи жертвоприношению, над Нараккой!

Ломаша сказал:

Услышав, что сказал ему великий духом Сагара, Аншуман, побуждаемый горем, направился к тому месту, где разрыта была земля. Тем же самым ходом проник он в (недра) океана и увидел там великого духом Капилу вместе с конем. Увидав того превосходнейшего, древнего, святого мудреца, средоточие духовного пыла, склонил он пред ним голову земли и поведал о своем деле. Преданный дхарме,

щедро одаренный духовным пылом, Капила остался доволен Аншуманом и сказал ему: “Я есть Податель даров!” – о бхарата! Первым – из-за (необходимости) его для жертвоприношения – выбрал (Аншуман) коня, вторым же (даром), желая, чтобы смогли очиститься его предки, взял воду.

(25-28) Богатый духовным пылом бык-подвижник Капила сказал ему: “Дам я все, о чем просишь, – (...)”

“... уводи жертвенного коня, и да будет завершено, сын мой, жертвоприношение великого духом Сагары!”

Услышав, что сказал ему великий духом Капила, Аншуман взял коня и пошел к месту жертвоприношения великого духом (Сагары). И, припав почтительно к стопам великого духом Сагары, после того как тот вдохнул запах головы его, он поведал ему обо всем, что видел и слышал относящегося к гибели сыновей Сагары, а также сообщил ему, что конь доставлен к месту жертвы. Царь Сагара, услышав это, перестал печалиться о (гибели) сыновей; воздав Аншуману почести, он завершил свое жертвоприношение. Когда окончился жертвенный обряд, царь Сагара, чтимый всеми богами, сделал океан, обитель Варуны, своим (приемным) сыном. Долгое время тот лотосоокий царь правил своим царством, а потом, возложив бремя (власти) на внука, сам ушел на небо.

Преданный дхарме Аншуман, о великий царь, правил, подобно деду своему, всей опоясанной океаном землею. (Перевод с санскрита Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой)

Жертвоприношение коня во время обряда Ашвамедхи для ведических ариев символически повторяло и вещественно воспроизводило в ритуале космогонический миф о сотворении Вселенной из тела небесного коня. По легенде Творец-Праджапати, олицетворявший смерть, желая породить мир, превращается в коня, которого приносит себе же в жертву, поскольку по глубокому убеждению ведических ариев смерть одних является порождением к жизни других существ на свет. Смерть для ариев символизировала – Начало Творения. Тепло в теле человека как и в других существах в санскрите – тапас, в курдском - тәф, ведические арии понимали как истечение внутреннего огня и, следовательно, поэтому акт

жертвоприношения коня во время Ашвамедхи символизировал высвобождение и выход наружу, из тела – священного огня. Именно поэтому ведические арии и возжигали три ритуальных огня на алтаре – прачинавансе во время исполнения Ашвамедхи.

Огонь этих трех алтарей являлся живой манифестацией изначально верховного божества – Брахмана у ведических ариев, а позднее – Ахурамазды у иранцев-зороастрийцев.

Брихадараньяка
Упанишада

II Брахмана

7. ... Поэтому и приносят в жертву
Праджапати освященного коня,
принадлежащего всем богам.

Поистине ашвамедха – это то, что
излучает тепло; его тело – год; Этот
огонь – арка.

Из АВЕСТЫ мы можем узнать, как назывались эти III священных огня у иранских-митаннийских ариев, которые завоевали всю Среднюю Азию и Иранское нагорье, затем Переднюю Азию и Ближний Восток во II-ом тыс. до н.э., двигаясь с севера с Урала и совершая ведийский обряд завоевания новых земель – Ашвамедха.

(1) Эти три огня суть Атур Фарнбаг, Гушнасп и Бурзенмихр. (2) От начала сотворения мира они существуют в благодати именно в таком виде, как Ахура-Мазда определил их благодать (Фарр) для охраны и защиты мира. (3) И в период царствования Тахмура на спине быка Сришока, когда переселялись люди из Хванираса (мифическая прародина иранцев) в другие климаты земли, однажды ночью, посреди моря при сильном ветре упал алтарь с огнем со спины быка, на которой он был установлен. Тогда все три (этих) огня, подобно трем благодатям (фарром) загорелись на месте (этого) алтаря огня, и вновь стало светло, и те люди смогли пересечь море. (5) А Йима (у Фирдоуси – Джемшид) во время своего царствования благодаря помощи тех трех огней правил более успешно. И установил он Атур Фарнбаг в храме (dadgah) на горе Хваррохомахед в Хорезме

(pad Xwarazm). А когда Йима был предан, то именно Атур Фарнбаг спас его фарр от посягательств Дахака (у Фирдоуси – Зоххак). (6) В царствование царя Виштаспы благодаря откровению свыше (букв. “откровению из веры”) [его] [Атур Фарнбаг] перенесли из Хорезма на гору Рошн, которая около селения Карнийан, и до сего дня этот огонь находится там. (7) Атур Гушнасп до царствования Кей-Хосрова также защищал мир. Когда Кей-Хосров разрушил капища идолов, он (огонь) сеял на гриве (его) коня, разгонял тьму и освещал мир. И так было все время, пока (Кей-Хосров) разрушал капища идолов. И там, на горе Асаванд, был основан храм этого огня. Его называют “Гушнасп”, потому что он находился на гриве коня. (8) Атур Борзин-Михр до правления царя Виштаспы также сохранял мир. Когда Заратуштра с бессмертной душой провозгласил (свою) веру, то для ее распространения, чтобы сам Виштаспа и его потомки придерживались веры богов, огонь (Атур Борзин-Михр) показал многие знамения. Виштаспа основал его храм на горе Реванд, которую называют “Хребет Виштаспы”.

(См. Шах-Наме. М. 1984 г. Том 5. Примечание стр. 358-359)

Ведийско-арийский огонь Атур-Борзен-Михрбан как этноним сохранился до настоящего времени у уральских башкурдов рода Борзян и у курдов Месопотамии рода Борзан.

Именно от этого священного огня и возжигали огонь своего каждого домашнего очага древние башкурды и курды. Подтверждение этому обычаю башкурдов и кордов мы находим в истории Парфянского царства (250 г. до н.э. – 224 г. н.э.), где ведийско-арийский, курдско-башкурдский огонь Атур-Борзен-Михрбан стал почитаться “национальным” огнем парфян. После этого можно с полной уверенностью предполагать, учитывая известное в индо-иранских языках чередование согласных Б < П, что Борзян – это Парфян.

Именно башкурды и курды Борзяне – Парфяне стали нанимать алтайских и сибирских Турков на службу в свою парфянскую армию, а затем и расселять этих тюркских дикарей на территории Малой Азии на юге и по территории Волжско-Каспийского речного бассейна на северо-западе, для защиты своей индо-иранской цивилизации арабов – на юге и от не менее диких скандинавов-немцев на северо-западе.

Родство башкурдов Урала с курдами Месопотамии уже на самом древнем «ведийско-арийском» уровне подтверждается сообщением Геродота, который писал (История IV. 17, 52), что в Скифии проживает племя – Ализоны (Аланы), имя которых, как установили, произошло от древней иранской праформы – Аръязана «арийское племя», тогда как из другого сообщения того же Геродота (I, 101) одно из шести мидийских племен носило имя – Аризанты.

С этой этнографической точки зрения вызывает огромный интерес, что известные нам по Геродоту (III, 116; IV, 13, 14, 27) племя уральских Аримаспов соответствуют башкурдскому роду – Аримес в составе башкурдского-же племени Гайна, проживающего на севере Башкурдистана.

Другое скифское племя у Геродота (IV, 21, 22, 102, 105, 108, 109, 119, 122, 123, 136) – это Будины, жившие в античности в низовьях современного Дона и по имени и по своему скифо-иранскому языку соответствуют мидийскому племени – Будии, которые составляли одно из шести племен мидийцев – предков курдов наряду с такими как: бусы, паретакены, струхаты, аризанты и маги. Как известно, господство мидийцев сверг Кир-Великий, а религиозный культ магов-мидийцев (езидов Лалеша) разрушил Ксеркс. В целом Геродот и так писал о том, что Сигинны «фракийское» племя родственны – Мидийцам.

В мифологии родство Башкурдов Урала с ведийско-арийским миром и, в частности, с курдами-мидийцами, раскрывается в том, что арии-дэвопоклонники первоначально обитали на территории Средней Азии, откуда их в начале I тысячелетия до нашей эры вытеснили пришедшие с севера с Урала – Сако Массагеты, которые обосновались на территории, названную в их честь – Сакастан, современная провинция Сеистан в Иране.

В мифологии Саков-Массагетов особую роль играл цикл преданий о Саме Рустаме Нараяме, тождественного образу древнеиранского Саме-Керсаспе-Нараямы, идентичного своими подвигами пураническому божеству – Кришне, аватаре ведийско-арийского Вишна-Нараяне.

Для того, чтобы понять всю диалектику отношений между богами водной стихии Вишну, Нараяной и Кришной в индуистском

богословии, необходимо вернуться к ее первоисточнику – башкурдской мифологии. Наркас, дочь подводного царя Шульгена, родного брата Урал-батыра, и есть аватара водного царя, поскольку она есть его родная дочь.

Наркас как аватара водного царя Шульгена вступает в брак с журавлем – Торна Хаубеном, чье индоевропейское имя – Тор “сеть”, “невод” (курдск. яз.); Торчи “рыбак” (курдск.); Торьн “знатный человек-боярин” (курдск.); Бенд “запруда, плотина, дамба” (курдск.) и Vania “нырять, погружаться в воду” (итальянск. яз.) – прямо указывают на – Водную – Нара (санскр.) стихию. По башкурдскому мифу эти две птицы утка – Наркас и журавль – Торна Хаубен совершают священный брак и улетают к Солнцу (возвращаются к первоисточнику – Брахмо).

82. (...) Если меня равной сочтешь,
Подчинюсь я воле твоей,
С тобой на Урале вдвоем
Будем жить-поживать.

Сказала так Наркас и, открыв лицо, улыбнулась Хаубану, говорят. Тут Хаубан, увидев красоту Наркас, подивился, говорят. Когда Хаубан согласился взять ее (в жены), Наркас повелела всем стадам своего отца выйти из озера. И вот из озера вышли, говорят, табуны саврасых коней, покрывая всю землю. Хаубан раздал их беднякам, не имевшим лошадей. Сам же сел на Акбузата (белого как лед коня) вместе с Наркас, и отправились они в стану Хаубана, говорят.

(См. Башкирский народный эпос, стр. 417)

Отцом Хаубана является по мифу Сура, то есть Сурья, ведийский бог Солнца и, следовательно “страна Хаубена” – это область Света.

Опираясь на то положение в науке, что предки башкурдов – ведические арии во II-ом тыс. до н.э., а затем и Сако-Массагеты в сер. I тыс. до н.э. покинули свою прежнюю родину – Южный Урал и поселились в завоеванной ими Северной Индии и восточном Иране (Сакастан-Сеистан), а не наоборот, то, следовательно, нет никаких сомнений в том, что знаменитое пураническое предание о двух

птичках Наре и Нараяне, вступающих в супружеский брак, а также сако-согдийское предание о Саме-Керсаспе-Нараве, возникли из башкурдского мифа о Наркас и Торна-Хаубене.

Бог Вишну Риг Веды в Упанишадах и Бхагаватгиты отождествляется с Нарой-Нараяной, то есть Космическими Водами. По Махабхарате, во время междуусобной войны предков башкурдов и курдов – ведических Куру бог Космических Вод Вишну : Нара – Нараяна через своего аватара Кришну (Керсаспа, авест.) воплощается в облике возникшего Арджуны на поле битвы Курукшетра.

О древности ведийско-арийского бога Кришны свидетельствует тот факт, что автором гимна 85 в восьмой мандале Риг Веды является сам риши Кришна, который восхваляет “владелец коней” Ашвинов-Насатьев.

VIII, 85. (К Ашвинам)

1. На мой зов, о Насатьи –
Ашвины, приезжайте вы,
Чтобы пить сладкую сому!
3. Это Кришна, о Ашвины,
Зовет вас двоих, о богатые наградой (...)
.....
4. Слушайте зов воспевателя,
Восхваляющего (вас) Кришны, о два мужа
.....
8. Приезжайте, о Ашвины
На трехместной трехчастной колеснице
(перевод Т.Я.Елизаренковой)

Этот стих Риг-веды говорит об исконно арийском, ирано-индогерманском происхождении имени и образа бога Кришны. Поскольку Кришна является аватарой водного божества Вишну (wash – англ.; йеуеш – башкурд.; шо-шущьтн – курдск.), имя которого производно от корня – viz “проникать” (санскр.), то нет никаких сомнений, что слово – Нарава “водный” является – родовым эпитетом

– бога Кришна, точно также как этот-же эпитет – Нарава употребляется в АВЕСТЕ применительно к Саму-Керсаспе “богатому конями Саме”.

Для того, чтобы понять, что ведийский бог – Кришна-Вишну представляет из себя того же авестийского Керсаспу, необходимо обратиться к башкордской мифологии, по которой Самрау является верховным божеством Вселенной, его дочь Хомай – хью “вода” (башкордск.) передает Урал-батыру небесного коня, а правнук Урала, сын Суры (Сурья – санскр.) и правнук Яика (Даитья – авест.) герой Торна-Хаубен женится на Наркас, дочери подводного змея Шульгена (Шуша – санскр.) и затем выводит на сушу небесных коней из глубины Мировых космических вод.

Именно с территории Южного Урала (Башкурдистана) отправилось в поход завоевывать Индию и Иранское нагорье знаменитое арийское племя Куру (II тыс. до н.э.) распевая в пути свои национальные ведийские гимны, один из которых (VIII, 85) был сочинен Кришной-Нараяной.

Именно на территории Южного Урала возле блаженной Вахви Даитьи (Яик) родился пророк Заратуштра, который подверг реформам свою старую ведийскую религию, а затем войска индо-ариев саков-сагартиев во главе с героем Сама-Керсаспа-Наравой вступили в междоусобную войну со своими братьями – ведическими ариями (Турами) и захватили область Сакостан-Сеистан на юге (от Урала).

Эту междоусобную войну описывают как АВЕСТА, так и Махабхарата. Так в АВЕСТЕ эта религиозная война описана как битва маздаянстов с Турами, а в Махабхарате как битва между Кауравами и Пандавами, где упоминаются курды – кокаи (кекайи).

По всей видимости герой саков – Рустам сам ранее был дэвопоклонником, на что намекает его происхождение, поскольку его мать Рудаба была дочерью царя Кабулиста Мехраба, потомка змея – Даххака. Став зороастрийцем, Рустам всю свою жизнь посвятил войне с дэвами. Прадедом Рустама был Нереман, имя которого и восходит к ведийскому эпитету Керсаспы-Кришны “нарьямана”. Этот ведийский эпитет в первую очередь должен прилагаться к имени Торна-Хаубена, который – обогатил лошаадьми – (Керсаспа) людей тем, что вывел небесных коней из пучины Мировых вод, а затем совершил священный брак с Наркас, как Нара с Нараяной в ведийском предании.

Таким образом мы теперь точно установили, что основным регулятором межплеменных отношений у предков башкордов в догосударственную историческую эпоху являлся религиозный обряд жертвоприношения коня – Ашвамедха. Этот ритуал, как это описано в башкордском мифе Урал-батыр, исполнялся в течении одного года, что в целом полностью согласуется с данными древнеиндийских письменных исторических источников, а также описанием перенесения трех священных огней на спине быка и переселение древних иранцев на новые земли, излагаемые в “АВЕСТЕ”.

С точки зрения философии, то есть, с точки зрения нашего исследования здесь самым ценным является отождествления предками башкордов юридического закона с религиозным обрядом, исполнение которого давало людям моральное право на обладание завоеванной землей. В религиозном обряде происходило сакральное зарождение и становление юридического права. Исходя из логики рассуждения древних башкордов, равно как и ведических ариев – не человек создавал юридический закон, а сам – Космический закон через правильное исполнение жертвенного обряда людьми – нисходил с небес на землю и начинал регулировать межплеменные “государственные” отношения.

Божества руководили законом и раскрывали себя через религиозные обряды, которыми были буквально пронизаны все отношения как между людьми, так и отношения каждого человека с природой.

Урал, завоевав землю путем исполнения обряда Ашвамедхи, устанавливает свое юридическое право на землю, но его брат Шульген, получив свободу, затем нарушает и эти законы.

Наказание Шульгена в эпосе Урал-батыр казнь клятвопреступника у ведических ариев и скифов

Мера за самые тяжкие преступления у предков башкордов в древние времена по всей видимости по своей форме совпадала с ритуалом Ашвамедхи только с той разницей, что обрядовый ритуал по своему смыслу был направлен не во внешнюю, а во внутреннюю сторону. Это довольно легко понять, если вспомнить, что для

башкордов как и для всех иранцев-зороастрийцев, маздаинистов и позднее – манихеев такая юридическая категория как – Зло представлялось как – Активная Субстанция, постоянно ведущая борьбу с Добром, которое отождествлялось в представлениях древних иранцев, равно как и ведических ариев со – Светом. Таким образом Добро в облике Света вело по мнению предков башкордов – Саков борьбу со Злом в облике Тьмы. Поэтому, чтобы окончательно уничтожить субстанцию Зла во Вселенной, древние Скифы: Сако-Массагеты полагали – прежде всего необходимым рассечение субстанции Тьмы огнем, то есть Светом в ритуале почти идентичным обряду – Ашвамедха.

Каждый преступник для древних башкордов представлял активной акциденцией субстанционального Зла в мире и с этой точки зрения физическое уничтожение каждого преступника как семени мирового Зла почиталось наивысшим благом.

Наиболее полное подтверждение нашему открытию, что у предков башкордов – Саков: Скифов наказание преступника напоминало обряд Ашвамедхи, мы находим у Геродота, писавшего:

IV. 69. “Род казни прорицателей следующий. На запряженный быками воз наваливают доверху хвороста. Прорицателей со связанными ногами и скрученными за спиной руками запикивают в кучу хвороста. Хворост поджигают и затем пугают и погоняют быков. Нередко вместе с прорицателями в огне гибнут также и быки. Но все же, когда дышло обгорит, быкам иногда удается спастись, получив ожоги. Упомянутым способом прорицателей сжигают, впрочем, и за другие проступки, называя их лжепророками. Царь не щадит даже и детей казненных: всех сыновей казнят, дочерям же не причиняет зла.”

Именно этому наказанию и должен был быть подвергнут Шульген как дважды преступивший закон – клятвоступник. Иными словами, по древнеиранскому юридическому закону Шульген, нарушив клятву, совершил преступление перед богом клятвы – Митрой.

На индо-арийском языке АВЕСТЫ имя Митра означает “договор”, “соглашение” и, считалось что Митра является хранителем космического закона мироздания – АРТА, РТА-РиТа в Риг-Веде и рэт “порядок” у башкордов Урала. Митра не столько иранское, сколько

индо-иранское божество выступающее вместе в паре с богом водной стихии-Варуной. Если бог Митра был хранителем клятвы, то бог Варуна был хранителем нерушимости границ, на что собственно и указывает его имя производное от курдско-башкордского корня – war “стоянка” – йар “берег”, то есть – Var “покрывать” (пространство).

Если бог Митра связан с водой, то бог Варуна был связан с космическими водами. Двуетное божество Митра-Варуна почитался древними индо-германцами хранителем космического закона Риты (рэт, башк.) и богом клятвы и соблюдения договора между людьми.

Эти факты показывают, что Шульген, заключив договор с Уралом, а затем нарушив его, тем самым согрешил по древним индо-иранским юридическим нормам и понятием преступление против самих богов договора Митры-Варуны.

Шульген, нарушив клятву, данную Урал-батыру, скрывается на дне Мировых Космических Вод и, здесь, мы имеем весьма важное и интересное соответствие башкордского предания с юридическими законами древних индо-иранцев, применявшимися по отношению к людям, нарушившим свои клятвы.

Шульген, предав договор с братом, скрывается от Урала и своего наказания на дне озера, то есть под водой.

Точную аналогию башкордскому мифу, повествующему о погружении клятвоступника Шульгена в воду, мы находим в юридической практике Древней Индии. Так, в санскритском тексте “Яджанавалкья” говорится, как пишет И.В.Рак: (...) “Обвиняемый должен был погрузиться под воду, держась за ноги стоящего рядом человека. Погружаясь, он произносил следующие слова: “Воистину, защити меня, Варуна!” В этот момент стреляли из лука и быстрый бегун бросался вслед за стрелой. Если бегун возвращался со стрелой до того, как обвиняемый под водой погиб, это значило, что Варуна (...) щадил и оправдывал его. Если же несчастный умирал, значит он был виноват и на этом дело заканчивалось.”

(И.В.Рак. “Зороастрийская мифология”, стр. 461, ст. Варуна)

Стрела и лук, о которых говорится в “Яджанавалкья”, являются атрибутами башкордского божества Торна-Хаубена (Трита-Аптыя, вед.) сына Суры (Сурья, санскр.) внука Яика (Вахви-Даитья, авест.)

правнук Урала – Weralt (немец.). Этот лук со стрелами Хаубену подарил Старик Тараул, чье имя произошло от ведийско-арийского слова – Тара “звезда”.

Таким образом мы четко выявили и установили наличие в башкордской мифологии древнего индо-иранского культурного пласта, свидетельствующего о типе юридических законов и наказаний для человека, преступившего клятву.

Род казни прорицателей у предков башкордов саков-скифов, передаваемый в рассказе Геродота (IV, 69), удивительно точно соответствует нормам юридических испытаний – огненных ордалий у древних индо-иранцев, которым подвергались люди, обвиняемые в клятвопреступлениях перед Митра-Варуной. Как пишет И.В.Рак: “Одно из испытаний огнем заключалось в том, что обвиняемый должен был пробежать по узкому проходу между двумя пылающими колесницами. Если он оставался жив, значит Митра (...) провозглашал его невиновным”.

(См. И.В.Рак, указ. соч. там же)

Ведический ритуал Ашвамедха, благодаря исполнению которого индоарии завоевали территорию Курукшетры в Северной Индии, заканчивался вкушением – жертвенной пищи.

О том, что ритуалы предков башкордов Массагетов совпадали с ритуалами ведических ариев еще во времена персидского царя Дария (549-486 гг. до н.э.), указал Геродот, по всей видимости сам того не ведая. В башкордском мифе “Урал-батыр” описан древнеиранский обычай закапывать живых людей в землю в жертву богам.

Повстречавшаяся Урал-батыру старушка с дочерью говорят герою:

650(3-10). В нашей стране побывал бы ты!
Падишаха Катила дела
Сам бы увидал!
Девушек и женщин, юношей и отцов
Без разбору старых и молодых,
Связав по рукам и ногам,
Выбирая самых лучших,
Раз в году заставлял собирать и
В свой дворец приводить;

660(4-8). Дочь его егетов отбирает,
Сам он девушек выбирает,
... Всех остальных не щадят –
Несмотря на кровавые слезы их,
Живыми-здоровыми они
Девушек в озеро бросают,
Мужчин в огне сжигают.

[Этот обычай сжигать виновных в огне подробно и детально описан у Геродота]

670. В честь дня рождения своего,
В честь богов раз в году
Катил кровавые жертвы приносит.
Вот и я десятерых детей
Произвела на свет.
Четверых из них забрали,
Пятерых в воде утопили,
Изболелось сердце у моего (мужа) – старика,
Когда лишился девятерых детей,
Он этого не мог перенести
680(4-7). ... Бросился на приближенного (шаха)
Бедный мой, в тот же день
Безжалостно на моих глазах
Живьем был в землю зарыт.

У Геродота о практике персов принесения живых людей в жертву богам идентичной древнебашкордской говорится в его “Истории” (кн. VII, 114) так: “Совершив эти и еще много других магических обрядов в честь этой реки, персы переправились по мостам через реку у Эннеагодой в Эдонийской области (на Стримоне они нашли уже построенный мост). Узнав, что это место называется Эннеагодой (Девять путей), они принесли в жертву там столько же мальчиков и девочек из числа местных жителей, закопав их живыми в землю. Закапывать жертвы живыми – это персидский обычай. Как я узнал из рассказов, супруга Ксеркса Амстрида, достигнув преклонного возраста, велела закопать живыми 14 сыновей знатных персов в благодарность богу, живущему, как говорят, под землей.”

Как пишет автор примечаний Г.А.Стратановский: “Человеческие жертвы в эпоху Геродота были редкостью”, из чего следует, что башкордский эпос Урал-батыр, сохранивший свои национальные древнеперсидские воспоминания о практике человеческих жертвоприношений, является исключительно ценным историческим источником.

Интересен и по всей видимости более важным историческим свидетельством этнической близости древних башкордов – с ведическими ариями является описанный Геродотом 4 раза один и тот же ведийский ритуал принесения в жертву человека как мифического первочеловека – Пурушу у живущих на Южном Урале Массагетов и Исседонов, а затем у живущих в Индии в эпоху Дария I таких народностей как – Каллатии и Падеи.

Предки башкордов – Уральские Массагеты и Исседоны исполняли ведийско-арийский ритуал Пурушамедха и расчленение мифического Первочеловека, который подробно описан как в эпосе Урал-батыр, так и в 90 гимне в X мандале в Риг-Веде.

Пурушамедха у башкордов (по эпосу Урал-батыр)

Свалился тут Урал [Vir (санскр.), Ver-alt (нем.), World (англ.)]

Собрались люди все,
Горько плакали, говоря:

4180. “Был он счастьем народа”.
Урал-батыр, погибнув, из своего тела создает мир – World-Veralt-Vir
4380(5-10). К Иделю, Яику,

К батырам Нугушу и Хакмару
Люди собравшись пришли.
“Что делать нам?” – спросили все
Растерявшиеся сказали они.
.....

4490. Четверо батыров, собравшись,
Сели вместе, задумались они:
Яик, Нугуш и Хакмар

Новые реки начали искать.
Они тоже как Идель
Один за другим
Ударили булатным мечом – [по земле-телу Урала-World]
От их ударов три реки
Побежали, журча, говорят.
Собрали они свой народ,
Между четырьмя батырами разделился он,
4500. Вдоль четырех рек
Расположили жилища свои
И стали отдельными родами жить.
Четырех батыров имена
Стали названиями четырех рек
И остались незабываемыми
В поколениях их имена
4360(7-10). Каждый месяц и каждый день
...Все новыми животными полнился Урал (World)
Люди по дням прихода птиц
4370. Разделили месяца и года,
Дав им названия в том порядке
как они пришли.

Этот обряд Пурушамедха “расчленения тела мертвого человека на обряде”, символизировавший космогонический процесс зарождения Космоса из частей тела Первочеловека –Урала: Vir-alt (нем.), справляли позднее и ведические арии, ушедшие с Урала в Индию в сер. II тыс. до н.э.

Обряд Пурушамедхи справляли и уральские исседоны и массагеты, о чем в сильно искаженном виде поведал нам Геродот. Подлинный религиозный и юридический смысл проводимых исседонами и массагетами жертвенных обрядов, описываемых у Геродота в “Истории” ученые-индологи и иранологи, башкурдоведы смогут понять только в том случае, если будут непосредственно сопоставлять эти обряды далеких предков башкордов Урала с традицией жертвенных обрядов ведических и митаннийских ариев.

Эти сопоставления показывают, что Дахо-Массагеты справляли два ведических обряда – Ашвамедха “Жертвоприношения коня” Солнцу и Пурушамедха, тогда как уже Исседоны жившие по Геродоту не в степной, а лесной зоне Уральского региона, справляли только один обряд – Пурушамедха.

**Пурушамедха у ведических ариев
Ригведа X. 90.**

2. В самом деле, Пуруша – это вселенная
Которая была и которая будет.
Он также властвует над бессмертием.
Потому что перерастает (все) благодаря пище.
3. Таково его величие
И еще мощнее этого (сам) Пуруша
Четверть его – все существа,
Три четверти его – бессмертие на небе.
6. Когда боги предприняли жертвоприношение
С Пурушей как с жертвенным даром,
Весна была его жертвенным маслом,
Лето – дровами, осень – жертвенным даром.
7. Его как жертву кропили на жертвенной соломе,
Пурушу рожденного в начале.
Его принесли себе в жертву боги
И те что садхья и риши.
11. Когда Пурушу расчленили,
На сколько частей разделили его?
Что его рот, что руки,
Что бедра, что ноги называется?
Из пупа возникло воздушное пространство,
14. Из головы развилось небо,
Из ног – Земля, стороны света – из уха.
Так они устроили мир.
15. (...) Когда боги совершая жертвоприношение
Привязали Пурушу как (жертвенное) животное.

**Пурушамедха у Дахо-Массагетов и Исседонов
(по описанию Геродота)**

(Кн. I. 216)

“Об обычаях массагетов нужно сказать вот что. (...) Никакого предела для жизни человека они не устанавливают. Но если кто у них доживает до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть – для них величайшее блаженство. Скончавшегося от какого-нибудь недуга они не поедают, но предают земле. При этом считается несчастьем, что покойника по его возрасту нельзя принести в жертву.”

(Кн. IV. 26)

“Об обычаях исседонов рассказывают следующее. Когда умирает чей-нибудь отец, все родственники пригоняют скот, закалывают его и мясо разрубает на куски. Затем разрезают на части также и тело покойного отца того, к кому они пришли. Потом все мясо смешивают и устраивают пиршество. С черепа покойного снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят как священный кумир. Этому кумиру ежегодно приносят обильные жертвы. Жертвоприношение совершает сын в честь отца, подобно тому как это происходит на поминальном празднике у эллинов. Этих людей также считают праведными, а женщины у них совершенно равноправны с мужчинами.”

Генетическое родство башкордов, в космогоническом мифе которых говорится как четыре потомка Урал-батыра расчленили его мертвое тело на четыре части, и их уральских предков ведических ариев – Исседонов и Дахо-Массагетов с жителями Северной Индии еще в эпоху Геродота говорит такой весьма примечательный и основополагающий факт, как полное совпадение жертвенных обрядов.

Не только предки башкордов Урала – Исседоны и Дахо-Массагеты, но и потомки ведических ариев, обитавших уже в Индии, продолжали справлять в эпоху Геродота свой древний священный обряд – Пурушамедха.

Так у Геродота в книге III, гл.38 из его “Истории” читаем: “Царь Дарий во время своего правления велел призвать эллинов, бывших при нем, и спросил, за какую цену согласны они съесть своих покойных родителей. А те отвечали, что ни за что на свете не сделают этого. Тогда Дарий призвал индийцев, так называемых каллатиев, которые едят тела покойных родителей, и спросил их через толмача, за какую цену они согласятся сжечь на костре своих покойных родителей. А те громко вскричали и просили царя не кощунствовать. Таковы обычаи народов, и, мне кажется, прав Пиндар, когда говорит, что обычай царь всего.”

Таким образом мы убеждаемся в поразительном сходстве жертвенных поминальных обрядов у предков башкордов Массагетов и Исседонов с обрядами индийских каллатиев, которые платили дары персидскому царю Дарию I в виде самородков золота и 200 стволов эбенового дерева.

Помимо каллатиев были и другие индийские племена, в среде которых были распространены обряды человеческих жертвоприношений.

В частности у Геродота (кн. III, 99) говорится: “Далее к востоку обитают кочевые индийские племена, питающиеся сырым мясом. Они называются падеями. Обычаи их, по рассказам, вот какие. Когда кто-нибудь – мужчина или женщина – занедужит, то, если это мужчина, его убивают ближайшие друзья – мужчины же. Ведь, по их словам, недуг, снедающий больного, загубит для них его мясо. А тот уверяет, что вовсе не страдает от недуга. Они же, не внимая его словам, умерщвляют его и затем поедают труп. Если же недуг поражает женщину, то ближайшие родственницы больной поступают с ней так же, как мужчины. Что же касается старцев, то их торжественно закалывают (и приносят) в жертву (божеству) и также съедают. Впрочем, до преклонного возраста доживает у них немного людей, так как всякого убивают уже раньше, если он страдает каким-нибудь недугом.”

По всей видимости Геродот, который сам никогда не бывал в Индии и на Урале (Рифейские горы) у предков башкордов Дахо-Массагетов и Исседонов, не зная сути ведийско-арийской религии,

описал ритуал Пурушамедхи как якобы обряд “поедания человека человеком”.

Попытки некоторых ученых считать или пытаться подводить упоминаемых Геродотом – падеев и каллатиев к дравидам выглядят весьма и весьма малоубедительными, поскольку этот же обряд Пурушамедхи в то же самое историческое время справляли индо-ираноязычные арии Южного Урала: Сако-Массагеты и Исседоны. Более того известно, что и сами ведические арии исполняли обряд – Пурушамедхи, о чем собственно и свидетельствует гимн-90 из X мандалы Риг-Веды.

По всей видимости в древности существовала следующая этнографическая картина: Каллатии и Падеи Индии были кочевыми ведийско-арийскими племенами, которые представляли угрозу для культурных ведических ариев, ведущих оседлый образ жизни. Неспроста, поэтому Геродот замечает, что: “Далее к востоку обитают кочевые индийские племена, питающиеся сырым [копченным, вяленным – прим. С.Г.] мясом”, поскольку лошадь пришла в Индию вместе с индоариями, которые в эпоху Риг-Вед как раз и вели кочевой образ жизни. Дравиды никогда не были кочевниками и тем более кочевниками на лошадях.

Нет никаких сомнений в том, что в эпоху Геродота индоарийское божество состояло условно из двух классов, как впрочем и у древних персов – кочевых ариев и осевших на земле вайшьев, ведущих оседлый образ жизни, которые постоянно “враждовали” между собой. Например, для древних персов их родичи Дахо-Массагеты представляли из себя дикарей – Тугуа (курдск.), которые ведут некультурный “кочевой” образ жизни. Именно кочевники Дахо-Массагеты по Геродоту “ели мясо своих родителей” и отрубили голову персидскому царю Киру Великому, которую позже засунули в мешок, наполненный кровью. Точно также и в древнеиндийском обществе времен Геродота существовали кочевые арийские племена – каллатиев и падеев, которые как и поклонники Вакха – Диониса в Малой Азии “питались сырым мясом”, то есть, во время обрядов разрывали на части козленка, символизировавшего живого бога – Первочеловека Пурушу.

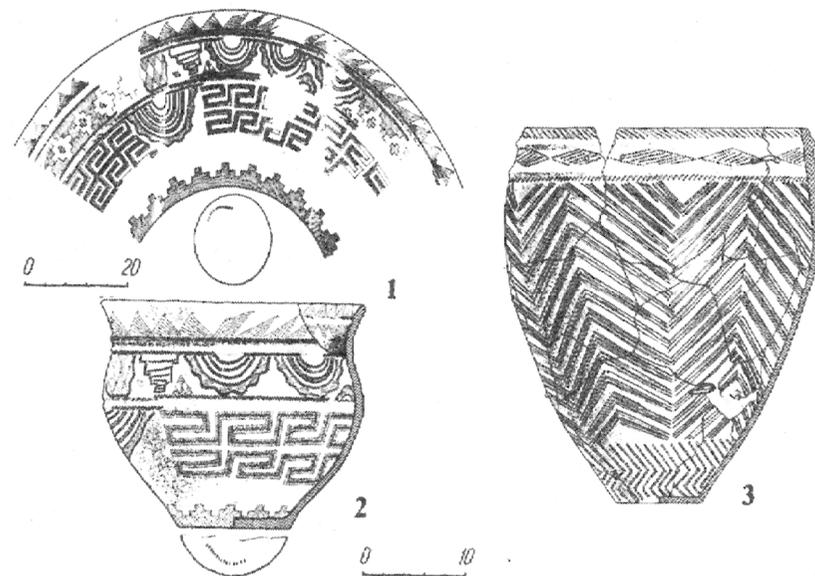
В АВЕСТЕ, чей язык близок к языку гимнов Риг-Веды, в Гатах кочевые иранцы – Турьи почти всегда упоминаются как злодеи или творения ада. Если чисто условно допустить по старинке, что евреи – джьһу “отделившиеся” (курдск.), то есть евреи Ашкенази произошли от ираноязычных скифов – Ишкуза, исполнявших обряд Пурушамедха, то тогда становится понятным сам мотив и истоки происхождения лжеобвинения евреев в якобы – испития человеческой крови.

Здесь нет необходимости приводить исторические свидетельства в пользу того, что у древних индогерманцев существовали дикие обряды человеческих жертвоприношений. Эти факты и так известны ученым.

Следует только еще раз указать, что в древности жертвенные обряды – Пурушамедхи, а затем и Ашвамедхи по логике мысли древних индоариев порождали собой вследствие правильного исполнения самого сакрального ритуала в конечном счете – юридическое право, которому ведические арии и их потомки – башкорды следовали и подчинялись в течение одного календарного года, вплоть до исполнения ритуала Ашвамедхи в следующем, новом году. Все это означает, что для предков башкордов жертвенный обряд Ашвамедха представлял из себя – рождение юридического Закона.

Заключение

Сопоставление текста Брихадараньяки Упанишады, в котором говорится о правилах установления жертвенных сосудов – Махиман впереди и позади коня во время исполнения обряда Ашвамедхи с более древними находками ритуальных сосудов – Махиман в могилах ведических ариев со следами жертвоприношения коней на могильнике Синташта, датируемого 1-ой пол. II тыс. до н.э., открыто показывают нам, что многие свои обычаи, обряды и законы племена ведических ариев привнесли с собой в Индию с Южного Урала, то есть с мест своего прежнего обитания.

Памятник С II. Погребение 7.

Сосуды Махиман с изображением свастики, поставленные в могилу ведического ария Куру (Южный Урал Синташта II тыс. до н.э.).

Введение	5 стр.
Содержание	
Часть I	
1 Намыз-Nomos	13 стр.
3 Кэрэк-kerugma	14 стр.
4 Историческая эпоха создания эпоса “Урал-батыр”. Материнский род	25 стр.
5 а. Народное собрание – “Королтай” Высший институт юридической власти	49 стр.
6 б. “Непослушание отцу!”	52 стр.
7 в. Минорат у башкордов и праздник – Хабандтуй	53 стр.
8 г. Правило поведения детей у семейного очага у древних башкордов и суть первого преступления Шульгена	55 стр.
9 д. “Клятвопреступление”	64 стр.
10 . Непослушание богам!	67 стр.
11 ж. “Кровная месть”	68 стр.
12 з. Народный Суд– Ареопат	75 стр.
13 Греческо-индоиранские связи	91 стр.
14 Башкорд Мануш из рода Борзян основоположник юридического Права индо-ариев	98 стр.
15 Древняя часть генеологического древа башкордского рода Борзян	99 стр.
16 Посоx - знак царской власти в Авесте	103 стр.
17 Посоx - знак царской власти в эпосе Урал-батыр	104 стр.
18 Законы Ману	120 стр.
19 Археологическое доказательство! (Зарождение “Законов” Ману на Южном Урале)	124 стр.
20 Курды, “Законы Ману” и учение о Карме	134 стр.
21 <u>Лингвистическое доказательство!</u> «Принадлежность башкордов Урала к иранцам» БАШКАРДИ ГРУППА ДИАЛЕКТОВ	139 стр.

Часть II	
22 Искоренение Имени человека из памяти потомков в башкордском эпосе Урал-батыр	145 стр.
23 Мистическое значение ритуала – испития жертвенной крови в обрядах древних башкордов и скифов у Геродота	162 стр.
24 Ведический ритуал – Ашвамедха у Башкурдов Урала	168 стр.
25 Историческое примечание	190 стр.
26 Махабхарата	195 стр.
27 Наказание Шульгена в эпосе Урал-батыр. Казнь клятвопреступника у ведических ариев и скифов	204 стр.
28 Пурушамедха у башкордов	209 стр.
29 Пурушамедха у ведических ариев	211 стр.
30 Пурушамедха у Дахо-Массагетов и Исседонов	212 стр.
Заключение	216 стр.

**САЛАВАТ
ГАЛЛЯМОВ**

**Этика древних башкордов
в эпоху создания национального
эпоса:
Урал-батыр**

Том III

Национальный Музей РБ
450008 г.Уфа ул. Советская, 14
подписано в печать 2002. формат бумаги 84x108/32.
Бумага потребительская. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 11,66.
Уч. Изд.л. 8,62. Заказ № 67 Тираж 350 экз.
Отпечатано в издательстве НМРБ Отдел научной информатики
Издательская лицензия ИД 04923 от 30.05.2001г.

Готовится к изданию в этом году следующая книга
«Эстетика древних башкордов» автор С. Галлямов

**Золотой олень Сарматской эпохи
Филипповские курганы IV в. до н.э.
из фондов МАЭ Башкортостана**